

Хасан Лагустанович Харазия

Дорогами мужества

Харазия Х. Л. Дорогами мужества. — М.: Воениздат, 1984, — 176 с., 10 л. ил. — (Военные мемуары). / Литературная запись Н. В. Ивановой. // Тираж 65 000 экз.

Аннотация издательства:

В годы Великой Отечественной войны автор был командиром полка, бригады, дивизии. Участвовал в боях под Москвой, Сталинградом, в Южной Карелии, в освобождении от Фашистов Венгрии, Австрии и Чехословакии. На протяжении войны Хасан Лагустанович Харазия, ныне генерал-лейтенант в отставке, служил в разных родах войск: в кавалерии, в механизированных, стрелковых и воздушно-десантных частях и соединениях. О мужестве и доблести советских воинов, их борьбе за нашу победу рассказывается в этой книге.

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава первая. Мы — красная кавалерия [3]
- Глава вторая. Перед грозой [33]
- Глава третья. На дальних подступах к Москва [50]
- Глава четвертая. В сталинградских степях [100]
- Глава пятая. В крылатой пехоте [111]
- Глава шестая. Гранит Карелии [125]
- Глава седьмая. Весна Победы [161]
- Примечания
- Список иллюстраций

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Глава первая. Мы — красная кавалерия

— Подъем! — гулко гремит команда под сводами нашей казармы.

Сна как не бывало. Вскакиваем. И... снова охватывает буйная осознанная радость: мы — красная кавалерия! Так назвал нас вчера на общем построении командир нашего эскадрона М. Я. Грязнов.

Вчера же нас, зачисленных в школу, привели в должный вид: коротко постригли, выдали обмундирование. Все преобразились так, что не сразу и узнаешь.

Затем — снова команда; построение, но уже в военной форме. Зачитали приказ о распределении по эскадронам. Я — во втором.

В тот же день каждому из нас торжественно вручили винтовку и шашку. Впервые мы стояли в строю в полном курсантском обмундировании, с оружием. Гордость и радость переполняли наши сердца.

— Товарищи курсанты! — сказал нам вчера старшина. — Выданное вам оружие и обмундирование составляют ваше воинское хозяйство. В ближайшие же дни получите еще и коней. Учитесь все это беречь. Помните: добрый конь и исправное оружие — залог ваших будущих боевых успехов.

И вот сегодня — первый день занятий.

— Выходи строиться! На зарядку! — снова слышатся команды.

Обгоняя друг друга, вылетаем на улицу. Строимся. В лицо брызжет раннее солнце, грудь наполняется свежим, ароматным воздухом. Словно впервые вижу перед собой здание нашей школы — величественный ансамбль бывшего Кубанского Мариинского института. Замысловатые лепные украшения, роскошный парадный подъезд со стороны фасада придают ему еще более нарядный и торжественный вид.

Не менее импозантно здание и внутри: высокие потолки, огромные светлые комнаты, обширные гулкие коридоры. [4]

Словом, наша школа казалась мне сказочным дворцом. И пока еще плохо верилось, что я, абхазский парнишка, буду жить и учиться в ней, что все это — для меня.

На первом этаже здания размещались штаб нашей школы, просторная и уютная столовая, некоторые учебные помещения. На втором — основные лекционные залы, классы и специальные кабинеты. На третьем нам предстояло жить.

Территория школы занимала примерно один квадратный километр. Здесь кроме главного здания были еще и склады, манеж, конюшни и другие подсобные помещения. А пустырь, тянувшийся до моста через реку Кубань и нефтеперерабатывающего завода, использовался нами как полевой ипподром.

Но вернемся к зарядке. Она закончилась бегом. Снова команда: заправить койки, умываться, готовиться к завтраку. И так будет теперь каждый день в течение целых трех лет...

Школа пустынна, мы пока единственные ее хозяева. Курсанты старших курсов — на каникулах. Учебный год для всех начнется с 1 сентября. А нас, новичков, что называется, вводят в курс и ритм новой жизни. Много рассказывают о школе, ее истории, знакомят с учебной базой, с программой, по которой предстоит заниматься. Ежедневно проводится и строевая подготовка. Вот пока и все.

Итак, я уже знаю, что наша школа образована в 1924 году в городе Таганроге. И в том же году переведена в Краснодар. Называлась она Краснодарской северокавказских горских национальностей кавалерийской школой.

В школе учились курсанты очень многих национальностей Кавказа: черкесы, грузины, кабардинцы, карачаевцы, абхазцы, лезгины. Первоначально курс обучения был установлен в 4 года, плюс годичный подготовительный курс по общеобразовательным дисциплинам.

Первый выпуск молодых командиров состоялся здесь в 1928 году. А затем, с ростом образовательного уровня поступающих, срок обучения начали постепенно сокращать. И к моменту моего поступления он уже стал трехгодичным, правда, по-прежнему с годичным подготовительным отделением по общеобразовательным предметам.

К этому же времени повысились и требования к поступающим в школу: все они должны были сдавать экзамены за 7 классов, а на подготовительный курс — за 6 классов общеобразовательной школы.

Должен сказать, что с курсантами с первых же дней учебы проводилась большая работа по слаживанию их в [5] единый боевой организм. Усиленное внимание уделялось и совершенствованию полевой выучки. Так, в 1925 году наша школа участвовала (как сводный кавалерийский полк) в окружных маневрах под кодовым наименованием «Чеченская операция», а в 1926 году — в маневрах «Дагестанская операция».

Не раз нас, курсантов, привлекали и к боевым операциям — против бандитских шаек, к изъятию (подчас тоже с перестрелками) незаконно хранимого оружия.

И еще об одном хотелось бы упомянуть. В 1927 году за хорошие показатели в боевой и политической подготовке наша школа была удостоена высокой чести: участвовала в параде на Красной площади в Москве по случаю 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. И курсанты блеснули на этом параде отличной строевой выправкой, слаженностью, четкостью прохождения в строю.

В год моего поступления в школу ею командовал кавалер двух орденов Красного Знамени бывший командир 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизии Д. А. Шмидт. Затем его сменил Г. И. Кокарев, тоже весьма заслуженный человек, прекрасный командир и педагог. Он также был кавалером двух орденов Красного Знамени.

Заслуженным авторитетом пользовались у нас и другие командиры, преподаватели. Так, 1-м эскадронам тогда командовал И. А. Плиев, впоследствии генерал армии, дважды Герой Советского Союза, прославленный советский военачальник. Командиром 2-го эскадрона был М. Я. Грязнов, в годы Великой Отечественной войны командовавший дивизией, корпусом, тоже получивший генеральское звание.

Прекрасной была учебная база школы: методические кабинеты; классы, спортзал, трехсотметровый тир, спортивный городок, плац для строевых занятий, манежи и другое. А в районе станции Северской (примерно на расстоянии суточного перехода от Краснодара) находилась полевая учебная база. Здесь мы проводили тактические занятия и стрельбы.

* * *

Но что и говорить, в первые дни, оказавшись вдали от родных мест, бывало, нет-нет да и взгрустнется о доме. Тем более, что год моего поступления в военную школу был весьма нелегким для нашей семьи. В начале его трагически оборвалась жизнь моего старшего брата Иосифа, секретаря Абхазского республиканского ГПУ. Мне очень хотелось быть [6] похожим на Иосифа, поэтому я тоже пошел работать в милицию. Но... вместо оперативных заданий мне поначалу пришлось иметь дело лишь с бумагами. Это конечно же не понравилось. Я решил уйти с этой работы. И тут в газете «Советская Абхазия» читаю объявление, в котором говорится: Краснодарская северокавказских горских национальностей кавалерийская школа объявляет прием курсантов на осень 1929 года. Здесь же подробно указывались и условия приема в эту школу. Отмечалось, что при Абхазской республиканской организации Осоавиахима организуются курсы для подготовки в военные школы со сроком обучения три месяца.

Мне сразу стало ясно, что я должен делать. Тут же уволился с работы и принялся за сбор документов для поступления в школу.

Хлопот оказалось значительно больше, чем это можно было предположить. Во-первых, обратился в сельсовет за паспортом. А там от меня потребовали свидетельство о рождении, так называемую метрику. И тут выяснилось, что я вовсе нигде не зарегистрирован. Родители объяснили это так: регистрацией, дескать, занималась православная церковь. Но абхазская народность при царизме не подлежала призыву в армию. И, следовательно, по мнению церкви, ей были ни к чему ни регистрация, ни паспорта. Ну а в селе... Здесь каждый хорошо знал друг друга, и потому считалось — необходимости в документах нет никакой...

Что делать? Пришлось ограничиться свидетельской справкой о рождении, подписанной несколькими земляками и заверенной в сельсовете. Признаюсь: здесь я схитрил, проставив в справке такую дату своего рождения, которая была необходима для поступления в военную школу. И представил этот «документ» в Абхазский республиканский военкомат.

Итак, первый документ, хотя и с большими трудностями, был оформлен. Зато без особых хлопот мне выдали комсомольскую характеристику. Больше того, я был вызван даже на прием к первому секретарю обкома ВЛКСМ А. К. Вардании. Принял он меня очень тепло. И после короткой, но запомнившейся беседы вручил путевку обкома комсомола для поступления в военную школу.

Представив документы в военкомат, я тут же получил направление на курсы по подготовке к вступительным экзаменам при Осоавиахиме. Почти сразу же приступил к занятиям. Нагрузка на курсах была довольно весомой, программа обучения хорошо продуманной. Кстати, шефствовал над [7] нами сам первый секретарь обкома комсомола А. К. Вардания. Он прекрасно знал военное дело, был неплохим педагогом. Больше того — исключительно чутким и отзывчивым человеком. В дальнейшем он горячо отстаивал каждого из нас, будучи уже членом отборочной комиссии военкомата. Говорил, что мы не

просто кандидаты для поступления в военную школу, а первые представители абхазской молодежи, возвращенные комсомолом для защиты своей Родины.

Но продолжу все по порядку.

Вскоре программа курсов была завершена. Нам предложили явиться в военкомат для прохождения комиссий — медицинской и мандатной, а также для сдачи предварительных экзаменов. И тут со мной произошел такой случай. Сдавал я русский язык. Экзамен принимали в кабинете, где сидели председатель комиссии и военком республики Л. Ф. Гваладзия. Захожу в этот кабинет и четко, как учили, рапортую о прибытии. Меня приглашают к столу, дают прочесть вслух какой-то отрывок из книги. Прочел хорошо. После чего книгу отобрали и пересадили за другой стол. Предложили, подумав минут пять, рассказать о прочитанном уже своими словами.

По истечении времени я начинаю уверенно рассказывать. И вдруг... председатель комиссии поднимается и, глядя мне прямо в глаза, медленно идет к моему столу. Я, понятное дело, стушевался, замолчал. Потерял, как говорится, нить рассказа...

Выручил военком. Он тоже поднялся и, прохаживаясь возле меня, начал потихоньку, по-абхазски, подсказывать мне смысл прочитанного. Это-то меня и спасло: после произвольной паузы, овладев собой, я продолжил рассказ и закончил его довольно-таки сносно. А все присутствующие в кабинете сделали вид, будто ничего особенного и не произошло.

Забегая вперед, скажу, что спустя уже 43 года после этого случая на объединенном торжественном собрании обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Абхазской АССР, посвященном пятидесятилетию Советской власти в Абхазии, я увидел в президиуме полковника в отставке Л. Ф. Гваладзию. Дождавшись перерыва, подошел к нему. Он узнал меня сразу. А я после крепкого рукопожатия напомнил ему о спасительной подсказке тогда, в 1929 году. Тепло улыбнувшись, Л. Ф. Гваладзия ответил, что и сейчас не жалеет о своем непедagogичном поведении. Ведь вон как, дескать, получилось. Подсказка, за которую в школе [8] обычно выгоняют из класса, в данном случае помогла человеку стать боевым генералом.

— Так что я отнюдь не жалею об этом, — повторил Л. Ф. Гваладзия. И мы расхохотались.

* * *

Но вот отборочные экзамены остались позади. Навестив родных и получив благословение матери, прибыл в военкомат. В нашей команде, направляемой в Краснодарскую кавалерийскую школу, было пять человек. Все абхазцы. Причем по уровню образования остальные ребята из команды меня превосходили. Одни окончили педагогический техникум, другие — рабфак. Это-то и позволило им, в отличие от меня, обойтись без подготовительных курсов.

До Краснодара добирались в несколько этапов: от Сухуми до Новороссийска — морем, а далее, до места, — поездом. И если до этого пароходы я все-таки видел (правда, стоящими на якоре в порту), то вот железную дорогу и поезда — пришлось впервой. Поэтому наше путешествие для меня было довольно любопытным.

Провожал нас лично А. К. Вардания. На прощание дал каждому теплое напутствие. И — в путь.

С путешествием по морю нам вначале не повезло. Попали в шторм, и нас высадили в Гагре. Провели там двое суток и только потом уже добрались до Новороссийска.

Город поразил меня своим огромным портом, заводским районом, широкими улицами, парками, где играли оркестры и красиво танцевала молодежь.

Затем сели в вагон поезда и утром уже были в Краснодаре. Здесь тоже было очень чисто, город утопал в зелени садов, вокруг благоухали цветы.

Помнится, на привокзальной площади мы впервые увидели какой-то странный вагон. Один из наших товарищей даже назвал его «чертовой повозкой». А это был трамвай. И мы еще долго бы его разглядывали, если б не надо было торопиться. К тому же, как нам разъяснили, именно на этой «чертовой повозке» и предстояло добираться до школы.

Всю дорогу мы оживленно обсуждали новый для всех нас вид транспорта. А тем временем трамвай, гремя и тарахтя, все же быстро довез нас до места. Мы были этой поездкой весьма довольны.

В школе нас встретили приветливо и радушно. Дежурный красноармеец тут же принял наши документы и предложил пока размещаться в большой и довольно уютной комнате на первом этаже. Затем нас поставили на довольствие, [9] накормив для начала очень сытным завтраком. После помощник командира взвода, построив всех, прибывших в течение суток, объявил, кто в какое отделение зачислен. И представил командиров, которые были из числа курсантов старших курсов.

Нас ознакомили и с расписанием вступительных экзаменов, порядком подготовки к ним. На все экзамены отводилось 20 дней. Для подготовки же имелись специальные классы, где с утра и до вечера находился дежурный преподаватель-консультант.

Вечером весь «эскадрон прибывших» построили на вечернюю поверку. Вышел и представился нам brave старшина Карданов, стройный, подтянутый кавалерист. У него был суровый взгляд и лихо закрученные усы. На боку висел маузер в деревянной кобуре. Старшина зачитал приказ, где, пофамильно, объявлялось о нашем прибытии, зачислении на довольствие, допуске к экзаменам. Тут же предупредил о необходимости строгого соблюдения правил внутреннего распорядка.

Признаюсь, впервые попав в столь жесткие условия военной школы, я поначалу даже растерялся. Подумалось: как-то мне с моим слишком уж живым характером удастся не нарушить все эти требования?

И вот начались напряженные дни подготовки и сдачи экзаменов. Ведущими предметами были русский язык и математика. Их мы сдавали строго индивидуально. Как устно, так и письменно. Из военных же дисциплин индивидуально сдавалась лишь одиночная строевая и физическая подготовка. По всем же остальным предметам — географии, истории, политграмоте, уставам Красной Армии — экзамены проводились в групповом порядке.

План экзаменов был составлен довольно продуманно: самые трудные для нас предметы — математика и русский язык — были отнесены на конец экзаменационного периода. То есть нам давался как можно больший срок для подготовки к ним.

Отношение к нам, поступающим, тоже было самым лучшим. Преподаватели не жалели ни

сил, ни времени, занимались с нами столько, сколько нам требовалось.

Да, экзамены были очень нелегкими. И требования к поступающим довольно строгими. Режим тоже был тяжеловат. Я старался изо всех сил: так велико было желание остаться в школе.

И вот последний экзамен позади. Вечером того же дня объявили приказ о зачислении в школу тех, кто успешно [10] сдал вступительные экзамены и прошел по конкурсу. С замирающим сердцем вслушиваюсь я в каждую фамилию. Вот наконец прозвучала и моя. Я принят!

А вот четверо моих земляков, о которых я упоминал, не прошли по конкурсу. Досадно было за ребят, грустно провожать их в обратный путь. Да и они уезжали расстроенными.

Моя же мечта, повторяю, сбылась. Думаю, что не ошибусь, если скажу: мне одному из первых абхазцев довелось начать учиться на командира Красной Армии!

* * *

1 сентября 1929 года в школе начался учебный год. Все занятия, консультации, самоподготовка были четко расписаны. Учебную базу распределили по курсантским группам, а наше личное хозяйство пополнилось еще боевым конем, седлом и прочими нужными для выезда принадлежностями. Каждый курсант отвечал за состояние своего коня в течение всего периода обучения в школе.

Два раза в неделю нам полагалась практика ухода за лошадьми. В остальное же время это делалось красноармейцами срочной службы из эскадрона обслуживания.

В зимний период у нас в основном проходили классные занятия, а летом мы выезжали в лагеря, где проходили боевую подготовку. Учебный год продолжался десять с половиной месяцев, и полтора месяца отводилось на каникулярный отпуск. На первом и втором курсах были еще месячные стажировки в войсках: в первый год — в должности командира отделения, во второй — командира взвода.

В целом учебный процесс слагался из занятий по общеобразовательным предметам (30 процентов времени на первом и втором курсах), главными из которых были русский язык и математика. Их у нас вели гражданские преподаватели. К военным же дисциплинам относились тактика, огневая подготовка, топография, уставы и т. п. Причем тактику, теорию стрелкового дела, топографию и военную администрацию вели уже командиры, а практическую стрельбу, конное дело, строевую и физическую подготовку — курсовые командиры, служебные категории которых были на две ступени выше линейного командира взвода.

Младшие же командиры в учебном процессе не участвовали, поскольку они сами являлись курсантами третьего курса. В их обязанности входил лишь контроль за выполнением нами правил внутреннего распорядка в подразделениях. [11]

Вполне понятно, что большинство из нас, только поступивших в школу, раньше никогда и не слышали названий таких учебных дисциплин, как тактика, теория огневой подготовки, топография. А вот теперь вплотную столкнулись с ними.

Все занятия по военной подготовке проводились у нас в полевых условиях: на полигонах,

стрельбищах, в тирах и манежах. Трудностей это вызывало немало. И в то же время было интересно. Ведь что, например, значило освоить такую науку, как тактика? Во-первых, буквально наизусть знать боевой устав конницы, научиться умело применять в бою самое разнообразное оружие. А в роли командира — оценить обстановку, принимать решения, ставить задачи отделению, взводу или эскадрону, управлять этими подразделениями в бою. Во-вторых, нужно было иметь хотя бы общие, но все же представления о действиях в бою кавалерийского полка, в какой-то мере изучить основы применения и других родов войск. Задача более чем обширная.

Но я отвлекся. Вернемся же к нашим делам первокурсников.

Много времени занимала у нас конная подготовка. Ведь вполне понятно, что без ловкости, бесстрашия, смелости и, если хотите, даже лихости не может быть кавалерийского командира. Бой кавалерии, как правило, скоротечен, отличается высокой маневренностью. Потому-то храбрость, решительность, личный пример командира в этом роде войск нужны как нигде. Ведь не случайно даже по уставу того времени командир кавалерийского полка был обязан свой полк в атаку вести лично. И нас тоже готовили к этому.

Наша конная подготовка состояла из теории и практики. В теорию входило изучение экстерьера, строения организма лошади, уход за нею, кормление, правила эксплуатации и оказание при необходимости первой ветеринарной помощи. В практику же — владение искусством верховой езды и управление конем на всех аллюрах. Здесь требовалось укрепить посадку, выработать ловкость, безукоризненно владеть на коне холодным и огнестрельным оружием, научиться преодолевать различные препятствия. Конечно, все это давалось курсантам нелегко. И даже мне, уже имевшему ранее дело с лошадьми.

Так, в целях укрепления посадки было принято практиковать езду строевой рысью без стремян. И, бывало, пока не привыкнешь, все время страдаешь от потертостей. Но проходило три-четыре занятия, и все становилось на свои места. [12]

Курсанты приобретали правильную посадку, свободно удерживались в седле на любых аллюрах.

Огромную физическую нагрузку мы испытывали и при отработке приемов вольтижировки, джигитовки, преодоления препятствий, рубке лозы и стрельбе с коня. Все это давалось ценой долгих тренировок. Но зато потом, по мере овладения всеми этими приемами, вчерашние мучения, напротив, превращались в увлекательнейшие занятия.

* * *

Первый год моей учебы в школе совпал с пятилетним юбилеем со дня ее открытия. Помнится, на эти торжества, приуроченные к Дню Красной Армии и Военно-Морского Флота, съехались представители трудящихся во главе с секретарями обкомов партии и председателями СНК автономных республик и областных Советов всего Северного Кавказа. Прибыла также и делегация от Наркомата обороны СССР во главе с инспектором кавалерии, прославленным героем гражданской войны С. М. Буденным. Добавлю, что Семен Михайлович непосредственно курировал нашу школу.

22 февраля состоялось объединенное торжественное собрание личного состава школы с представителями городских партийных и советских органов, трудящимися города, военнослужащими гарнизона и нашими шефами. С докладом на этом собрании выступил

начальник (он же и комиссар) школы Г. И. Кокарев. А приветствие от Наркомата обороны огласил С. М. Буденный. Он особо подчеркнул неустанную заботу партии и правительства о подготовке национальных кадров для нашей армии.

Семен Михайлович зачитал и тепло встреченное нами приветствие в адрес школы от Наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова.

Затем на торжественном собрании выступили делегаты от всех автономных республик, краев и областей Северного Кавказа. Они выразили горячую благодарность и признательность Советской власти и Коммунистической партии за то, что они открыли перед отсталыми ранее народами Северного Кавказа равные со всеми возможности. Словом, собрание прошло очень торжественно, с большим политическим подъемом и произвело на всех нас глубокое, неизгладимое впечатление.

А 23 февраля личный состав школы под оркестр совершил торжественный марш по улицам Краснодара. Население тепло приветствовало наши эскадроны, сыпались цветы, слышались здравицы. И мы чувствовали себя членами большой [13] и дружной многонациональной семьи народов, сплоченных в нерушимый союз партией большевиков и Советской властью.

Затем на открытом манеже были проведены большие конноспортивные состязания. Начались они с выступления группы фигурной езды, которую составляли в основном ее виртуозы — командиры нашей школы. Они продемонстрировали высокую слаженность, безукоризненную выездку лошадей.

Затем состоялись состязания по конкур-иппику (преодоление препятствий). Здесь определялось индивидуальное первенство по классам (для курсантов). Завершились они рубкой лозы — также на индивидуальное первенство.

Одновременно была показана джигитовка — выполнение сложных номеров на галопе коня. За нею — вольтижировка, по существу, та же джигитовка, но только по кругу. В ней принял непосредственное участие и я.

Зрители очень тепло встречали каждое наше выступление. А мы, ободренные их поддержкой, выкладывались, что называется, до конца.

Празднество закончилось вручением наград отличникам боевой и политической подготовки.

* * *

Повторю: учебная нагрузка была вначале для нас весьма ощутимой. Однако отлично поставленный учебный процесс, твердый режим, хорошие условия быта и питание быстро сделали свое дело — мы втянулись в новую жизнь.

Здесь хочется сказать и об организации досуга курсантов. Этому вопросу в школе уделялось должное внимание. Над нами, например, шефствовали медицинский институт в медтехникум, их студентов приглашали к нам на вечера. У нас имелся и хороший зал, где часто выступали приезжие артисты, демонстрировались новые кинофильмы, устраивались танцы под духовой оркестр.

Но и город тянул к себе разнообразием развлечений. Тем более что и выйти нам было в

чем: выходная форма из шерстяного материала, прекрасно подогнанные мундиры со стоячими воротниками и накладными карманами, голубые брюки, легкие кавказские сапоги — все выглядело довольно эффектно. Но вот одевать все это разрешалось лишь при увольнении в город, на праздники да торжественные собрания. Поэтому, что уж греха таить, нам по молодости подчас не так уж было нужно в город, как хотелось пощеголять в столь красивом наряде.

13. [14]

Наступал очередной выходной, нам давали увольнительные в город. Мы с гордостью облачались в выходную форму, предвкушая удовольствие пощеголять в ней. Выходим за проходную. И тут — сколько раз так бывало! — догоняют товарищи:

— Братцы, выручайте! В спортзале соревнования, первый эскадрон выдает такие номера! А мы что, хуже? Будь другом, Хасан, вернись, крутани свое «солнышко»!

— Да в город же собрались!

— Пойми, дорогой, честь эскадрона!

Ну чего не сделаешь ради эскадрона! Возвращаемся в зал. А там соревнования в самом разгаре. 1-й эскадрон выступает. Публика — девушки и курсанты. Аплодируют. А те, понятно, выкладываются. Наши же ждут своей очереди. Вернее, меня с моим «солнышком».

И вот однажды...

Завязка была той же, а вот развязка... Помнится, вернувшись в спортзал, организовали группу из трех человек. Заняли рядом стоявшие турники. Я прошел к среднему, товарищи — к боковым. Договорились: они импровизируют — кто что может, а я выдаю коронное «солнышко».

Обстановка складывалась для нас вполне благоприятно. 1-й эскадрон уже иссякал — выдохлись. Ну а мы — полны сил, да еще в блеске парадной формы...

Приготовились — слегка ослабили поясные ремни, расстегнули крючки на воротниках. И разом вскочили на снаряды. Как было условлено, после первых же махов я пошел непрерывным «солнышком». Примерно на пятом обороте эффектно зафиксировал стойку на вытянутых руках в вертикальном положении. Грянул гром аплодисментов. Это еще больше вдохновило меня. Начал вращение в обратную сторону, И вдруг почувствовал настолько резкую боль во всем теле, что не смог даже удержаться на снаряде — отпустил перекладину. И ударился об стену зала, после чего без сознания грохнулся на пол. Хорошо еще, что угодил на толстый мат, обошлось без переломов. А то бы...

И все равно пришел в себя на операционном столе краснодарского военного госпиталя.

После этого случая заметно охладел к гимнастическим снарядам. Но зато пришло новое увлечение, теперь уже профессиональное — конный спорт. В особенности такие виды его, как конкур-иппик, рубка лозы и фигурная езда.

Занимался этим много и безуспешно. Спустя некоторое время, будучи уже командиром, участвовал в III и IV Всеармейских [15] конно-спортивных состязаниях. И даже стал их

призером. Так что нет, как говорится, худа без добра.

А жизнь в школе шла своим чередом. Подошла пора и первых экзаменов. Причем переводные экзамены по общеобразовательным дисциплинам мы сдавали в конце весны, по военным — после летних лагерных сборов.

Затем проходил практику в Новочеркасском кавалерийском полку в должности командира отделения. После чего последовал приказ о переводе на очередной курс. И вот — долгожданные каникулы!

Приведя себя в порядок, представляюсь командиру эскадрона. И после соответствующего инструктажа иду оформлять проездные документы. Даже не верится, что скоро буду в родных краях, в нашей семье, по которой изрядно соскучился.

Ехал до Сочи по железной дороге. А дальше, до Сухуми, — автобусом. Настроение было отличное, погода — тоже. За окном автобуса — изумительная, неповторимая красота. Крутые спуски сменяют подъемы, а горы — море. Затем опять тянутся горы, которые уже не видел, казалось, давным-давно.

Дорогой хорошо думается. Да и мысли будто бегут впереди меня: они уже в родных местах, в отчем доме...

Есть на Кавказе, на восточном берегу Черного моря, небольшая «страна» Апсны (в переводе — «Страна души»). А в ней красивейшее село — мое родное Мерхеули. С трех сторон его окружают крутые, обрывистые склоны Кодорского хребта, покрытые дремучими чинарскими лесами. А на запад простирается обширное плоскогорье, изрезанное оврагами, поросшее кустарником. Здесь много озер, богат и животный мир. Райский уголок!

В селе дома удалены друг от друга на километр-полтора. Все они, как правило, сплетены из хвороста (апацха). В лучшем случае сколочены из тонкого теса.

Наш дом стоит у крутого склона хребта, у самой границы общественного леса и земельных участков. Здесь, в простой крестьянской семье, я и родился.

А вот отец мой, Лагустан Хаджадлеевич Харазия, родом из села Абжаква, что неподалеку от Сухуми. В школе он никогда не учился, но тем не менее довольно свободно читал и писал по-русски. Одно время был назначен на должность старшины села, но долго на этом посту удержаться не смог, так как открыто выступал против бесчинств местных князей и вообще богатеев, защищал интересы простых людей. [16]

Отец мой не был религиозным, не верил в загробное царство. Он просто хотел сделать так, чтобы людям было хорошо и при жизни. Был очень трудолюбив, сам работал от зари до зари и у детей воспитывал такое же отношение к труду. Всегда поощрял в нас исполнительность и честность. Хорошо знал народную медицину, не раз врачевал (и небезуспешно) больных травами, всевозможными настойками. Вылечивал даже малярию.

Мать моя, Шемене Ахмедовна, прожила все свои 89 лет в непрерывных трудах и заботах. Помимо своих шестерых детей — четырех сыновей и двух дочерей — воспитала еще и приемную дочь.

Я в семье был шестым, самым младшим. Двое из моих братьев умерли еще в детстве.

Старший брат Иосиф принимал активное участие в гражданской войне. С установлением Советской власти в Абхазии работал на ответственных постах в органах милиции и ГПУ. И, как я уже упоминал, в 1929 году трагически погиб.

Осенью 1918 года я пошел в школу. Причем учебу начал с русского букваря. Так пожелал мой отец.

После окончания мерхеульской сельской церковноприходской школы (с четырехлетним курсом обучения) встал вопрос — что делать дальше. Отец считал, что для крестьянского дела образования у меня более чем достаточно. Но мать все же уговорила его отдать меня для продолжения учебы в городскую школу.

Но тут возникли другие преграды — сословные. Я ведь принадлежал к крестьянскому сословию, «анхаю», права которого в части образования были весьма ограничены.

И все-таки в порядке исключения мне было разрешено сдавать вступительные экзамены в сухумское реальное училище. Экзамены я выдержал. Проучился в училище год. А в следующем, 1921 году в Абхазии установилась Советская власть. Были созданы так называемые трудовые школы. В одной из них, 2-й трудовой, я продолжил свою учебу.

* * *

В 1924 году моя учеба прервалась. Отец потребовал возвращения домой. Земля, отвоеванная у князя, нуждалась в дополнительных рабочих руках.

Итак, я вынужден был возвратиться в родное село и начать трудовую деятельность уже на своей земле. Ее теперь было вдоволь. Вот только условия обработки были тяжелыми: участок нам выделили неровный, каменистый, с сохой не везде пройдешь, надежда только на кирку-мотыгу. [17]

Да, у моего отца были быки и соха. А другие и того не имели. Одни лишь рабочие руки. Поэтому-то и объединялись по несколько семей для совместной обработки земли и снятия урожая. Так, наша семья объединилась с соседями, братьями Пацация и Темелом Мазоглы.

Наша семья была очень дружна и с другими соседями — менгрелами Зосимовичами. Их старший брат — Константин Зосимович был участником гражданской войны. От него-то я впервые и услышал о Красной Армии, о воинской службе.

Рассказывал Константин увлекательно, приводя примеры из собственной боевой жизни. Раскрывал роль командира в воспитании и обучении бойцов, доходчиво пояснял, в чем отличие краскома от офицера царской армии. Именно он, Константин Зосимович, внушал нам, мальчишкам, что быть командиром Красной Армии и защищать интересы рабочих и крестьян — высокая честь, советовал идти в военные школы.

Вот тогда-то я и загорелся желанием стать краскомом. И не оставлял своей мечты до тех пор, пока не осуществил ее, не поступил в военную школу. И вот теперь, уже курсантом, еду домой в свой первый отпуск...

Надо ли говорить, сколь радостна была встреча с родителями, друзьями детства, соседями. Всех их буквально сразил мой внешний вид. Оно и понятно; год строевых и физических занятий не прошел даром — я окреп, возмужал, да и форма сидела на мне неплохо.

Прекрасное обмундирование, снаряжение (ремни через оба плеча), шашка — все выглядело весьма эффектно.

Первые дни отпуска находился дома, помогал родителям по хозяйству. А затем начались визиты к родственникам и друзьям. Они жадно слушали мои рассказы о жизни и учебе курсантов. И чувствовалось, что им даже трудно себе представить, что я, абхазец, могу там, в школе, находиться на равных, скажем, с грузинами или русскими... Так сильно еще у них было чувство национального неравенства.

Особенно их поразил снимок: курсанты, собравшись полукругом, весело бьют в ладоши. А в центре С. М. Буденный и я лихо отплясываем лезгинку. С самим-то Буденным!

Кстати, этот снимок был сделан в феврале 1930 года, во время празднования пятой годовщины нашей школы. Отец затем вставил его в рамку, повесил на стену и очень им гордился. И я до сих пор сожалею, что эта фотография вместе с дневником отца, где тот вел запись всех сельских событий, со временем пропали. [18]

Родные и сельчане наперебой разглядывали и мою похвальную грамоту, выданную мне за успешное окончание первого курса. Помнится, что даже отец, который никогда не был сторонником продолжения мной учебы, на этот раз был настолько тронут, что подарил мне лучшую свою вещь — азиатские сапоги с длинными, выше колен, голенищами.

Интересно было встретиться и со своими товарищами по сельской комсомольской организации. Мы тут же повели разговоры обо всем происходящем в мире, о событиях в нашей стране. Немало нового они рассказали мне и о сельских делах. И, конечно же, с интересом рассматривали мое оружие, форму, подробно расспрашивали о школе. А я уговаривал их следовать моему примеру — учиться на командира РККА. И многие из них загорелись этой мечтой.

* * *

Но настала пора прощаться с родными и близкими и возвращаться в школу. Как быстро пролетел отпуск!

Начались занятия на втором курсе. Программа заметно усложнилась. Ведь если на первом курсе мы изучали лишь действия отделения во всех видах боя, то теперь — взвода и эскадрона, что было намного труднее. Но каждый из нас уже научился распределять время и силы, подтянулись мы и по общеобразовательным дисциплинам, так что уровень знаний стал у всех примерно одинаков.

Итак, наша учеба продвигалась вперед. К маю мы уже сдали переводные экзамены по общеобразовательным дисциплинам, а в июне, в лагерях, выполнили и всю программу по боевой подготовке. Она завершилась пятидневным тактическим учением, в ходе которого мы успешно форсировали реку Кубань.

На период этого учения я был назначен старшим связным к командиру сводного курсантского полка. Именно старшим связным, так как в моем подчинении были связные, выделенные от каждого эскадрона. Все мы должны были находиться при командире полка, организовывать наблюдение с его НП, поддерживать связь с эскадронами.

А они тем временем уже захватили на противоположном берегу Кубани плацдарм. Форсирование, кстати, производилось вплавь, с применением мешка Иолшина

(названного так по имени его изобретателя) — брезентового и водонепроницаемого, в который укладывались оружие и обмундирование. Буксировался он при помощи веревки, перекинутой через плечо всадника. [19]

По мере расширения плацдарма все более надежно обеспечивалась защита переправы от пулеметного огня «противника». В конце концов стало возможным использование и имеющегося у нас парома. На нем на противоположный берег Кубани были переправлены орудия с их расчетами, а также кавалеристы, которые не умели плавать.

Вскоре назрела необходимость переправы и командования полка. А паром, как назло, оказался на противоположном берегу. И тут...

Командир полка оглядел присутствующих и остановил свой взгляд на мне. Спросил:

— Курсант Харазия, вы уверенно плаваете?

Не задумываясь, я лихо ответил!

— Так точно, товарищ командир полка!

И замер. Ведь плавал я как топор, но вот сознаться в этом... К тому же понимал, что мой отказ выполнить поручение командира может перечеркнуть все мои годовые старания, повлиять на характеристику. А это...

Между тем командир полка продолжал:

— Переправитесь с конем на противоположный берег и перегоните сюда паром. Все понятно? Действуйте!

Вот уж поистине влип в историю!

Но делать нечего, надо выполнять приказ. Расседлал коня, разделся сам, уложил вещи в брезентовый мешок, перекинул свободный конец веревки через плечо. Вскочил на коня и — в воду. Про себя молю всех святых — пронеси!

Конь вошел в воду спокойно. Ширина реки здесь была примерно метров 250, из которых метров 60–70 — мелководье, а затем, на середине, и глубина и довольно сильное течение.

Гляжу на стремительный поток мутной воды. Но вскоре так закружилась голова, что вынужден был закрыть глаза и целиком положиться на коня.

Пока слышал стук копыт по каменистому дну, сидел верхом. Но как только началась глубина и конь поплыл; сполз с него в сторону течения и, держась мертвой хваткой за гриву, в буквальном смысле слова поволокся за ним.

Моя переправа, казалось, длилась вечность. Но вот опять почувствовал стук копыт. Значит — дно, скоро берег!

Открываю глаза и вижу перед собой намеченный заранее ориентир. Молодец мой конь! Даже течением его не снесло. С маху вскакиваю на коня В вылетаю на берег. Ну а дальше, с паромом, уже проще... [20]

...На третьем курсе нас ждали некоторые изменения: был сформирован пулеметный полуэскадрон двухвзводного состава, укомплектованный в основном принятыми сразу на старший курс школы сверхсрочнослужащими кавалеристами. И еще. Нас, третьекурсников, назначили младшими командирами на остальных курсах школы. Я стал помощником командира 2-го взвода пулеметного полуэскадрона. А это было высокое доверие. Ведь мне предстояло командовать людьми, которые были намного старше меня, уже по 5–10 лет отслужили в армии, а некоторые даже имели боевой опыт. А у меня... У меня за плечами всего лишь двухмесячная стажировка в линейном полку в должности командира взвода.

Но служба есть служба. За дело взялся твердо: объявил подчиненным, что буду строго и неукоснительно требовать с них отличного содержания оружия, ухода за лошадьми, соблюдения внутреннего распорядка, опрятного внешнего вида. Безусловно, пришлось и самому подтянуться, чтобы являться примером во всем.

На третьем, выпускном, курсе шла уже только военная подготовка без общеобразовательных дисциплин. Это позволило работать над собой более целеустремленно, хотя и с большим напряжением.

Руководителем нашей группы был назначен С. С. Флисовский, начальник учебного отдела школы. Кроме того, что Флисовский имел отличную подготовку и командирский опыт (в прошлом он был командиром кавалерийской бригады, воевал в гражданскую, награжден двумя орденами Красного Знамени, уже после войны закончил академию), он был очень интересным человеком, с нами, курсантами, держался ровно, умел выслушать, поддержать разумную инициативу. Словом, с таким руководителем учебной группы нам было легко и интересно.

Но к исходу 1931 года на нашем курсе начались какие-то непонятные явления: сдвиги учебного процесса, уплотнение планов, ускоренное прохождение некоторых дисциплин. А в начале 1932 года нам объявили: ваша группа, дескать, представляется для проверки комиссией Наркома обороны СССР. И тут же, не раскрывая полностью цели этой проверки, — многозначительный намек: судьба всего курса, мол, будет зависеть от показанных вами знаний. Ничего не понятно...

Во второй половине января действительно прибыла комиссия. Возглавлял ее начальник Управления боевой подготовки РККА А. Я. Ляпин. В петлицах у него было по четыре ромба, богатырскую грудь украшали несколько орденов [21] Красного Знамени. И еще мы узнали, что А. Я. Ляпин недавно вернулся из длительной заграничной командировки — находился в Китае в качестве советника при командовании народно-революционной армии.

Комиссия сразу же приступила к активной работе: познакомилась со школой, организацией учебного процесса, выполнением планов и программ боевой подготовки курсантов, их успеваемостью и т. д.

А на третий день была назначена инспекторская проверка уже нашей группы. Проводилась она в просторном и светлом классе — кабинете тактики, возле ящика с песком, где был нанесен рельеф определенного участка местности. Нам же накануне были розданы карты с исходной обстановкой. Руководить тактическим занятием должен был сам начальник школы Г. И. Кокарев.

Мы, естественно, волновались, ведь никому не хотелось ударить в грязь лицом и перед

начальником школы, и перед членами комиссии.

Ровно в 9.00 старший нашей учебной группы четко отпортовал А. Я. Ляпину и Г. И. Кокареву о готовности к занятию. Темой его было наступление усиленного кавалерийского взвода (в составе эскадрона) на противника, поспешно перешедшего к обороне.

Руководитель, проверив для начала знание нами основных уставных положений, ввел нас в тактическую обстановку. А затем уже мы, действуя в роли командира взвода, докладывали ему свои решения на бой. Докладывали в основном четко и исчерпывающе.

Затем руководство занятием взял на себя А. Я. Ляпин. И снова на ящике с песком разыгрался упорный «бой». Ляпин давал все новые и новые вводные, вызывал курсантов, выслушивал их ответы, ставил оценки. А завершилось занятие составлением боевого донесения о результатах кавалерийской атаки.

* * *

На следующий день в лекционном зале школы был собран весь наш третий курс. А. Я. Ляпин сделал подробный разбор проведенной инспекторской проверки и объявил, что вполне удовлетворен степенью нашей военной подготовки. И тут же пояснил, что она, эта проверка, проводилась в целях выявления возможности нашего досрочного — на целых шесть месяцев! — выпуска из школы.

— И по моему мнению, — закончил А. Я. Ляпин, — вы готовы к этому. [22]

Почему был необходим такой досрочный выпуск? Дело в том, что успехи Советского Союза вызывали приливы бешеной злобы у международного империализма, который по-прежнему вынашивал планы порабощения первой в мире Страны Советов. А тут еще экономический кризис 1929 года до предела обострил противоречия внутри самих империалистических стран, заставляя их искать выход из создавшегося положения в развязывании войны, первый очаг которой уже вспыхнул на Дальнем Востоке. В этих условиях наша партия и правительство принимали все необходимые меры для дальнейшего укрепления рядов РККА. В частности, пополняли их молодыми командными кадрами.

Но вернемся непосредственно к нашим делам. Вскоре в школу прибыла экзаменационная комиссия, в которую входили представители Наркомата обороны СССР, штаба военного округа, а также высших Новочеркасских курсов усовершенствования командного состава. Во главе комиссии стоял прославленный кавалерист С. А. Бовкун. Почти весь февраль шли экзамены. А в первых числах марта в торжественной обстановке был зачитан приказ Наркома обороны о нашем досрочном выпуске и назначении на должности командиров взводов в кавалерийских частях. Лично я был назначен командиром взвода в 69-й кавалерийский полк 12-й кавалерийской дивизии.

Затем мы выслушиваем поздравления начальника школы Г. И. Кокарева, представителей общественности города, делегатов от республик Северного Кавказа. Нам были вручены ценные подарки. Состоялся праздничный обед, после которого все направились на концерт.

Так прошел этот торжественный день, день осуществления моей мечты. Я, сын абхазского народа, стал командиром Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

* * *

Дивизия, в которую я попал служить, была создана на базе 6-й отдельной Алтайской кавалерийской бригады. Эта бригада с осени 1923 года вела на левобережье Вахша напряженные бои с бандами басмачей, а в 1927 году была передислоцирована на Кубань, где развернулась в 12-ю кавалерийскую дивизию Северо-Кавказского военного округа.

Штаб дивизии расположился в Армавире. Здесь же — и 88-й кавалерийский полк. Остальные полки соответственно: 67-й — в Кропоткине, 69-й — в станице Уманской, 76-й — в станице Пролетарской, 12-й конно-артиллерийский полк и бронетанковый дивизион — в Тихорецке. [23]

Командовал дивизией В. С. Попов. В Красной Армии он служил с 1919 года, воевал на полях гражданской, за мужество и отвагу был награжден двумя орденами Красного Знамени. Пользовался у подчиненных большим авторитетом. Забегая вперед, скажу, что вскоре после моего приезда В. С. Попову доверили командование 4-м кавалерийским корпусом, в который входила и 12-я дивизия. В годы же Великой Отечественной войны он успешно командовал армией, получил звание генерал-полковника и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Но это — о комдиве. А теперь хочется рассказать о 69-м кавалерийском полке, в который я попал служить.

Эта часть была еще более заслуженной и даже, если можно так сказать, старше по возрасту, чем дивизия. Ее боевая история началась в 1920 году, а уже в декабре этого же года полку было вручено Почетное Красное знамя за отличие в сражениях. В марте 1921 года 69-й кавполк вливается в сводную дивизию легендарного начдива П. Е. Дыбенко, участвует в подавлении кронштадтского белогвардейского мятежа, ликвидирует целый ряд кулацких банд в Поволжье.

После подавления кронштадтского мятежа шефство над полком берет Петроградский Совет, и с 1922 года он именуется 45-м Петроградским кавалерийским полком 3-й кавбригады. В июне ему вручается Красный штандарт от шефов, а в ноябре — орден Красного Знамени и штандарт от ВЦИК. В декабре он получает еще один Красный штандарт, теперь уже от Сибирского ревкома за мужество при ликвидации банд.

Лишь в 1924 году полк получает наименование 69-й Ленинградский Краснознаменный и в 1927 году передается в состав 12-й кавалерийской дивизии.

К моменту моего прибытия 69-й полк располагался следующим образом: штаб, пулеметный эскадрон, полуэскадрон связи, химический и саперный взводы стояли в станице Уманской; 1-й эскадрон — в станице Кисляковской, 2-й — в станице Крыловской, 3-й — в станице Павловской, а 4-й эскадрон — в станице Екатериновской; и, наконец, артиллерия — в станице Куцевской.

Была у полка и еще одна существенная особенность. В 1924 году здесь провели первую после окончания гражданской войны демобилизацию красноармейцев и младших командиров. И тут же начали приписку нового состава. Причем граждане 1897–1900 годов рождения зачислялись в переменный состав, а 1902-го приписывались в так называемые [24] новобранцы. Короче говоря, было положено начало новой системе комплектования полка — территориальной.

Рассмотрим ее подробнее. При кадровой системе комплектования красноармейцы, призванные на действительную службу, проходят весь ее срок непрерывно. При территориальной же приписной состав ежегодно, в течение пяти лет подряд, призывается на сборы. Первый новобранческий сбор продолжается три месяца, после чего прошедшие его зачислялись в состав территориальной дивизии. Последующие же четыре года они призываются на месячные сборы, а все остальное время живут дома, работают на своих местах.

Кадровый состав территориальной дивизии составлял всего лишь 16–20 процентов положенного штата. В нашем полку это были младшие, средние и старшие командиры, а также красноармейцы — по одному отделению в сабельных эскадронах и взвод в пулеметном эскадроне да плюс курсанты полковой школы, смена увольняющимся в запас младшим командирам.

Введение территориальной системы было вызвано резким сокращением (по окончании гражданской войны) численности армии, при котором в кадровых частях, учитывая двухлетний срок службы, могло служить всего лишь около 30 процентов призывного контингента. Новая же, территориальная, система позволяла иметь значительное число дивизий с небольшим кадровым составом, своего рода ядром для быстрого развертывания армии в случае необходимости. Кроме того, расходы на подготовку одного бойца в территориальных частях за все пять лет были значительно меньшими, чем в кадровых войсках за два года.

* * *

В нашем полку весь командный состав от командира эскадрона и выше имел и боевой опыт, и опыт подготовки переменного состава. Лишь среди командиров взводов были отдельные товарищи, наподобие меня, только еще начинающие командирскую службу. Так что мне было на первых порах у кого поучиться.

Командир полка П. С. Иванов был участником Великой Октябрьской социалистической революции, сражался и на полях гражданской войны. Коммунист, прекрасный организатор, он уже в то время учился заочно в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Имел ряд высоких правительственных наград.

Начальник штаба полка И. И. Ильин (вскоре, кстати, ставший его командиром вместо П. С. Иванова) тоже был [25] заслуженным, с большим практическим опытом командиром, единственным в полку человеком уже с законченным высшим военным образованием. Отлично владел оружием, умело проводил с нами и конную подготовку, хотя сам ездил мало, ибо из-за очень большого роста не мог подобрать для себя лошадь. Ильин отличался редким добродушием и отзывчивостью. В полку его любили. Мне довелось прослужить под его началом пять лет и вырасти за это время до помощника командира полка. А потом подошло расставание: И. И. Ильина назначили преподавателем сначала в военную школу в Новочеркасск, а потом, как мы узнали, перевели в Москву, в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Под стать П. С. Иванову и И. И. Ильину был и комиссар полка В. П. Тюрин. В своей повседневной деятельности он особое внимание уделял работе с представителями национальных меньшинств. Умело проводил с ними занятия, не жалел времени и на индивидуальные беседы. Успевал буквально везде. Но тоже вскоре был переведен на преподавательскую должность.

Все пять командиров эскадронов и командир артиллерийской батареи полка тоже были опытными, заслуженными людьми.

Немало знающих и умелых командиров служили и в других частях дивизии. Так, добрая слава шла тогда о 76-м Краснознаменном кавалерийском полке имени С. М. Буденного. Командовал им Я. Т. Черевиченко, волевой, требовательный, всесторонне подготовленный человек. Забегая вперед, скажу, что с особой полнотой его полководческие способности проявились в годы Великой Отечественной войны. Тогда он командовал армиями, Южным и Брянским фронтами. А затем, уже в послевоенное время, имел звание генерал-полковника, был командующим войсками Одесского военного округа.

* * *

Мне предстояло принять в пулеметном эскадроне взвод. Причем взвод кадровый, с полным штатным составом. Признаться, это меня огорчило: назначение не совпадало с моим желанием оказаться в подразделении с приписным составом, чтобы на практике испытать то новое в армии, о чем неоднократно слышал ранее. Но должности, как говорится, не выбирают...

Командир эскадрона принял меня довольно приветливо. Рассказал историю эскадрона, представил остальному комсоставу. [26]

По штату эскадрон состоял из четырех взводов, из которых лишь один был кадровым, а три остальных — приписного состава. В моем взводе было 16 красноармейцев, все — наводчики пулеметов. Как мне пояснили, при развертывании эскадрона до полного штата их распределяли по всем четырем взводам. Остальные номера расчетов были из приписного состава.

Кроме того, в эскадроне было еще и шестнадцать командиров пулеметных расчетов. Причем четверо из них находились в моем, кадровом, взводе, а остальные двенадцать были сведены в отдельную учебную группу, которой командовал, по назначению командира эскадрона, один из моих коллег взводных.

Из трех взводов приписного состава два комплектовались в станице Уманской, а один — на хуторе Куликовском, который находился примерно в 18 километрах от Уманской. Переменный состав взводов, исходя из наличия в этих местах приписного контингента, во время сборов имел, как правило, численность в два-три раза большую, чем было положено по штату. Таким образом, создавался резерв обученного для службы контингента.

Учебные центры в Уманской и на Куликовском имели прекрасные здания со специально оборудованными для занятий классами, а также столовые для питания красноармейцев в периоды сборов, конюшни для лошадей. Эти центры между сборами возглавлялись старшинами из приписного состава, которые руководили конюхами также из приписного состава. Старшины и конюхи работали здесь постоянно, а трудодни им начисляли соответствующие колхозы.

Занятия в учебных центрах по политической, конной, строевой и физической подготовке проводились младшим и средним комсоставом по 4–6 часов в неделю. И велись они в нерабочее время, а также после окончания сезонных полевых работ.

Моими коллегами взводными были осетин А. Кочкарев, приволжский немец С. Нахтигам, татарин И. Ибрагимов и чеченец Б. Кадиев. Причем все мы (кроме Ибрагимова) прибыли в полк почти одновременно, в один год, потому и быстро подружились. Ведь у нас были общие заботы, подчас даже одинаковые причины для радости или огорчений.

Правда, вскоре у меня забот поприбавилось. Дело в том, кто командир полка приказал мне, оставаясь в штате пулеметного эскадрона, возглавить еще и нештатную полковую команду по приведению всего стрелкового и пулеметного вооружения к нормальному бою. В тот же день я временно [27] сдал свой взвод А. М. Кочкареву и занялся новым, довольно сложным и ответственным делом. Оно было рассчитано на три месяца.

Сначала скомплектовал команду — 10 пристрельщиков из лучших огневигов полка. В нее вошли оружейный техник, а также специалисты, выделенные из состава полковой артиллерийской мастерской.

После двухдневных теоретических занятий мы принялись уже за конкретное дело: в открытом тире загрохотали выстрелы, затем оружие чистилось, снова пристреливалось и при необходимости регулировалось. И после повторной чистки консервировалось для хранения.

Командир полка постоянно интересовался нашими делами, при необходимости помогал. Работали мы все очень напряженно, поэтому управились к назначенному сроку. После выборочной проверки оружия командование осталось нами довольно. Не было жалоб потом и со стороны приписного состава, который на сборах также опробовал это оружие в действии.

* * *

Итак, первый серьезный экзамен в полку я выдержал. Думал, что попаду теперь обратно в эскадрон, к своим пулеметчикам. Но тут последовал очередной вызов от командира полка.

— Знакомы ли вы с Флисовским? — спросил он.

— Так точно, — радостно улыбаясь, ответил я. — Он был начальником учебного отдела школы, в которой я учился. Больше того, одно время руководил подготовкой нашей группы.

— Рад, что вы не забыли друг друга. Кстати, это Флисовский рекомендовал мне поручить именно вам проверку оружия, — продолжал П. С. Иванов. — И вы справились с этой задачей. А теперь о главном. Только что подписан приказ о назначении вас командиром пулеметного взвода в полковую школу. Поздравляю! — И тут же вручил мне петлицы с двумя «кубарями» (а до этого, после школы, у меня было по одному).

Полковая школа выехала уже в лагерь, и добираться туда мне пришлось пешком: транспорта как такового не было и даже лошади не оказалось под рукой. Но это настроения не испортило, летел в лагерь как на крыльях. Так велик был подъем от теплых слов командира полка.

Конечно, я отлично понимал, что этим назначением мне выражено большое доверие, которое я не вправе обмануть. [28]

Но чтобы оправдать его, придется трудиться в поте лица. Ну и пусть! Трудностей я не

страшился, сил было много, Желание служить хорошо — огромное.

Наконец вот он, лагерь. Наскоро сбив пыль с сапог и обмундирования, вхожу в кабинет начальника школы. Представляюсь, подаю документы. И вдруг — будто холодным душем обдало:

— Я-то надеялся, что будет помощник опытный, со стажем. А тут посылают желторотых, возись с ними. Вас еще самих учить да учить...

Ясный солнечный день будто сразу померк. Однако сдержался, ответил по возможности спокойно:

— Если считаете меня непригодным, прошу откомандировать обратно в эскадрон!.

После некоторой паузы — очевидно, размышления и внутренней борьбы — начальник школы сказал уже с командными интонациями:

— Никуда обратно не поедете! Раз прислали, будем мучиться, но работать. Принимайте пулеметный взвод.

Разыскал командира пульвзвода. Тот оказался хорошим, дружелюбным парнем. Кстати, уходил он на повышение, командиром эскадрона в другой полк. Заметив мое скверное настроение, спросил:

— Ты чего это как в воду опущенный?

— Да почти так и есть, — откровенно признался я. — Начальничка бог послал!..

— Э-э, дорогой! Не расстраивайся. Он со всеми так. Самолюбив, с гонором, необщительный. В общем, настоящий сухарь. Между прочим, из бывших, служил в царской армии. Ну и, как говорят, «от ворон отстала и к павам не пристала». Все оглядывается назад, брюзжит. Ну а ты командир молодой, из крестьян. Да еще и абхазец, коих при царе и к армии-то не подпускали. Поэтому один твой вид на него действует... Но ничего, притреться!

У меня немного отлегло от сердца.

* * *

Принял взвод. Он оказался хорошим: курсанты — как на подбор, весьма старательные; Уровень общеобразовательной подготовки был также выше, чем во всех остальных подразделениях. Конечно, это объяснялось и спецификой их будущей воинской специальности. Ведь при ведении огня из пулемета системы «Максим» наводчики должны были знать математику, и прежде всего геометрию. Отсюда и повышенные требования при отборе курсантов. [29]

Полковая школа — учебное подразделение, готовящее младших командиров для всего полка. А это было сложным и ответственным делом. Вот почему весь преподавательско-начальствующий состав школы имел перед другими определенные привилегии. Например, должность командира учебного подразделения была на одну категорию выше, чем соответствующая в линейной части.

Срок действительной службы в РККА был тогда два года. А курсанты полковой школы учились год, после чего их уже младшими командирами распределяли по линейным подразделениям полка.

Учебная нагрузка была значительной, требовала немалых усилий как от обучаемых, так и от нас, командного состава. По инженерной и химической подготовке мы получили инструктивные указания от полкового инженера и начальника химической службы. А по всем остальным видам подготовки — политической, огневой, строевой, физической и конной — главным организатором, методистом и преподавателем был непосредственно командир взвода. Так что багаж знаний мы должны были иметь немалый.

А тут еще одна особенность. Когда я принял взвод, выяснилось, что все курсанты — мои одноклассники. Это, с одной стороны, даже польстило: я реально почувствовал, сколько знаний мне, еще недавно полуграмотному абхазскому крестьянину, дала Советская власть. А с другой — насторожило. Подумалось: как-то отнесутся ко мне мои новые подчиненные, сумею ли я стать для них хорошим наставником? Да, было трудно. В особенности в первый год. Нагрузка, повторяю, была солидной. Но помогали молодость, горячее желание не ударить в грязь лицом, а также отлично подготовленная учебная база.

В то время наш полк базировался на дивизионном полигоне у станицы Уманской. В летний период (с июня до октября), с началом новобранческих сборов до заключительного общего сбора, там находилась вся дивизия. Каждый полк оборудовал для своего личного состава жилье и прочие сооружения, включая отличные стрельбища, спортивные, инженерные и химические городки, строевые плацы и тому подобное. На них и занимались.

Неплохо была поставлена в полках и командирская подготовка. Так, в течение всего межсборного периода половина всего времени отводилась на занятия комсостава. Это, безусловно, давало весьма положительные результаты. Ведь если на III Всеармейских конно-спортивных состязаниях нашим полковым командам выпадали призовые места лишь по [30] отдельным видам состязаний, то на IV — уже по многим. По командирскому многоборью, например, мы заняли первое место, по фигурной езде — второе, по высшему классу конкур-иппика — первое и по рубке лозы с препятствиями — второе место. В результате основной и сильнейший наш соперник — Новочеркасские курсы усовершенствования командного состава конницы, команду которых готовил известный мастер конного спорта СССР С. А. Бовкун, — был оставлен позади.

* * *

Взводом полковой школы я командовал три года. Этот период был решающим в моем командирском становлении: отшлифовались и закрепились навыки одиночного кавалериста, пулеметчика. Кроме того, я стал активным спортсменом.

Мои коллеги, командиры сабельных взводов С. Панасенко, Г. Будко и Д. Гараган, прекрасно знающие свое дело люди, постоянно помогали мне, поддерживали. К тому же и начальника школы, так неприветливо встретившего меня на первых порах, вскоре куда-то перевели, а на его место назначили командира 3-го эскадрона В. С. Сухореброва, очень толкового, хорошо подготовленного, требовательного, но в то же время и человечного. При нем служить стало намного приятнее.

Но подошел январь 1935 года, и я был откомандирован на трехмесячные курсы переподготовки начальствующего состава Красной Армии. Тогда их называли несколько

необычно — Стрелково-тактический институт (ныне это Высшие офицерские ордена Ленина, Краснознаменные курсы «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова), созданы они были по личному указанию В. И. Ленина еще в суровые годы гражданской войны. Так что пройти эти курсы было весьма почетно.

Три месяца учебы пролетели незаметно. Окончив отделение командиров пулеметных рот, я вернулся в свой 69-й Ленинградский Краснознаменный кавалерийский полк. Меня принял вновь назначенный командиром полка И. И. Ильин. Выслушав доклад, поздравил с успешным завершением учебы и тут же сказал:

— Вам оказано большое доверие: вы назначаетесь командиром пулеметного эскадрона нашего полка. Уверен, что на курсах вами получена хорошая подготовка, которую теперь необходимо претворять в жизнь.

Через несколько дней я уже рапортовал командиру полка о приеме эскадрона. Началась новая, еще более ответственная [31] работа. В апреле — мае досконально изучил кадровый состав и хозяйство эскадрона. А затем совместно с районным военкоматом проверил подготовку призывников. Словом, дел завалилась масса: изучение приписного состава, организация работы между сборами, общие проверочные сборы приписников, боевая и политическая подготовка на них, подготовка развернутого эскадрона к маневрам, участие в них и т. п. К этому следует добавить и хозяйственные хлопоты: организацию приписки лошадей, их содержание, уход, заготовку кормов. Правда, целый ряд мероприятий осуществлялся на средства колхозов: содержание учебных центров, закупка конского снаряжения, оплата конюхов и старшин учебных центров. Но все это необходимо было организовать и контролировать.

За лето была отработана и выполнена программа первых для меня новобранческих сборов. А с 1 сентября проведены проверочные сборы с призывом приписного состава до штатной численности эскадрона. Причем по полной программе. Летнюю учебу завершили маневры, проходившие в сложной и разнообразной обстановке, продолжительностью более 10 дней. На маневрах были отработаны почти все виды боевых действий, притом с имитацией артиллерийских обстрелов и налетов авиации.

В целом маневры прошли успешно. Это была именно та школа, которая была нам необходима.

Навсегда запомнилось и то, как встречали нас жители станицы Уманской по возвращении с этих маневров. У окраинных домов была сооружена специальная трибуна. Самые уважаемые станичные люди преподнесли нам хлеб-соль. Затем состоялся митинг. С рапортом об успешном завершении маневров выступил на нем наш командир полка И. И. Ильин. В ответ были высказаны очень теплые приветствия в наш адрес как со стороны представителей местных партийных и советских органов, так и от имени родителей воинов — участников маневров. Каждому из нас поднесли подарки. И когда после митинга полк направился в свой городок, наши кони ступали по сплошь усыпанной цветами дороге. Такая любовь народа к своей родной армии конечно же вдохновляла нас на лучшую службу.

А время летело. В сентябре 1937 года я был назначен начальником полковой школы. Той самой, в которой начинал службу командиром пулеметного взвода.

Это было довольно серьезным повышением. Но принял я его уже без прежнего душевного трепета и неуверенности. Ведь был уже опыт, командирские навыки. [32]

Незаметно проскочили первых два месяца на новой должности. За это время произвел выпуск младших командиров, провел новый набор курсантов. И тут — очередная неожиданность: в ноябре 1937 года поступил приказ о моем назначении помощником командира по строевой части 67-го Кубанского казачьего кавалерийского полка 12-й Кубанской кавалерийской дивизии. Только собрался к новому месту службы, как... был направлен на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе, Невероятные повороты судьбы!

Расставаться с 69-м полком, где прослужил более шести лет, было довольно трудно. Ведь здесь я был принят кандидатом в члены ВКП(б), успел сродниться с коллективом, почувствовать себя его горячим патриотом. Вырос от командира взвода до начальника полковой школы и даже выше. Словом, прошел большую школу жизни и службы. И вот теперь — расставание. Хотя и еду учиться в академию, о которой мечтал, но все равно на душе как-то неуютно, грустно...

Знал, навсегда останутся в моей памяти друзья-сослуживцы — командир 1-го эскадрона украинец Г. Будко, командир 2-го эскадрона татарин Д. Емерсуинов, командир 3-го эскадрона русский Д. Гараган, командир 4-го эскадрона осетин А. Кочкарев и многие другие. Это благодаря их помощи я приобрел здесь, в полку, необходимые мне опыт и командирские навыки. А вот теперь еду пополнять багаж теоретических знаний. [33]

Глава вторая. Перед грозой

Итак, сбылась моя давняя мечта — еду учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Сборы были недолгими. А потом — стук вагонных колес, и вот я уже в Москве, в академии.

С ходу включился в занятия. Старался учиться как можно лучше. А это было хотя и трудно, но интересно. В академии подобрался квалифицированный профессорско-преподавательский состав, имелась хорошая учебная база, умело составленная программа. А главное — нас учили творчески, самостоятельно мыслить, смело принимать необходимые решения.

Гораздо быстрее, чем этого хотелось бы, пролетели годы учебы. По окончании академии я получил назначение на должность начальника штаба 112-го горнокавалерийского полка 21-й горнокавалерийской дивизии Среднеазиатского военного округа.

Должен сказать, что тогда я имел весьма приближенное понятие о тех краях, почерпнутое разве что из учебников географии да еще из рассказов служивших там товарищей. Слышал о сильной жаре и песчаных бурях, о безводье, массе ядовитых тварей — скорпионов, фаланг, змей, с которыми ужиться, конечно же, нелегко. Но я был молод и горел желанием испытать себя и в этих трудностях.

Выехали к новому месту службы всей семьей (к тому времени я уже был женат и имел сына). Путь оказался длинным: только на пятые сутки поезд прибыл в Ташкент, где предстояло сделать пересадку на другой. И лишь спустя еще двое суток мы наконец оказались на месте.

Дорога была чрезвычайно утомительной. Редкие населенные пункты, крохотные железнодорожные станции, обозначавшиеся небольшими вокзальными строениями, большая часть из которых оказывалась глинобитными, почти везде отсутствовало электричество. И... вода. Далеко не на всех, [34] даже крупных станциях имелись благоустроенные водоисточники, а по линии ее вообще подавали в цистернах, причем с большими переборами. И подчас нам, пассажирам, нечем было даже умыться.

К этому еще добавлялись и трудности со снабжением: буфетов, как правило, не было, запасы продовольствия каждый должен был пополнять по собственному усмотрению и инициативе. Жене с сыном, не привыкшим к таким условиям, было весьма трудно. Ну а мне, выросшему в деревне, без городских удобств, прошедшему к тому времени уже довольно суровую службу, было конечно же легче. Я на эти вещи попросту не обращал внимания.

Запомнилось: приехали утром в Ташкент. Местные пассажиры сразу же разошлись по домам, а на станции остались лишь немногие транзитники. Вошли с семьей в помещение чистого и опрятного вокзала, поставили вещи. Жена осталась возле них, а мы с сыном вышли подышать воздухом. Пересекли вокзальную площадь и вдруг видим — ура! — водоразборную колонку. Сын сразу же начал у нее плескаться, а я вернулся на вокзал, чтобы сообщить жене радостную весть. Но... Не успел еще и подойти к жене, как услышал дикий крик с площади. Это истошным голосом орал мой сынишка. Я бросился к нему, не зная, что и подумать. Оказалось, пока он мылся, сзади к колонке подошла женщина, лицо которой было закрыто сеткой из конского волоса — паранджой. Вот такого-то наряда он и напугался. Пришлось проводить с семейством разъяснительную беседу, хотя и самому было довольно странно видеть подобное. Ведь кончаются тридцатые годы двадцатого века, а тут такой анахронизм!

* * *

Но вот мы на месте. Встретил нас помощник начальника штаба 112-го горнокавалерийского полка капитан П. Ф. Попко, очень приятный человек, уже несколько лет прослуживший в этих краях и хорошо знавший местные условия. Устроил он нас в городской гостинице, на первом этаже которой размещалась гарнизонная столовая военторга, что было довольно удобно.

В тот же день я представился командиру полка. Полковник А. Л. Зубов был уже немолодым человеком, много лет прослужившим в армии и имевшим большой жизненный опыт. Он искренне обрадовался моему приезду, так как уже почти год работал без начальника штаба. Тут же посетовал: хлопот, дескать, масса. Тут и организация управления полком, [35] и планирование боевой и политической подготовки, и мобилизационная работа. Правда, ему неплохо помогают местные партийные и советские органы, с которыми он поддерживает самый тесный контакт.

Выяснилось, что А. Л. Зубов отлично знает здешние обычаи и традиции, умело использует это при общении с населением. Командир полка вкратце рассказал мне об особенностях службы в этих местах, затем приказал собрать комсостав полка и представил ему меня.

Поздним вечером, уже сидя у себя в номере, я стал перебирать в памяти все, что услышал днем от А. Л. Зубова, И в частности, боевую историю полка. А она была такой.

В начале апреля 1918 года несколько красногвардейских отрядов было сведено в 1-й Сибирский кавалерийский полк 1-й кавалерийской бригады 3-й Туркестанской

кавалерийской дивизии.

1-я кавалерийская бригада вела активные боевые действия против белочехов и белогвардейцев под Оренбургом. За успехи в этих боях ВЦИК наградил полки бригады Почетными революционными Красными знаменами.

В 1919 году бригадагромила белогвардейские части генерала Белова, а в 1920 году ликвидировала восстание контрреволюционеров в Фергане. В период с 1920 по 1924 год в упорных боях она освободила не только город Фергану, но и всю Ферганскую область от банд басмачей, установив там Советскую власть.

В 1924 году бригада очистила от басмачей Каракумы, за что ЦИК СССР наградил ее Почетным революционным Красным знаменем. В 1925 году ее полки сражались в районе города Хорезма, в 1926-м вошли в Бухару. В 1927-м снова оказались в Каракумах, где громили банды Джунайд-хана. В период с 1930 по 1931 год воины бригады бились с бандами Керим-хана и Ораз-Гилды. На этом и закончился ее боевой поход продолжительностью почти 14 лет.

С 1932 года полки бригады, переформированной к тому времени в дивизию, занимались в основном боевой учебой, принимая вместе с тем активное участие в социалистическом строительстве в Узбекистане, в частности на стройке Большого Ферганского канала.

В 1936 году, пройдя еще целый ряд переформирований, дивизия становится 21-й Туркестанской горнокавалерийской дивизией, а затем просто 21-й горнокавалерийской. В ее состав входят 17, 67 и 112-й горнокавалерийские полки, 22-й конноартиллерийский дивизион, 23-й бронетанковый дивизион, [36] 13-й отдельный эскадрон связи, 14-й отдельный саперный эскадрон и другие подразделения обеспечения.

Вот в каком прославленном соединении мне предстояло теперь служить!

* * *

Условия для жизни и службы у нас были неплохими. Военный городок, казармы с одноярусным расположением коек, оборудованные классы для занятий, строевые плацы, спортплощадки, манежи — все в основном соответствовало современным по тому времени требованиям.

Сам же город, где мне предстояло служить, до 1940 года был просто районным центром. Но затем стал областным; Правда, население его пока еще составляло всего несколько десятков тысяч, да и благоустройством он тоже похвастаться не мог. Дома, в основном принадлежавшие частным владельцам, были одноэтажными, оштукатуренными, а на окраинах и вовсе глинобитными. Электроосвещение имелось далеко не во всех домах, водопровод только еще начали строить, канализация тоже отсутствовала. Характерно, что почти все дома обносились высокими заборами из глиняного кирпича — дувалами.

В городе работало несколько предприятий текстильной и пищевой промышленности. Из культурно-просветительных учреждений имелся лишь один городской парк.

Парк был хорош, слов нет. Но мне как начальнику штаба его соседство приносило немало хлопот. Дело в том, что главный вход в парк располагался всего в ста метрах от штаба полка. А там обычно играл оркестр, возле касс всегда было многолюдно. В общем, «врата веселия и всяческих соблазнов» были открыты чуть ли не круглосуточно. И это

действовало на некоторых молодых командиров неотразимо. В послеобеденное время иные из них так и норовили проскользнуть в это земное царство отдыха.

К тому же территория парка, предназначенная для гуляний, непосредственно граничила с нашим военным городком. А мог ли быть преградой забор, хотя и трехметровый, для лихого кавалериста-джигита? Конечно же нет! И несмотря на все строгости, наши «лихачи» то и дело оказывались вечерами в этом парке в самовольной отлучке. Мне же, по долгу службы ответственному за организацию караульной и внутренней служб полка, приходилось не раз слышать довольно серьезные упреки и нарекания от командира полка за эти их «шалости», ломать голову над тем, как усилить охрану столь «опасного» участка гарнизона. [37]

В городе имелся также и небольшой зимний кинотеатр. Ну а для нас основным местом отдыха был полковой клуб с довольно просторным зрительным залом. Он же не раз использовался и городскими организациями для проведения особо торжественных мероприятий.

Город был прекрасно озеленен. А вдоль улиц тянулись арыки, по которым бежала вода. Правда, для питья она не годилась, ибо текла уже с полей и была мутной. Но в длинное жаркое лето, продолжавшееся едва ли не с марта по ноябрь, увлажняла воздух, создавая прохладу.

Население города было многонациональным. Но большинство все же составляли узбеки. Признаюсь, что их местные обычаи меня удивляли. Я уже говорил, что узбекские женщины носили тогда паранджу, закрывавшую лицо. Образ их жизни тоже был каким-то замкнутым. Например, женщины не имели права посещать любые культурно-массовые мероприятия. Их уделом оставался дом, работа на полях и воспитание детей. Даже в магазинах обычно выстраивались две очереди — мужчин и женщин.

Узбеки — народ необычайно гостеприимный. Гости принимали очень тепло, радушно угощали. Отказываться было нельзя — обидишь хозяина. Кушанья подавались в одной общей посуде. Отведывать их полагалось сидя на кошке, без стульев, поджав ноги.

Отрадно отметить, что местное население жадно тянулось к культуре, образованию. Да и к военной службе красноармейцы-узбеки относились очень старательно. Так, наши полки примерно на 70 процентов комплектовались из представителей среднеазиатских национальностей, прежде всего, конечно, узбеков. И с ними работать было довольно легко.

* * *

В полк я прибыл в октябре, в самый разгар подготовки к новому учебному году. Так что работы сразу навалилось много. Предстояло разработать план боевой и политической подготовки полка на год, организовать и провести с командным составом методические сборы, подготовить учебную базу, ввести необходимые коррективы и в мобилизационный план полка.

Понимая, сколь велик объем ожидавшей меня работы, командир полка по личной инициативе взял подготовку учебной базы на себя. Мне же пришлось не одну ночь провести с командирами штаба за разработкой планов. В установленные сроки они были подготовлены и представлены на подпись командиру полка. А затем уже направлены на утверждение [38] командиру дивизии комдиву В. С. Голубовскому, который, кстати, в тот

день сам приехал к нам в полк.

Несколько слов о комдиве. В. С. Голубовский был заслуженным боевым командиром, начинавшим службу еще солдатом в царской армии. Активный участник революции, член партии, он имел за боевые отличия несколько орденов Красного Знамени. Пользовался исключительно высоким авторитетом, хотя по характеру был замкнут, суховат, прямолинеен.

Итак, пользуясь прибытием комдива, мы представили ему на утверждение наши планы по боевой и политической подготовке. Быстро просмотрев их, В. С. Голубовский признал положительным все, кроме одного раздела: приказал не выделять, как мы предлагали, времени на одиночную подготовку бойца, а объединить ее с подготовкой отделения и взвода в целом. То есть заниматься только группой.

Пришлось срочно вносить коррективы во все разработанные документы. И только после этого они были утверждены командиром дивизии.

Затем В. С. Голубовский присутствовал на методических сборах командного состава нашего полка, дал на них четкие установки по методу группового обучения. А на заключительном совещании отметил оперативность штаба в разработке планов и подготовке сборов, поблагодарил нас с командиром полка. И тут же потребовал как можно быстрее закончить планирование работ уже по подразделениям.

Мы понимали нетерпение комдива. Да, необходимо было форсировать начало боевой и политической подготовки. Именно в нашем полку. Ведь до этого он целый год нес службу на границе, поэтому несколько отстал в учебе от других частей дивизии.

В результате общих усилий учебный год в нашем полку начался в установленные сроки. И конечно же шла не только боевая и политическая подготовка. Поскольку полк, как я уже говорил, был укомплектован в основном представителями национальностей среднеазиатских республик, проводились и занятия по русскому языку, другим общеобразовательным предметам. Словом, и наш комсостав принимал участие в ликвидации неграмотности.

Правда, не один наш комсостав. В этом деле мы объединяли свои усилия с преподавательским составом городских школ. И тогда дело двигалось быстрее. Упорно занимался и сам комсостав. Причем группой командиров эскадронов руководил лично командир полка А. Л. Зубов, а за подготовку остальных категорий комсостава отвечал я. [39]

Полковые учения проводил с нами уже командир дивизии. На них мы все выступали, что называется, в своих ролях, а это было гораздо легче, нежели организовывать и проводить занятия.

В заключение скажу, что, несмотря на все трудности моего первого года службы в новом полку, он прошел успешно, без каких-либо серьезных срывов.

* * *

В конце 1939 года в руководстве дивизией произошли изменения. В. С. Голубовского назначили на должность помощника командующего войсками Среднеазиатского военного округа по кавалерии. А на его место прибыл комдив А. С. Жадов. Как мы сразу

подметили, новый командир дивизии хорошо знал солдатскую Жизнь, а уж боевую подготовку и того лучше. Алексей Семенович был высокоэрудированным, высококультурным человеком. Опытнейший методист, он сразу же увлек нас своими лекциями по тактике и оперативному искусству.

Командирскую и методическую подготовку А. С. Жадов вел лично. Причем так доходчиво, что после его лекций каждый из нас мог свободно ориентироваться в изученной только что теме, легко организовать и провести по ней занятие в подразделениях.

По характеру Алексей Семенович был очень спокойным и выдержанным человеком, никогда не повышал голоса. Однако был требовательным и энергичным командиром, умел так отдать распоряжение, что любой подчиненный готов был, как говорят, в лепешку расшибиться, но выполнить, что приказано, наилучшим образом. Словом, своей деловитостью, эрудицией и требовательностью, причем без всяких там «сильных выражений», А. С. Жадов вскоре завоевал у нас огромный и нерушимый авторитет. Служить под его началом мы считали большой честью.

Кстати, в годы Великой Отечественной войны Алексей Семенович станет крупным военачальником. Будет командовать корпусом, армиями, примет участие в разгроме врага под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, Висле и Одере, а будет добивать его в Праге. А. С. Жадов вырастет до генерала армии, удостоится целого ряда высоких правительственных наград, в том числе и звания Героя Советского Союза.

Но это — в годы войны. А пока...

Комдив А. С. Жадов приехал к нам в полк примерно через месяц после своего вступления в должность. Причем [40] приехал без предупреждения и не один, а с группой командиров из штаба дивизии. Конечно же, для нас это было неожиданностью. Ведь шел обычный день командирской учебы. Часть комсостава занималась в классах, часть — в поле, а штабные командиры находились как раз в подразделениях, так что комдива никто даже и не встретил. Однако в укор он нам это не поставил, наоборот, отметил как положительное явление в работе командования полка и штаба.

А. С. Жадов пробыл у нас недолго. В первые два-три дня побывал во всех подразделениях, осмотрел учебную базу, ознакомился с условиями быта и делами личного состава. Остался доволен.

А однажды, уже вечером, пришел в штаб. Приказал мне:

— Покажите документацию по планированию боевой подготовки.

Я дал комдиву план, и он углубился в его изучение. И вдруг спросил:

— Позвольте, а где же раздел по одиночной подготовке бойца?

— Комдив Голубовский приказал проводить только групповую подготовку, — ответил я.
— Одиночной подготовкой он нам заниматься не разрешил.

— Ну что же, — подумав, сказал Жадов. — План можете не менять. Но время на одиночную подготовку все же выделите. И обеспечьте ее проведение. Проверю.

Здесь следует сказать, что комдив вначале сам провел ряд методических занятий. А затем приказал уже нам наверстывать упущенное. Пришлось действовать по сильно сокращенной программе. И все же к моменту окончания зимнего периода обучения, итоги которого подводились к 1 мая, одиночная подготовка бойца была в основном завершена.

А на итоговую проверку к нам в соединение неожиданно приехал бывший комдив В. С. Голубовский. И первым делом появился не где-нибудь, а там, где по указанию А. С. Жадова была оборудована полоса препятствий для одиночной подготовки бойца. В эту полосу, глубина которой была 250 метров, входили заболоченный участок, крутые подъемы и спуски, овраги, заборы, стены, дверные и оконные проемы и т. п. Была даже воспроизведена, участком, и оборона «противника» — вырыта позиция с чучелами для штыкового боя, с макетами пулеметов, орудий и танков, с траншеей полного профиля.

По условиям обучаемый боец (с полной выкладкой) занимал в своей траншее исходное положение. По команде руководителя он должен был без промедления ринуться [41] вперед, последовательно преодолеть все препятствия, на ходу ведя огонь из карабина, затем нанести чучелам штыковые уколы. После этого занять окоп, отбить атаку «танка», гранатой уничтожить «пулеметное гнездо». Словом, это были как раз те приемы, которые потом, в ходе войны, в основном нами и использовались. К сожалению, тогда мы (да и не только мы) этого знать не могли и владели этими приемами далеко не в совершенстве.

И все же В. С. Голубовскому наше занятие понравилось. Он даже объявил некоторым особо отличившимся бойцам благодарность.

* * *

После первомайских праздников, не покидая лагерей, мы снова развернули боевую подготовку. Были проведены командирские сборы. Особое внимание стали уделять командирской подготовке и связанной с ней полевой выучке: Ведь летом полк должен был участвовать в дивизионных учениях и окружных маневрах.

С нас также стали требовать освоения боя, до сих пор считавшегося не присущим коннице, — оборонительного, с созданием нескольких эшелонов, предполья перед главной полосой обороны. На прикрытие этого предполья выделялись подвижные, или, как их тогда называли, передовые, отряды. Начало практиковаться и наступление с форсированием водных преград. И все эти новые направления в обучении кавалеристов проводились в жизнь благодаря инициативе, энергии и настойчивости командира нашей дивизии А. С. Жадова.

В целом боевая подготовка у нас шла очень напряженно, с большой нагрузкой на командный состав. Однако, анализируя ее содержание сейчас, все же должен отметить, что, на мой взгляд, она явно отставала от требований времени. Прежде всего сказывалась известная недооценка противника, всегда представлявшегося нам слабым. В кавалерийских частях делалась ставка на стремительную, довольно легкую победу. Потому-то главным тактическим приемом и считалась лихая кавалерийская атака.

Явно недооценивалось тогда и значение маневренных видов боя, почти не практиковалось наступление на глубоко эшелонированную оборону противника, хорошо укрепленную в инженерном отношении. Вести оборонительный бой конников учили как бы между прочим и, по-видимому, главным образом потому, что надо было все же иметь о нем хоть какое-то представление. [42]

Все эти просчеты конечно же дали о себе знать уже в первые дни Великой Отечественной войны. А перестраиваться в огне было ой как трудно!

А теперь снова продолжу рассказ о наших текущих делах.

На предстоящее лето у нас конкретно намечалось четыре важнейших мероприятия: полковые учения в горах, окружные командно-штабные учения, а затем дивизионные и окружные. Их сроки и тематика, как известно, всегда планируются вышестоящими штабами и до самого начала учений обычно держатся в секрете. А как бы хотелось заранее узнать, что же будет необходимо показать на учениях, к чему готовиться в наибольшей степени?

Но вот подошло время полковых учений. Нам было приказано совершить фланговый марш по узким тропам Гульчинского хребта и отрезать затем «противнику» пути отхода по Ошскому шоссе. И тут оказалось, что наш полк, хотя и именовался горнокавалерийским, к выполнению подобного задания почти не подготовлен. У нас не было практики в преодолении крутых скал, в перевозке тяжелого оружия во вьюках. Не умели мы бороться и с горной болезнью.

Все пришлось познавать в ускоренном темпе, что называется, на ходу. И кое-что удалось-таки наверстать. Хуже всего было с горной болезнью. Она выражается в том, что на определенной высоте человек начинает внезапно терять зрение, подступает тошнота. И это почти выводит людей из строя.

К счастью, подверженными этой болезни оказались далеко не все. Большая часть личного состава чувствовала себя довольно уверенно. На них, как могли, равнялись остальные. К тому же люди знали, что все это временно, что спуск на привычную высоту над уровнем моря снимет этот недуг.

Учения продолжались пятеро суток. Напряжения они нам стоили исключительного. Однако все закончилось благополучно, без единого происшествия и даже с довольно приличными результатами. И командиры, и весь личный состав получили на них хорошую практику.

* * *

А в конце июля мне довелось впервые участвовать в крупных командно-штабных учениях. Ими руководил командующий войсками Среднеазиатского военного округа комкор И. Р. Апанасенко. На эти учения привлекались штабы корпусов, дивизий и их командиры. Мне же повезло совершенно случайно: не оказалось на месте начальника штаба нашей [43] дивизии, поэтому вместо него пригласили на учения начальника оперативного отделения штаба дивизии, а меня — вместо начопера.

Учения начались, как всегда, с рекогносцировки местности, выработки решений, их объявления и организации взаимодействия. Штабы готовили материалы и предложения для своих командиров, а после принятия теми решений оформляли их, доводили до исполнителей, контролировали исполнение и управление войсками.

Выполняя функции начальника оперативного отдела, я неотлучно находился при своем командире дивизии, вел записи, а главное — рабочую карту. И впервые на моих глазах проходил процесс выработки решений на таком высоком для меня уровне — командующего округом, командиров корпусов. До сих пор об этом мне доводилось

слышать лишь во время учебы в академии. Да и то от преподавателей. Здесь же все развертывалось в действительности.

Трудно передать всю глубину и силу впечатления от командно-штабных учений, ставших для меня настоящей полевой академией. Приведу на этот счет только один небольшой эпизод.

По окончании рекогносцировки и выработки решений (это было уже на второй день учений) все участники прибыли на КП командующего округом. Он находился на господствующей высоте, и это обеспечивало отличный обзор окружающей местности. Началась работа. Солнце пекло нестерпимо, температура была около 50 градусов, а ветерка никакого. Да и о тени мы могли лишь мечтать.

Вначале руководитель объявил решение за командира стрелкового корпуса, прорывающего оборону «противника» и обеспечивающего ввод в прорыв подвижных групп для развития наступления. Затем были заслушаны решения еще командиров двух корпусов (стрелкового и кавалерийского) и пяти дивизий (трех стрелковых и двух кавалерийских, нашей 21-й в том числе). Тут же организовывалось взаимодействие по этапам боя, с увязкой по времени, месту, задачам всех родов войск и исполнителей. Работа была чрезвычайно сложной и ответственной, поскольку это означало действия многих тысяч людей и огромного количества техники (пусть в данном случае только предполагаемых).

Я стремился впитать в себя все услышанное до мелочей. А это было не так-то легко, ибо учения длились около пяти часов, в течение которых комкор И. Р. Апанасенко под палящими лучами солнца не сделал ни одного перерыва, не разрешил никому испить и глотка воды, хотя бы раз затянуться [44] папироской. Мы все сидели на горячем песке, лишь изредка, незаметно для командующего, потирая затекшие ноги и обливаясь потом. А сам руководитель, как только занял свое место, снял с головы фуражку, положил ее около себя и в течение всего занятия даже не шелохнулся. Я впервые увидел подобную солдатскую закалку у такого высокого военачальника и, признаюсь, был восхищен до глубины души.

Однако когда учения были закончены, И. Р. Апанасенко вдруг потребовал у всех участников предъявить ему флаги с водой. Ведь по законам тех мест они должны были быть всегда при себе, у любого командира и бойца. А тут... Словом, флаг у многих командиров не оказался. Стоит ли говорить, как им досталось от комкора!

Что ж, это тоже был урок: на учениях, тем более такого масштаба, мелочей нет и не должно быть.

* * *

В первой половине августа наша дивизия была поднята по тревоге и выведена в район предстоящих учений. Руководить ими, как мы узнали, должен был комдив В. С. Голубовский.

112-му полку вначале предстояло держать оборону в горах, а затем вести аррьергардные бои. Остальным частям дивизии следовало вначале прорвать оборону нашего полка, а затем вести его преследование.

Итак, совершив суточный марш, наш 112-й полк вышел на Гульчинский перевал, где стал

в оборону с целью не допустить прорыва «противника», который наступал через перевал в ущелье. По плану на организацию обороны нам отводилось два дня. На третий — уже вести бои за удержание перевала. На пятый день полк вступал в арьергардные бои.

Здесь следует сказать, что В. С. Голубовский был крайне заинтересован в изучении оборонительных возможностей полосы предполья — нового элемента в условиях данного учения. Поэтому в этой полосе силами саперного батальона было оборудовано несколько (три основных и четыре промежуточных) рубежей обороны. А защищенная к тому же с флангов горами, что исключало маневр наступающих войск, полоса предполья вообще являлась почти непреодолимой для конницы «противника».

Но и это еще не все. Командир нашего полка решил сразу же за полосой предполья оборудовать ложный передний край, сосредоточив там часть своих сил. Таким образом эшелонирование [45] обороны по глубине еще более увеличилось, что позволило подразделениям по мере их отхода с передовых рубежей (в период арьергардных боев) постоянно усиливать глубинные рубежи.

«Противник» подошел к перевалу лишь к исходу вторых суток. И сразу же уперся в первый рубеж предполья. Прорыв с ходу у него не получился, поэтому бой принял затяжной характер.

Бойцы нашего полка упорно отстаивали каждый рубеж; саперы, умело имитируя огонь артиллерии — разрывы мин и снарядов, также задерживали продвижение наступающих. Тем приходилось буквально прогрызать каждый метр обороны, то и дело наращивая свои силы.

И все же во второй половине дня «противник», введя в бой все свои силы, вышел-таки к переднему (ложному) краю нашей обороны. Но атаковать его с ходу даже и не попытался, решив, как донесла наша разведка, организовать этот прорыв с утра следующего дня. Таким образом, военная хитрость комполка удалась: ложный рубеж обороны был принят «противником» за основной, мы выиграли время.

Однако утром следующего дня командир дивизии вместо положенной перед наступлением артподготовки приказал противной стороне провести... разведку боем. Тогда-то и было выяснено, что части стоят перед ложным передним краем. Безусловно, только А. С. Жадову с его высокими боевыми качествами и интуицией удалось разгадать эту уловку нашего командира полка.

На прорыв главной полосы обороны у «противника» ушли еще сутки. И лишь после этого начались арьергардные бои.

Почти пять суток провели мы в непрерывных схватках с сильным «противником». Но, честно скажу, вышли из них бодрыми. Так интересно и поучительно были организованы учения.

А после них, как обычно, состоялся детальный разбор, проведенный В. С. Голубовским. Он, в частности, отметил слаженные действия войск в горных условиях, их напористость и стойкость. Командир дивизии А. С. Жадов и командир нашего полка А. Л. Зубов были особо отмечены за творческое мышление и настойчивое претворение в жизнь принятых решений.

* * *

После успешно закончившихся дивизионных учений нас, как уже говорилось выше, ждали окружные маневры. Мы [46] к ним готовились основательно. Едва ли не круглые сутки гремели выстрелы на стрельбищах, не пустовали манежи и городки. Каждый кавалерист проходил строгую проверку по всем видам боевой подготовки.

Размах маневров был огромен: войска действовали на сотни километров как в глубину, так и по фронту. В них приняли участие все рода войск. Особенностью этих маневров было и применение всех видов боевых действий — обороны, наступления, преследования, встречного боя и т. д.

Действия начались с прорыва подготовленной обороны «противника» стрелковыми соединениями. А затем в прорыв для захвата выгодных рубежей и удержания их до подхода главных сил вводилась кавалерия. За эти рубежи то и дело вспыхивали встречные бои — присущий коннице вид действий.

На второй день наступления нашей дивизии была поставлена задача захватить несколько горных перевалов, отрезав тем самым пути отхода «противника», а также не допустить подтягивания им резервов из глубины.

Наш 112-й полк выполнял при этом роль передового отряда. Войдя в прорыв, мы в первый же день продвинулись вперед на 15–20 километров и вскоре завязали встречный бой с кавалерийским полком «противника». При этом наши преимущества были явными: полк «противника» лишь вытягивался еще из лощины, подставляя нам свой фланг, а мы были на возвышенности. Поэтому успех боя был полным.

Вскоре пришло боевое распоряжение: оставить на данном направлении лишь небольшое прикрытие, а основные силы дивизии повернуть налево, чтобы упредить намечавшийся фланговый удар «противника». Повернуть... А ведь дело это не простое, требует многих и четких действий. И все же к утру мы уже двигались в заданном направлении. Наш полк при этом уступил свое место другому полку и шел теперь в составе главных сил дивизии.

Где-то часов в 10 утра головной полк вдруг спешился и начал занимать оборону. Впереди показался «противник», и полк решил привлечь до поры его внимание к себе. Остальные полки дивизии тем временем изготовились к атаке.

И вот отданы команды. Наши конники, уже развернутые в боевые линии, с обнаженными клинками на полном карьере ринулись в атаку. Разгорелся встречный бой двух кавалерийских дивизий. Слышались дробный стук копыт; оглушительное «ура», громкие команды, храп и ржание вздыбленных лошадей, свист и звон сабель. Впечатляющая картина! Тем более что появившаяся неведомо откуда авиация [47] обеих сторон старается поддержать действия своих войск, вплетая в какофонию наземного боя рев мощных моторов...

Нервное и физическое напряжение, испытываемое кавалеристами в подобном бою, огромно. Зато победа как бы придает новые силы. Так случилось и у нас. В этом встречном бою успех достался нам. «Противник» вскоре начал поспешно отступать, а мы — преследовать его. Целых двое суток наши полки шли за ним по пятам — по горным тропам, узким ущельям и высоким перевалам. И наконец, удачно совершив обходный маневр, отрезали «противнику» все пути отхода.

А всего за время этих учений мы атаковали десятки раз, наступали, оборонялись,

действовали в горах, долинах и степях, прошли с боями сотни километров. И всякий раз — в стремительном темпе, поучительно и без происшествий.

Маневры закончились строевым смотром войск. А затем был проведен детальный разбор. На нем командующий войсками округа назвал лучшие части и соединения. Среди них оказалась и наша дивизия, заслужившая хорошую оценку.

* * *

Начало 1941 года ознаменовалось рядом событий. Во-первых, к нам поступило распоряжение о срочной переработке мобилизационного плана полка с изменением районов комплектования. Пришлось всему штабу, засучив рукава, дни и ночи делать новые расчеты. Вот где мне пригодился опыт, приобретенный еще во время службы в территориальных частях Северо-Кавказского военного округа!

За месяц работа над новым мобилизационным планом была завершена. Не успели передохнуть, как последовал вызов в штаб округа. Являюсь к начальнику нужного мне управления полковнику Я. К. Кулиеву. Докладываю о готовности нового варианта мобплана. Я. К. Кулиев сообщает: завтра, мол, вместе пойдем к начальнику штаба округа генерал-майору М. И. Казакову.

Начальник штаба округа слушал мой доклад с живым интересом.

— Все мобилизационные потребности нашей части полностью обеспечены, кроме вот только оптических приборов, — закончил я.

— А что, без биноклей и стереотруб вы воевать не в состоянии? — улыбнулся М. И. Казаков.

— Нет, в состоянии. Пока глаза видят, будем воевать, — не растерялся я. [48]

— Что ж, похвально, — кивнул генерал. — План, думаю, приемлем...

По возвращении доложил обо всем командиру полка и начальнику штаба дивизии полковнику А. И. Юрьеву (письменно). Затем, доработав план в соответствии с небольшими замечаниями руководства, занялся текущими делами.

И вдруг в полк нагрянула окружная комиссия во главе с членом Военного совета дивизионным комиссаром Е. П. Рыковым и полковником Я. К. Кулиевым. И снова началась проверка мобготовности полка. В первый день комиссия изучала наше планирование, осматривала склады с НЗ (неприкосновенным запасом), что-то согласовывая при этом с местными партийными и советскими органами. А на следующий — мы получили предписание командующего войсками округа на развертывание полка по штатам военного времени.

За работу взялись без раскачки: объявили в части тревогу, развернули пункты приема приписного состава, установили связь с военкоматами. Кстати, все это было у нас отработано заранее, поэтому прошло оперативно, без происшествий.

За эти учения (а что это просто учения, мы узнали лишь после их окончания) полк получил хорошую оценку. На разборе Я. К. Кулиев сообщил нам причину столь пристального внимания к нашему полку со стороны штаба округа. Оказывается, учения

решено было провести в отдельно дислоцированной части, что исключало бы какую-либо опеку со стороны штаба дивизии. А наш полк как раз и был удален от остальных частей дивизии и ее штаба более чем на 100 километров.

Учения по мобилизационному развертыванию заняли у нас всего лишь неделю. Но практику мы получили богатую.

Тем временем произошли изменения и непосредственно в полку. Наш командир А. Л. Зубов ушел в штаб дивизии на вновь введенную должность начальника тыла, а его сменил майор В. И. Трубников, бывший до этого начальником оперативного отделения штаба нашей же дивизии.

Но и это еще не все. В начале июня мы с сожалением расстались с комдивом А. С. Жадовым, назначенным служить в Западный Особый военный округ на должность командира 4-го воздушно-десантного корпуса. А на его место прибыл Я. К. Кулиев, о котором я уже не раз упоминал.

Что ж, это в некоторой степени сглаживало горечь расставания с А. С. Жадовым. Полковника Я. К. Кулиева многие из нас хорошо знали и уважали. Туркмен по национальности, [49] он родился в Азербайджане в 1900 году. В 1918 году вступил добровольцем в Красную Армию. Принимал участие в борьбе против белогвардейцев на Закаспийском фронте, затем сражался с басмачами в Средней Азии. В 1932 году окончил Новочеркасские кавалерийские курсы усовершенствования, а в 1936-м — академию имени М. В. Фрунзе. В 1939 году учился на курсах усовершенствования командного состава при Военной академии Генерального штаба РККА. По окончании их служил начальником оперативного отделения 18-й горнокавалерийской дивизии, потом командовал 25-м полком этой же дивизии. А до прихода к нам был начальником одного из отделов штаба Среднеазиатского военного округа.

Да, Я. К. Кулиев был достойной сменой А. С. Жадову. И это нас вдохновляло. Ведь в воздухе все осязательнее пахло военной грозой. [50]

Глава третья. На дальних подступах к Москве

Известие о начале войны застало наш 112-й горнокавалерийский полк в лагерях. И с тех пор почти целый месяц мы жили ожиданием, с болью в душе слушая тревожные сводки Совинформбюро, жадно читая газеты, в которых сообщалось о положении на фронтах. Естественно, рвались на фронт. Но нас почему-то так и не выводили из лагерей.

И вот 9 июля в час ночи прозвучал сигнал боевой тревоги. Первой же мыслью было: наконец-то дождались, посылают на фронт!

Выскочил из палатки. Вокруг — непроглядная тьма. Дышалось легко и приятно. Ведь в разгаре было жаркое, душное лето, и только ночью, вот как сейчас, на землю опускалась живительная прохлада.

Черное южное небо усыпано яркими звездами. Но через мгновение такие же звездочки замелькали и на земле: это, освещая себе фонариками дорогу, спешили к месту построения командиры.

Со всех сторон доносился топот сотен ног и конских копыт. Полк строился привычно и быстро. В темноте не было видно лиц кавалеристов, но я знал, что они действуют, как положено по сигналу боевой тревоги.

— Командиры подразделений, ко мне! — властно прозвучал во тьме голос командира полка майора В. И. Трубникова. И когда мы собрались, он объявил: — По приказу полковника Кулиева наш полк должен совершить форсированный марш и как можно скорее прибыть на зимние квартиры. Все ясно? Действуйте! Предупреждаю, на марше быть предельно собранными. Путь не близкий, а дорога...

Да, марш предстоял нелегкий. Сто сорок километров по труднопроходимой местности, по узким дорогам-карнизам, над глубокими горными ущельями, притом, повторяю, в непроглядной тьме, ночью. К тому же на пути — две ледяные порожистые реки, Карадарья и Сырдарья, которые нужно [51] было преодолеть. Но что все это по сравнению с тем, что может ожидать нас впереди!

Итак, марш начался. Это был действительно строгий экзамен, суровая проверка людей на выносливость и закалку. Но все обошлось благополучно. В точно назначенное время мы прибыли на место.

10 июля был получен приказ командующего войсками Среднеазиатского военного округа. Нашей дивизии объявлялась мобилизация. К ней мы были давно готовы: каждый отлично знал, что ему надлежит делать (вот где пригодился опыт проведенного в начале этого года учения!).

Огромную помощь в развертывании дивизии нам оказали партийные и советские органы. Дивизия быстро пополнилась хорошо обученными бойцами и командирами, призванными из запаса. Большое внимание было уделено укомплектованности ее транспортными средствами и конским составом.

Трудно переоценить вклад в общее дело политработников, коммунистов и комсомольцев соединения. Все они в те дни, четко действуя на своих местах, мобилизовывали воинов на отличное и быстрее выполнение поставленной задачи.

К исходу 13 июля 21-я дивизия, перекрыв все сроки отмобилизования, была уже готова к погрузке.

И вот наступил долгожданный день. Накануне погрузки в эшелоны к нам прибыл полковник Я. К. Кулиев. Он внимательно проверил укомплектованность полка личным составом и боевой техникой, поинтересовался настроением кавалеристов. Потом приказал собрать личный состав и произнес короткую речь. Как сейчас помню его проникновенные заключительные слова:

— Товарищи! Настало время, когда мы должны выполнить нашу присягу перед партией, государством, перед всем нашим народом и прославить советское оружие. Будьте же достойными сынами своей великой социалистической Родины!

Потом Якуб Кулиевич подошел к группе командиров и сказал:

— Ну вот, друзья, мы и дождались. Едем защищать Родину!

— А куда нас направляют, товарищ полковник? На какой участок? — посыпались со всех

сторон вопросы.

— Ну, на это я ответить вам сейчас не могу, сами понимаете, военная тайна, — улыбнулся комдив. И пошутил: — Но машинист дорогу знает, куда надо — довезет. [52]

Прозвучал сигнал, и началась погрузка. Всюду на станции шум, движение, грохот. Бойцы заводят коней в вагоны, на открытые платформы грузится техника, военное имущество. И вот — протяжный гудок паровоза. В путь!

* * *

Уже несколько часов мы в пути. Однако настроение у всех подавленное. Ведь эшелоны почему-то идут на юг. Да и вообще... Припомнилось: еще во время погрузки мы немало удивились приказу брать с собой архивы и все нетабельное имущество — шкафы, столы, сейфы. А командирам даже и выходное обмундирование. Что бы все это значило? Ведь не сейфами же и не в парадных мундирах мы будем бить фашистов. Значит...

Но вскоре эшелоны пошли в обратную сторону. Прибыли в Ташкент. На перроне вокзала много военных. Здесь же и полковник Я. К. Кулиев. Как только поезд остановился, дежурный по станции громко потребовал к себе начальника эшелона. Выйдя из вагона, я вместе с ним подошел к группе командиров и представился старшему по званию, генералу. Выслушав мой рапорт, тот приказал немедленно выгрузить все нетабельное имущество и архив полка и сдать все это представителю штаба округа.

«Ну, дела! — подумал я с неудовольствием. — Люди воюют, а ты то грузи, то выгружай...»

По-видимому, эти мысли слишком отразились на моем лице, ибо полковник Кулиев, пристально взглянув на меня, довольно резко приказал:

— Товарищ капитан! Назначьте команды для выгрузки! Архив сдать по описи, имущество — по штучному счету. На исполнение — один час.

— Слушаюсь! — вытянулся я.

— Нас направляют в действующую армию, — уже мягче пояснил командир дивизии. — Нетабельное имущество нам не пригодится. Так что действуйте.

«Вот это другое дело! — обрадовался я. — Наконец-то ясность, сомнения — прочь!»

Бойцы быстро выгрузили все лишнее имущество, и после краткого напутственного слова командующего войсками округа, пожелавшего нам боевых удач, мы снова тронулись в путь. Теперь уже на северо-запад.

Как стало позднее известно, наша 21-я дивизия вначале планировалась для несения службы в южных районах нашей страны. Но в связи с тяжелой обстановкой на фронте [53] прежнее решение было изменено. Едем в действующую армию!

И вновь мелькают по сторонам станции и полустанки. За Ташкентом последовали Саратов, Тамбов, Орел. Эшелоны идут по «зеленой улице», останавливаясь лишь для замены паровозов да заправки их топливом и водой.

Нам все чаще встречаются поезда с эвакуируемыми жителями западных областей, с оборудованием заводов и фабрик, перебазированных на восток. Идут эшелоны с ранеными. Наши кавалеристы, находившиеся до этого очень далеко от полей сражений и впервые воочию увидевшие это отражение великого народного бедствия, еще явственнее почувствовали грозное дыхание войны. Посуровели их лица, у каждого на уме лишь один вопрос — скоро ли приедем? Защитить, заслонить собой этих потерявших дом и покой детей, женщин и стариков, уничтожить подлого врага — это желание овладело всеми.

После Орла стало чувствоваться приближение фронта: разрушенные и сожженные бомбежками дома, по обочинам дорог — перевернутые и обгоревшие автомобили. Эшелон по-прежнему идет почти без остановок. И вдруг на одном из перегонов резко тормозит, потом снова трогается. Что такое?

— Во-озду-ух! — слышится запоздалое предупреждение дежурного.

Вражеские самолеты появляются из-за леса внезапно, тенью проносятся над вагонами. И тут же слышатся гулкие взрывы бомб. Испуганно ржут в вагонах кони, тревожно переглядываются люди, впервые попавшие под бомбежку. Но паники нет. Тем временем бомбовозы развернулись и пошли на второй заход. Захлопали выстрелы: это с платформ открыли по самолетам огонь из своих карабинов и пулеметов наши конники.

Несколько раз проносились над эшелоном гитлеровские стервятники, поливая нас теперь уже из пушек и пулеметов. И троих наших кавалеристов нашли-таки фашистские пули. Погибли помощник командира 17-го горнокавалерийского полка капитан Березоворучский и два бойца. Не довелось им доехать до фронта...

Это был первый увиденный нами реальный враг. И первая схватка, когда после минутной растерянности конники бросились к оружию. Это были и первые наши жертвы.

После Орла наши эшелоны подвергались налетам уже через каждые 4–6 часов. Однако больших неприятностей [54] и потерь от них у нас не было. Ибо бомбили фашисты, как правило, неприцельно, заходя не вдоль, а поперек хода эшелонов. Да и стреляли не слишком метко.

* * *

Ранним июльским утром наш эшелон прибыл на станцию Унеча, что в Брянской области. Встретивший нас представитель штаба дивизии предложил разгружаться. Тут же подъехал и легковой автомобиль, из которого вышел... полковник Я. К. Кулиев. Я был очень удивлен: ведь после отправки эшелонов он еще оставался в Ташкенте. Не меньше удивился и комдив: провожал наш эшелон предпоследним, а прибыли мы первыми.

— Ай да молодцы! Как это вы всех обскакали? — спросил Кулиев.

— Меньше других пострадали от налетов, потому и проскочили без задержки, — ответил я.

— Ну, добро! Разгружайтесь. А я поеду на соседнюю станцию, — сказал полковник, и его автомобиль помчался на восток, оставляя за собой клубы пыли.

С каким удовольствием после десяти дней тряски выпрыгивали из вагонов конники! Дорога всех порядком утомила. А здесь щедро грело ласковое солнце, все вокруг утопало

в яркой густой зелени. Лошади, почти две недели жевавшие в вагонах сухое сено, жадно накупились на сочную траву. Однако, опасаясь налетов немецкой авиации, мы поторапливались с выгрузкой.

С 23 по 26 июля части 21-й дивизии, выгрузившись на станциях Унеча и Песочная, сосредоточивались в окрестных лесах, готовясь к ведению боевых действий.

Почти в одно время с нами в этом же районе выгрузилась из эшелонов и 52-я кавалерийская дивизия полковника Н. П. Якунина. Сюда же прибыл и генерал-инспектор кавалерии генерал-полковник О. И. Городовиков. Ока Иванович пользовался у всех огромным уважением и авторитетом. Он хорошо знал командиров обоих наших соединений еще по довоенной службе, его тоже знали и любили все кавалеристы. О. И. Городовиков тут же начал формировать кавалерийскую группу из 21-й и 52-й дивизий.

В это время у меня произошла неожиданная, но памятная встреча. Надо сказать, что в первые дни пребывания во фронтовой обстановке мы подчас излишне осторожничали. Например, даже днем людям, находящимся в лесу, запрещалось курить в целях маскировки от воздушных разведчиков. А ведь лес был прекрасной крышей, под которой [55] не только огня папиросы, но и самих-то нас не было видно. И тем не менее приказ строго выполняли. И вот вижу: стоит под деревьями группа командиров, и все курят. Иду наводить порядок. Подойдя к ним, узнаю стоящего в центре группы бывшего командира нашей дивизии генерала А. С. Жадова, который что-то рассказывает.

Я радостно его поприветствовал. Не прекращая разговора, Жадов крепко пожал мне руку, как будто мы расстались лишь вчера, и продолжил:

— Немец, товарищи, противник серьезный, техникой оснащен великолепно. Именно поэтому он и давит на нас, берет пока верх.

— Так что же, товарищ генерал, на него и управы нет? — тихо спросил кто-то.

— Почему же, — спокойно ответил Жадов. — Мои десантники, например, держались очень неплохо. Техники у нас, правда, сейчас мало, а без нее тяжело. Знаю, что и у вас ее тоже немного. А кавалерии с карабинами да шашками против танков сражаться трудно. Но нужно! Идут, например, на вас танки и мотопехота — не теряйтесь. Лошадей отводите в укрытия — в лощины, лес, овраги. А сами занимайте оборону. Зарывайтесь в землю! Пушки, танки — на прямую наводку.

— А как вы, товарищ генерал, с танками боролись?

— Никаких особых средств не было. Мины да гранаты. Но гранаты наши десантники связывали по пять штук, иначе гусеницу не перебеешь.

— Да-а, на лошадях против танков воевать нелегко, — задумчиво сказал я.

— Нелегко, капитан, — ответил Алексей Семенович. — Война вообще дело трудное. Но мы к ней готовились с вами давно, — он посмотрел на стоящих вокруг командиров, — и многому научились. Справимся и с фашистами! Обязательно справимся!

А обстановка на фронте складывалась к тому времени довольно серьезная. На западном направлении, хотя и ценой огромных усилий и потерь, фашисты все же заняли Смоленск, Кричев и развивали теперь наступление на Рославль. Советские войска вели тяжелые

сдерживающие бои с полчищами 2-й танковой группы генерала Гудериана. Вот в этих условиях наша вновь созданная кавалерийская группа и должна была действовать на стыке флангов 13-й и 28-й армий. Цель — задержать продвижение противника на восток. [56]

28 июля 1941 года наша дивизия совершила ночной марш и сосредоточилась в лесу в 20–25 километрах северо-западнее города Сураж. Сюда же прибыл и О. И. Городовиков с сопровождавшими его командирами. Вечером в штабной палатке состоялось совещание, на котором Ока Иванович разъяснил задачу дивизии. Она должна была выйти в район боевых действий 28-й армии, влиться в ее состав и по указанию ее командующего генерала В. Я. Качалова нанести удары по тылам рославльской группировки войск противника.

Поскольку нам предстояло сражаться во вражеском тылу, а эти действия имеют свою специфику, большое внимание было уделено партийно-политической работе. Во всех частях и подразделениях были проведены открытые партийные и комсомольские собрания.

И вот, оставив в районе Суража свои тыловые подразделения, дивизия тронулась в путь. Она должна была скрытно от врага пройти ночными маршами по смоленским лесам и к 4.00 2 августа выйти в район Шибнево, Пожого, Пустосел. По пути нам предстояло пересечь проходящие почти параллельно друг другу железную дорогу и шоссе на участке Кричев — Рославль, вдоль которых развивал наступление 24-й моторизованный корпус 2-й танковой группы гитлеровцев.

* * *

Дивизия начала марш вечером 28 июля. Был строгий приказ: соблюдать тишину, огня не зажигать, ничем себя не демаскировать.

Фашисты вели активную разведку местности. Они забрасывали в леса прифронтовой зоны десантников-разведчиков, которые сообщали своему командованию об обнаружении наших войск. Сигналы они подавали осветительными ракетами или по радио. Тай что предосторожности были не лишними.

Уже в первые часы марша наши конники выловили несколько таких «информаторов». А в дальнейшем неоднократно встречались и с разведывательными группами гитлеровцев. Кавалеристы без шума и выстрелов уничтожали их шашками.

Днем мы старались лучше замаскироваться. Противник, контролируя движение к фронту резервных советских частей, вел и непрерывную воздушную разведку. «Рамы» висели в воздухе целыми днями, как ищейки, отслеживая наши войска. И тут же наводили на них свои бомбардировщики. [57] Мы тоже несколько раз подвергались ударам с воздуха, однако благодаря удачной маскировке больших потерь не понесли.

31 июля в целях улучшения маскировки и скрытности передвижения было принято решение разделить полки дивизии на две колонны и продолжать марш уже по разным маршрутам. К тому же и движение двумя меньшими по составу колоннами прибавляло маневренности, облегчало управление. Правда, силы каждой из колонн стали слабее, чем до деления, что в данной обстановке было также опасно.

Левую колонну составляли главные силы дивизии: передовым отрядом шел 67-й

горнокавалерийский полк, затем 17-й горнокавалерийский полк и 22-й конноартиллерийский дивизион, затем штаб дивизии, подразделения обеспечения и обслуживания. Их маршрут проходил через Никулино, Савку, Понятовку, Шумячи, Шибнево, Пожогу.

Правее, через Сенную, Жигаловку, Зверинку, Криволес, Пустосел, пролегал маршрут другой колонны, состоявшей из нашего 112-го полка и 23-го бронетанкового дивизиона.

Оба маршрута, как уже говорилось, пересекали шоссе и железную дорогу в 20–30 километрах западнее Рославля.

Как это часто бывает на войне, в это время случилось то, чего никто из нас не мог предвидеть: в ночь на 1 августа моторизованные части противника прорвали оборону по реке Сож на участке Кричев, Мстиславль и повели стремительное наступление на Рославль. Обстановка вынудила нас форсировать марш: 1 августа без обычной дневки обе колонны дивизии продолжили движение в указанный район. А дневной переход конницы, да еще и без всякого прикрытия от воздействия авиации противника, конечно же дело весьма рискованное. Но нужно было спешить, и мы рискнули. Надеялись проскочить. Однако вездесущие «рамы» выследили нас. И тут же навели на наши колонны бомбардировщиков.

Итак, не успев рассредоточиться, наши части попали под бомбовый удар, яростный пушечный и пулеметный обстрел. Мне потом рассказали, как в левой колонне полковник Я. К. Кулиев первым спрыгнул с коня, схватил ручной пулемет, приспособил его для стрельбы по воздушным целям и открыл огонь по самолетам противника. Это послужило примером и для находившихся рядом с ним кавалеристов: по крестатым бомбардировщикам был открыт дружный залповый огонь из карабинов, остальных ручных пулеметов. И он дал результат: один из «юнкерсов» задымил и резко пошел на снижение... [58]

Вскоре колонны снова продолжили движение в северном направлении. И вдруг часа в три ночи от разведчиков поступили донесения о неожиданно появившемся перед нами противнике. Его моторизованные части шли по шоссе на восток. А южнее шоссе также двигались сильные моторизованные отряды врага, охраняя фланги своих войск.

Наши же колонны к этому времени уже настолько удалились друг от друга, что радиостанции не могли обеспечить между ними связи. Поэтому боевые действия им пришлось вести самостоятельно, не чувствуя локтя друг друга, причем при крайне неблагоприятном для нас соотношении сил. Об этом-то и пойдет речь ниже.

* * *

Левую колонну, как уже говорилось, возглавлял комдив полковник Я. К. Кулиев. Ее боевые действия тогда, 2 августа, довольно подробно изложены в истории дивизии. Кроме того, автор этих строк позднее не раз посещал район боевых действий этой колонны, разговаривал со свидетелями описываемых событий. А дело было так.

Передовой отряд левой колонны (67-й полк) в 5 часов утра 2 августа на подходе к станции Понятовка внезапно встретился с танками и мотопехотой противника. Полк с ходу развернулся и вступил в бой. При поддержке артиллерии 22-го конноартиллерийского дивизиона он вытеснил со станции врага, подбив при этом два его танка. Затем, перейдя через железную дорогу, 67-й горнокавалерийский полк продолжил наступление на

деревню Понятовка, расположенную примерно в 3–5 километрах от одноименной станции. При этом комдив Я. К. Кулиев приказал его командиру майору А. М. Максимова в затяжной бой не вступать, а при возможности обойти эту деревню. Однако откатившиеся от станции гитлеровцы к этому времени уже опомнились и поджидали кавалеристов. На подходе к Понятовке, из соседнего села Зимницы, 67-й полк был встречен плотным орудийным и минометным огнем. Из самой Понятовки на наши подразделения двинулось 12 танков и 6 бронемашин, а со стороны деревни Глушково во фланг — еще 6 броневых машин с десантом пехоты.

Кавалеристам полка пришлось принимать бой. Его успешно начал 22-й конноартиллерийский дивизион, занявший позиции в километре юго-западнее станции Понятовка. Он открыл шквальный огонь по танкам и пехоте противника. В результате 3 танка и 4 бронемашин были уничтожены, остальные развернулись и ушли в Глушково. [59]

Теперь, чтобы расчистить себе путь на север, конникам было необходимо выбить врага из деревни Зимницы. И с этим успешно справился 2-й эскадрон 17-го полка. При поддержке артиллерии он стремительной атакой вышвырнул из села пехоту врага, разгромив при этом его минометную батарею.

Первые успехи радовали. Но обстановка продолжала ухудшаться. Ибо со стороны Кричева, поднимая густую пыль, на колонну уже двигались новые фашистские танки и мотопехота. Усилился артиллерийский и минометный огонь.

В это время к полковнику Я. К. Кулиеву прибыл командир 45-го стрелкового корпуса 13-й армии Э. Я. Магон. Он сообщил, что группа войск 28-й армии, на соединение с которой и пробивалась наша 21-я дивизия, 1 августа развернула наступление из района Рославля на Смоленск, навстречу прорвавшемуся противнику. Но против трех дивизий этой группы враг бросил сразу два армейских и один моторизованный корпус — всего девять дивизий. Противнику удалось выйти в район Рославля, в тыл советским войскам. Таким образом, обескровленные соединения 28-й армии находятся сейчас в окружении.

От имени Военного совета 13-й армии Э. Я. Магон поставил задачу 21-й дивизии: с боями оттягивать на себя противника, прорвавшегося со стороны Кричева, не дать ему ворваться в Рославль и этим хотя бы в какой-то степени облегчить положение группы войск из 28-й армии.

Тем временем враг, видимо, решил поскорее расправиться с упорно оборонявшимися конниками нашей дивизии и вызвал себе на помощь авиацию. В полдень на кавалеристов снова обрушились фашистские самолеты. «Юнкерсы» вываливали из своего чрева десятки бомб, разрывы которых сливались в сплошной грохот. Их дополняла неистовая штурмовка «мессершмиттов», поливавших наши позиции огнем пушек и пулеметов.

Затем опять одна за другой начались яростные атаки вражеской пехоты и танков. В течение дня противник предпринял шесть таких атак, но все они были отбиты. Попытка же врага обойти кавалеристов с флангов тоже провалилась: наткнувшись на плотный огонь, гитлеровская пехота откатилась, а танки попали в болото и увязли в зыбкой трясине.

Однако и наши конники не имели свободы маневра, так как справа и слева от них лежали непроходимые болота. Оказавшись как бы в тисках, они вынуждены были вести [60] бой в крайне невыгодных для себя условиях, неся при этом большие потери от артиллерийского

и минометного огня противника.

Вечером 2 августа, оценив сложившуюся обстановку, командир дивизии отдал приказ на выход из боя. Поэскадронно, под прикрытием огня своей артиллерии полки начали отход на юг, за линию железной дороги, сосредоточившись затем в районе Новый Стан, Зубова Буда.

В итоге этого боя, который длился 14 часов, воинами левой колонны было уничтожено 25 вражеских танков, до двух батальонов пехоты, 8 бронетранспортеров, 3 минометные батареи. Наши потери тоже были весьма ощутимыми. Мы потеряли около 400 человек убитыми и ранеными, смертью храбрых пали командир 67-го полка майор А. М. Максимов и командир 22-го артиллерийского дивизиона майор М. Ф. Воронцов{1}.

Однако, несмотря на потери, этот бой в целом был для воинов левой колонны успешным. Ведь они почти на сутки задержали на этом направлении продвижение вражеских войск.

* * *

К исходу 2 августа, немного приведя себя в порядок, полки левой колонны дивизии вновь выступили на ночной марш все с той же задачей — пересечь линию железной дороги и шоссе для действий в тылу рославльской группировки войск противника. В течение последующих 4–5 дней командование 13-й армии, пытаясь ввести эти полки в тыл врага, бросало их на разные направления, чтобы отыскать слабые места в обороне гитлеровцев. И кавалеристам то и дело приходилось вступать в жаркие схватки с противником. Так, на рассвете 3 августа головной отряд 17-го полка на подступах к деревне Зверинка был встречен сильным огнем врага. Конноартиллерийский дивизион и артиллерия 67-го, полка быстро развернулись у деревни Савочкин Полом и открыли беглый огонь по противнику, засевшему в Зверинке. После артиллерийской подготовки 17-й полк решительной атакой выбил противника из этой деревни.

Однако тут же на боевые порядки 17-го кавполка обрушился огонь фашистов из района Криволес, а затем на него двинулось до тридцати вражеских танков и до батальона пехоты. Кавалеристы отбили атаку. Но враг не успокоился. [61]

Имея на этом направлении значительное превосходство, фашисты подтянули к Зверинке еще больше танков и мотопехоты. И тогда, реально оценив сложившуюся обстановку, командир дивизии решил вывести из боя 17-й полк. Он и другие части колонны отошли в район Краснозаборья. Здесь они получили несколько часов передышки.

В ночь на 4 августа командующий 13-й армией поставил левой колонне нашей дивизии новую задачу: дневным маршем выйти к Милославичам и уже там, западнее, прорываться через шоссе Кричев — Рославль. Командование предполагало, что оперативная плотность вражеских войск дальше от Рославля окажется меньшей, следовательно, будет легче осуществить прорыв. Войдя же в него, колонна дивизии должна будет действовать в районе Новых Дедин (54 километра западнее Рославля) и по-прежнему пытаться соединиться с группой войск 28-й армии.

Колонна выступила на рассвете. В указанный район она вышла к вечеру 5 августа. Здесь получила уточненную задачу: дожидаться прорыва обороны противника соединениями 45-го корпуса на рубеже Сельцо, Киселева Буда, войти в него и действовать затем уже в тылу врага.

Непосредственно прорывать оборону противника должна была входящая в состав 45-го корпуса 132-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор С. С. Бирюзов. Общее руководство действиями возлагалось на командира корпуса Э. Я. Магона.

Прорыв обороны врага 132-я стрелковая дивизия должна была осуществить 8 августа. И выдержала заданные ей сроки. Но... получилась досадная накладка. Дело в том, что начальник штаба этой дивизии, не имевший, как выяснилось позже, точных разведывательных данных о противнике и даже не совсем отчетливо представлявший себе ход боевых действий своего соединения, поспешил доложить члену Военного совета армии о том, что оборона врага прорвана и путь для кавалеристов свободен.

Командир корпуса Э. Я. Магон тут же приказал полковнику Я. К. Кулиеву вводить полки дивизии в прорыв. И вот ранним солнечным утром в конном строю по три всадника в ряд полевым галопом конники 17-го полка первыми двинулись вперед. И вдруг с фронты и с флангов на них обрушилась лавина артиллерийского и минометного огня. Не ожидавшие этого кавалеристы спешили, начали отход в исходное положение. Развернулся было для атаки и 67-й полк, которым после гибели А. М. Максимова командовал старший политрук П. Г. Сесин. Но Кулиев приказал Сесину [62] не идти напролом, а ударить по врагу обходом слева и выручить попавший в беду 17-й полк.

В этот момент из-за леса вынырнули еще и вражеские самолеты. Посыпались бомбы. Испуганные кони носились между фонтанами взрывов, топча раненых, сами погибая от пуль и осколков...

Короче говоря, части левой колонны нашей дивизии, особенно 17-й полк, понесли в этот день тяжелые потери. Оборона врага прорвана не была.

Больше того, со стороны шоссе Кричев — Рославль на юг в это время двинулись бронированные армады 24-го моторизованного корпуса врага и его 7-й армейский корпус. Их задачей было выйти в район Унеча, Почеп, Новгород-Северский, 7 августа противник прорвал здесь оборону наших частей, а на другой день в этот прорыв хлынули его главные силы.

Стальным клином врубались они и в нашу оборону, вскоре отрезав полки левой колонны дивизии и части 45-го стрелкового корпуса от главных сил 13-й армии. Они оказались в окружении.

В этой обстановке полки 21-й кавдивизии и части 45-го стрелкового корпуса стали отходить в направлении Родня, Костюковичи, надеясь здесь пробиться из окружения. Передовым отрядом пошел 67-й кавполк и две батареи 22-го артиллерийского дивизиона. 17-й кавалерийский полк с третьей батареей артдивизиона прикрывал отход частей 45-го стрелкового корпуса.

9 августа к 16 часам двум эскадронам 67-го кавполка удалось прорвать оборону противника и войти в деревню Лытковка. Но их тут же атаковали танки и пехота противника, и эскадронам пришлось отойти на запад, к деревне Гусарка. Остальные части, для которых передовой отряд в общем-то и прокладывал дорогу, за ним пробиться не смогли.

И тогда для повторного прорыва вражеской обороны был создан передовой отряд под командованием начальника оперативного отделения штаба дивизии майора Д. С. Польского. В его состав вошли сабельный эскадрон 67-го кавполка, комендантский

эскадрон штаба дивизии, 13-й эскадрон связи и 14-й саперный эскадрон. Отряду было приказано прорывать кольцо окружения в юго-западном направлении.

При поддержке артиллерии отряд Д. С. Польского в конном строю стремительно атаковал противника у деревни Титовка, прорвал здесь его оборону и вышел к Дубравке. Но... повторилось уже знакомое: отряд майора Д. С. Польского сам [63] попал в окружение. Позднее, пробиваясь с боями к югу, он все-таки вырвался из окружения в районе города Хотимск.

* * *

В ночь на 10 августа решили пробиваться из окружения и остальные части колонны дивизии и корпуса. Густой лес и ночь надежно скрывали их приготовления от противника, который, заняв деревню Титовка, расположился там на ночлег.

Дружная атака стрелков и конников застала гитлеровцев врасплох. Преграждавшие советским воинам дорогу танки были расстреляны в упор выкаченными из леса орудиями. Наши части захватили Титовку и, не задерживаясь в ней, двинулись дальше. Правда, за деревней они попали под сильный артиллерийский и танковый огонь врага, понесли потери, но все же успешно вырвались из кольца.

Однако вырвались не все. Те части и подразделения, что прикрывали выход 45-го стрелкового корпуса, несколько замешкались. А фашисты, быстро подтянув свежие силы, закрыли образовавшуюся брешь в кольце окружения. Наши воины, в числе которых оказался и комдив полковник Я. К. Кулиев, перешли к жесткой круговой обороне.

Вскоре командир дивизии решил предпринять еще одну попытку вырваться из огненного кольца. Из подразделений 67-го кавполка, усиленных артиллерией, был создан отряд прорыва. Возглавил его старший политрук П. Г. Сесин. Ответственность за вывод главных сил окруженной группы была возложена на подполковника С. Д. Подольского. Сам Я. К. Кулиев остался с группой прикрытия.

Отряду П. Г. Сесина удалось пробить лишь небольшую брешь в обороне противника, в которую успели выскользнуть только несколько подразделений. А потом враг снова сомкнул кольцо окружения.

Кулиев видел, что враг намного превосходит оставшуюся с ним группу в силах. К тому же у наших бойцов почти совсем иссякли боеприпасы. Продолжать бой скоро будет нечем. И тогда он принял решение: выходить из окружения мелкими группами, в темное время суток, просачиваясь через боевые порядки врага. Так и начали поступать. Группы выходили из вражеского кольца окружения всю вторую половину августа, держа направление на город Сураж, к своим дивизионным тылам.

Здесь следует сказать, что в последних боях в районе деревень Лытковка, Гусарка и Гусарского леса многие наши бойцы и командиры были ранены. А в создавшихся условиях [64] их было совершенно невозможно переправить через линию фронта. Поэтому пришлось оставить многих раненых на излечение у местных жителей. В их числе был и начальник штаба дивизии полковник А. И. Юрьев.

Забегая вперед, скажу, что подавляющее большинство из них, выздоровев, сумели затем перейти через линию фронта к своим и продолжить борьбу с врагом. Но некоторые, в том числе и полковник А. И. Юрьев, умерли от тяжелых ран...

Из августовских боев части дивизии, входившие в левую колонну, вырвались ослабленными, с большими потерями. Однако боевой дух наших бойцов не был сломлен. Больше того, они понимали, что своими активными действиями оттянули на себя внушительные силы врага — целый моторизованный корпус, ряд других отборных частей. И этой силе они противостояли почти двадцать суток.

Геройски проявили себя в этих боях старший политрук П. Г. Сесин, подполковник С. Д. Подольский, майоры Д. С. Польский и А. М. Максимов, многие другие командиры и бойцы.

Но особо отличился красноармеец 67-го кавполка Г. В. Джапаридзе. Когда во время одного из боев погиб весь знаменный взвод, он бросился спасать святыню соединения. Отделив знамя от древка, Джапаридзе обмотал шелковое полотнище вокруг себя, а затем нес его более 200 километров по тылам врага. Выйдя к своим, разыскал дивизию и вручил спасенное Боевое Знамя полковнику Я. К. Кулиеву. За этот подвиг Георгий Васильевич Джапаридзе был награжден орденом Красной Звезды.

Немало и других подвигов совершили наши славные конники. Они героически завершили первый этап боевых действий левой колонны 21-й кавдивизии.

* * *

А вот как развивались в те же дни боевые действия правой колонны нашей дивизии. Я уже говорил, что в нее вошли наш 112-й кавполк и 23-й бронетанковый дивизион. 2 августа к 4 часам утра мы вышли к деревне Криволес, с юга ее прикрывало несколько высот, пологие скаты которых заросли густым лесом. Это для нас было хорошо: мы не были видны со стороны, а нам открывался прекрасный обзор.

С запада на восток через центр деревни тянулась серая лента шоссе. Вокруг раскинулись широкие поля, подернутые предутренним туманом. [65]

Даже отсюда было видно, что на шоссе и во дворах много машин и повозок. Неужели гитлеровцы уже здесь?

Высланные вперед разведчики возвратились довольно скоро, все мокрые от обильной росы.

— Ну что? Кто там, в деревне? — спросил я.

— Немцы, товарищ капитан.

— Хорошо смотрели?

— И сами видели, и местные жители говорят.

— Что это за люди?

— Да жители же местные, — вытирая pilotкой мокрое лицо, устало повторил разведчик.
— Вчера вечером немцы в деревню вошли и всех повыгоняли из домов. Так они теперь в лесу скрываются. А фашистов в селе много, техники всякой тоже. Ночью-то, гады, караулов понавыставляли, ракеты пускали, ну а сейчас спать залегли. Вот бы им, товарищ

капитан, побудку устроить!

С этим и я был вполне согласен. Расспросив разведчиков подробнее о количестве техники и расположении врага, доложил все это командиру полка. И мы стали готовиться к бою.

Полковая артиллерия и пулеметный эскадрон были развернуты прямо на скатах высот, обращенных к деревне. На флангах сторожевыми заставами перехватили дороги. Полк в конном строю развернулся для атаки. Впереди — танки и бронемашины 23-го дивизиона.

Все команды в период подготовки к бою передавались через связных, радио не использовали, чтобы не засек противник.

И вот ударили наши пушки, начался огневой налет. Отчетливо вижу, как снаряды рвутся в самом центре деревни, там, где, было наибольшее скопление вражеской техники. Потом на мгновение все стихло. И в утренней тишине громко прозвучал сигнал боевой трубы. Над рядами конников покатались звонкие команды эскадронных:

— Шашки к бою! Слуша-ай! За Родину, в атаку — марш!

Засверкали шашки, эскадроны ринулись в атаку. Раздалось дружное «ура». На флангах эскадронов шли машины бронетанкового дивизиона и вели непрерывный огонь.

Внезапный удар ошеломил противника. Фашисты в панике выскакивали из домов. Большинство — в нижнем белье. Ведя беспорядочный огонь из автоматов, они бросились к западной околице, где к деревне ближе всего подступал лес.

И вот мы уже в Криволесе. Танки опрокидывали машины, давили повозки. Вспыхнули пожары. Все это еще больше [66] усиливало смятение врага. Сквозь грохот разрывов слышны были крики людей, ржание лошадей, звон шашек.

— Казаки! Казаки! — вопили насмерть перепуганные гитлеровцы.

— Ура-а! Руби гадов! — слышались возгласы наших конников, лихо налетавших на врагов.

Не утерпел и я. Вскочил на своего коня, выхватил шашку. За мной поскакали штабные командиры. На полном карьере мы ворвались в деревню и тоже вступили в бой.

К 5 часам утра деревня Криволес была полностью очищена от противника. Хорошо проявили себя в этом бою эскадрон лейтенанта П. И. Карпушина и 23-й бронетанковый дивизион капитана Т. Е. Волосожара, да и остальные воины действовали смело и решительно.

Конечный пункт нашего маршрута — деревня Пустосел находилась всего в 3 километрах северо-западнее деревни Криволес. Поэтому мы, не задерживаясь в освобожденном селе, двинулись дальше.

Но на подступах к Пустоселу нас встретило уже организованное сопротивление противника. По-видимому, гитлеровцы услышали звуки близкого боя, поэтому были, как говорится, во всеоружии. Едва завидев наш передовой отряд, они открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Однако полк, еще полный боевого азарта, с ходу атаковал противника. Но здесь уже не было фактора внезапности, да и по численности

враг имел очень большое превосходство. Поэтому атака наша успеха не имела. Пришлось ее прекратить, спешить бойцов и укрыть коней в лесистых лощинах.

Вскоре командир полка приказал вызвать к нему на КП командиров подразделений. И в их присутствии заслушал от разведчиков сведения о противнике.

— Силы здесь у врага немалые, — докладывал разведчик. — По пехоте и танкам он, по предварительным данным, превосходит нас в три-четыре раза. Артиллерии у гитлеровцев два дивизиона. Правда, в инженерном отношении их позиции еще не оборудованы, не успели как следует окопаться.

— Это уже хорошо. Легче будет выбить их отсюда, — вставил эскадронный Т. Ф. Логачев.

— А как у нас со снарядами? — спросил командир полка.

— Не густо, — ответил начальник артиллерии. — Подвозить, сами знаете, неоткуда, а фашисты перед нами не последние. [67]

— Ну что же, все ясно. Будем действовать. Задача у нас была — выйти в этот район. Мы ее выполнили. Правда, гитлеровцы нас все же опередили. Но... конечный пункт маршрута тоже должен быть нашим!

Итак, решение на бой было принято, задачи подразделениям поставлены. Оставалось ждать, выражаясь военным языком, времени «Ч».

* * *

Повторная атака началась после пятиминутного огневого налета. Орудия и пулеметы дружно били по плохо замаскированным артиллерийским позициям врага. Огневые точки в основном удалось подавить. И тут эскадроны снова ринулись вперед. Достигли вражеских позиций. Началась рубка. А наши танки тем временем утюжили окопы врага.

Фашисты успели вызвать на помощь авиацию. Однако девятка «юнкерсов», покружив над позициями, не решилась сбросить бомбы, так как немцы не смогли обозначить летчикам свой передний край — всюду шли жаркие схватки.

К середине дня бой достиг наивысшего ожесточения. Наконец гитлеровцы не выдержали и начали отходить к лесу. В этот-то момент и был введен в бой второй эшелон полка — 3-й эскадрон под командованием капитана А. Е. Мануиленко. В конном строю он стал преследовать противника, тесня его к лесу.

Итак, деревня Пустосел была освобождена. Полк выполнил свою задачу. Но в 8–12 километрах к северу находились деревни Пожегово и Шибнево — конечные пункты маршрута главных сил дивизии. Вот бы выбить гитлеровцев и оттуда...

Задумано — сделано... Разгромили небольшие гарнизоны гитлеровцев и в этих населенных пунктах. Но где же левая колонна дивизии? Да и представителя от 28-й армии до сих пор нет. Неужели случилась какая-то неувязка?

Противник тем временем конечно же не дремал. Вскоре мои размышления прервал лейтенант С. Берозашвили. Подошел, доложил:

— Товарищ капитан! С запада на дороге пыли много. Не иначе как танки врага подходят.

Я поднес к глазам бинокль. Так и есть, танки! Целая колонна! Да еще мотопехота.

Доложил командиру полка. Тот приказал срочно собрать эскадронных. И когда те подбежали, спросил, кивнув на клубы пыли:

— Видите? Что делать будем? Танков там немало. [68]

— Снаряды пока еще есть, будем драться, — первым ответил командир 23-го бронетанкового дивизиона капитан Т. Е. Волосожар. — Ну а потом... Таранить будем, но не пропустим!

Фашисты открыли огонь еще издали. Снаряды ложились пока с большим недолетом. Затем разрывы стали постепенно приближаться. Бойцы, укрыв лошадей в густом лесу, залегли, приготовились к бою. Танки и бронемашины мы замаскировали в кустарнике. Решили экономить снаряды, бить только наверняка.

А враг тем временем рассредоточился, шел на нас с разных направлений, плотно охватывая район сосредоточения полка.

Принимать бой в отрыве от своих войск, без всякой помощи и поддержки соседа вообще тяжело. А тут мы начали его, считай, в окружении, при многократном превосходстве противника. А это во сто крат тяжелей.

Командир полка был где-то впереди, поэтому я сам вызвал начальника разведки. Сказал ему:

— Вот что, разведка. Долго нам тут, пожалуй, не продержаться. Поэтому, пока мы бьем немца, ты давай поищи-ка лазейку, куда можно будет отойти, если совсем уж туго придется.

— Людей у меня маловато, — ответил тот. — А надо бы сразу в нескольких местах пощупать...

— Возьми из комендантского взвода и действуй, — приказал я.

А наши бойцы уже отражали атаки вражеских танков и пехоты. Иногда фашисты прорывались к окопам конников, и тогда там завязывались ожесточенные рукопашные схватки.

Особенно в этот день отличились бойцы 2-го эскадрона старшего лейтенанта Т. Ф. Логачева. Кстати, они во всем равнялись на своего командира, смелого и мужественного человека, еще до войны награжденного орденом Красного Знамени. Логачев всегда показывал личный пример в бою. Вот и сегодня его конники неоднократно ходили за ним в штыковую атаку и всякий раз отбрасывали противника. А когда на эскадрон вышло несколько танков врага, Т. Ф. Логачев приказал группе бойцов по ложине обойти их с фланга и уничтожить. Те проползли в густом кустарнике несколько десятков метров, а когда поравнялись с танками, сначала пулеметным огнем отсекали от них пехоту, а затем закидали броневые машины гранатами и бутылками с горючей смесью. [69]

Образец мужества продемонстрировал в этом бою и командир взвода 23-го дивизиона младший лейтенант Анатолий Норкин. В нужный момент он всегда оказывался на своем «бронике» в самом трудном месте, помогая кавалеристам пулеметным огнем отгонять врага. Фашисты вскоре начали буквально охотиться за его бронемашинной. Но Норкин, умело маневрируя, всякий раз избегал попаданий вражеских снарядов. Больше того, когда в бою пали расчеты двух наших орудий, Норкин вместе с секретарем партбюро полка политруком С. А. Медведским под ураганным огнем прицепил к своей бронемашине и вывез с поля боя обе эти пушки, которые затем очень намгодились.

* * *

Тем временем уже стало смеркаться. А бой не прекращался. Район, занимаемый нами, сузился до того, что простреливался насквозь даже минометным огнем врага. Силы наши таяли, а на какую-либо помощь рассчитывать не приходилось.

Подошел начальник разведки полка. Я спросил его:

— Ну что, нашли лазейку? Как стемнеет, пора бы и уходить.

— Нашли, товарищ капитан. На восток идти надо. Там болот больше, а немцев не так много.

Посоветовавшись с командиром полка, решили прорываться на восток, в направлении деревни Астаповичи, что находилась всего в 15 километрах от Рославля. Здесь мы еще надеялись соединиться с 28-й армией. Не знали, что ее там уже нет. Лишь позднее нам стало известно, что, начав 1 августа наступление на Смоленск, она была окружена гитлеровцами севернее Рославля и вела там тяжелые бои.

На землю опускалась ночь. И мы, собрав все наши оставшиеся силы, стали готовиться к прорыву.

А сил было не так уж и много. За день боя мы потеряли до 200 человек убитыми и ранеными, пять станковых пулеметов, два 76-мм и одно 45-мм орудие, один танк и 100 лошадей. Правда, уничтожили при этом 400 фашистских солдат и офицеров, минометную и артиллерийскую батареи, пять танков и шесть бронемашин{2}.

Для осуществления прорыва решили создать три группы. В первую вошли 1-й и 2-й эскадроны (без одного взвода), 23-й бронетанковый дивизион (без двух взводов бронемашин), взвод станковых пулеметов (четыре «максима») и остатки [70] артиллерии полка. Эта группа должна была прорвать кольцо окружения и далее идти передовым отрядом. Возглавил ее сам командир кавполка майор В. И. Трубников.

Вторая группа — 4-й эскадрон, два станковых пулемета, полуэскадрон связи, взвод химической разведки, комендантский взвод, взвод бронемашин из 23-го дивизиона — имела задачу прикрыть выход полка с левого фланга, а после прорыва следовать по маршруту передового отряда. Командование этой группой было возложено на меня.

Третья группа — один сабельный взвод из 2-го эскадрона, саперный взвод, один станковый пулемет, одна 45-мм противотанковая пушка, взвод бронемашин из 23-го дивизиона — под командованием капитана Г. Д. Горелого прикрывала с тыла выход из окружения главных сил полка, после чего должна была идти по маршруту первой и второй групп.

Итак, всем были поставлены задачи, организовано взаимодействие. Вроде бы все предусмотрено.

После короткого огневого налета группа прорыва под командованием майора В. И. Трубникова атаковала противника в направлении Роговских хуторов и продвинулась на восток где-то на километр. Но тут фашисты открыли по ней сильный огонь. Они били из пушек и из танков. Правда, неприцельно, по площадям. Но так как севернее маршрута группы были непроходимые болота, то она, не имея свободы маневра, понесла большие потери. К тому же в темноте, в густом, местами заболоченном лесу орудия и пулеметы у нее отстали, и конники, не имея огневой поддержки, спешили и залегли.

С момента начала атаки группы прорыва меня не оставляло чувство тревоги за нее. Как будто кто-то мне подсказывал, что там не все ладно. Поэтому я направил туда командира взвода разведки. Вскоре тот прискакал обратно очень встревоженный. Доложил:

— Товарищ капитан! Помогать надо ребятам. Лежат они там на краю болота и из винтовок отстреливаются. Так от группы скоро ничего не останется.

Воспользовавшись темнотой, мы скрытно оторвались от противника и поспешили туда, где находилась группа прорыва. Ко времени нашего подхода бой здесь уже почти стих. Гитлеровцы, видимо, поняли, что силы перед ними слабые, особенно им не угрожают, поэтому решили отложить окончательное их уничтожение до утра. Что ж, нам это на руку.

Командира полка и комиссара среди живых не оказалось. Где они, что с ними? Убиты? Утонули в болоте? Это [71] и не мудрено в такой темноте. Все же послал на их поиск разведчиков. А сам тем временем взял командование обеими группами на себя.

Вернулись разведчики. Одни, без командира и комиссара.

— Не нашли, товарищ капитан! — доложил взводный. — Да и где найдешь? Тут такое творится... Видимо, накрыло их снарядом. Они ведь рядом все время были...

Все удрученно молчали.

Но нужно действовать, нельзя терять времени. А то скоро рассветет, и тогда...

Где-то в час ночи 3 августа, сняв полевое охранение противника, главные силы полка продвинулись на восток еще на 4–5 километров. Но тут гитлеровцы встревожились, начали интенсивно освещать ракетами местность, открыли беспорядочный огонь с окраин ближайших населенных пунктов. И тогда я круто повернул полк на юг.

Почему на юг? Да, первоначально мы шли на восток, полагая, что 28-я армия отошла ближе к Рославлю и ведет там оборонительные бои. Но обстановка подсказывала другое: чем дальше мы продвигались на восток, тем встречали все большее сопротивление врага. Поэтому, желая сохранить хотя бы остатки полка, я и приказал повернуть к югу, чтобы выйти в район действия 13-й армии, которая оборонялась южнее коммуникации Кричев — Рославль. Думалось, что может быть там удастся соединиться с левой колонной дивизии...

Итак, мы двинулись на юг, в направлении станции Кисловка, в расчете пересечь здесь шоссе и железную дорогу и выйти в район Ершичи. Третья группа по-прежнему

прикрывала отход главных сил полка. Она осталась севернее шоссе и вела там затяжной бой. Ну а потом... 5 и 6 августа кавалеристы из ее состава начали мелкими группами просачиваться через боевые порядки противника и выходить к нам. Окончательно эта группа присоединилась к полку уже в районе города Хотимск.

А теперь снова о тех группах, которые вел я.

Стояла глубокая ночь. Лес был полон таинственности. Меж кронами деревьев кое-где проникал лунный свет, ложась серебристыми пятнами на росистую листву. Я стоял на обочине лесной дороги и смотрел, как мимо меня проходили подразделения. Коня неслышно ступали по толстому, мягкому ковру из мха. Смертельно уставшие бойцы дремали прямо в седлах.

На рассвете подошли к шоссе Кричев — Рославль. Еще [72] вчера мы пересекали его с юга на север, а вот теперь надо было пройти в обратном направлении. Я знал, что теперь это сделать будет гораздо труднее. За сутки обстановка существенно изменилась, вражеские части продвинулись чуть ли не до самого Рославля.

Да, днем через шоссе нам наверняка не прорваться. Значит, нужно ждать темноты. Ночью гитлеровцы выставляют лишь караулы да ракетчиков, да и те к утру обычно теряют бдительность. И вот тогда...

Разведка доложила, что к северу от шоссе противника нет. Да к тому же и местность здесь покрыта густым ольховником, так что к шоссе можно подойти незаметно.

Подошли. Прикинули, что и как будет при атаке на шоссе. Уцелевшие восемь пулеметов и две пушки должны будут своим огнем с флангов поддержать ее. Впереди пойдут оставшиеся несколько броневинов и танков 23-го дивизиона.

Однако уже ночью, подойдя к шоссе вплотную, мы увидели на нем массу вражеской техники — танков, автомобилей, пушек. Как, наверно, ехали вечером колонной, так и остановились на ночевку. Что же делать? Искать другой участок для прорыва? Но на это уйдет много времени. Может быть, все же рискнуть здесь? Тем более что фашисты спят...

Решился. Даю негромко команду. Без единого выстрела подразделения ринулись к шоссе. Стремительно просочились в промежутках между вражескими машинами на другую сторону.

Гитлеровцы все-таки проснулись. Вначале растерянно заметались, затем пришли в себя, открыли нам вслед сильный огонь.

— Скорее, скорее! — тороплю я бойцов.

И вдруг моя левая нога будто онемела. Затем резанула пронзительная боль. В сапоге стало мокро. Значит, ранен.

Но остановиться, чтобы перевязать рану, нельзя. Скорее, скорее в спасительную мглу ночи, в недалекий (это я знаю!) от шоссе лес!

Наконец вот они, лесные пущи. Теперь — в глубь их. Гитлеровцы, начавшие было преследовать нас, кажется, отстали, не рискнули углубляться в ночной лес. Это уже хорошо. Можно несколько передохнуть, подсчитать потери.

А они, к сожалению, были. Подбито несколько наших танков и броневи́ков, ранено и убито несколько десятков бойцов и командиров, мы потеряли немало коней. Но все-таки прорвались! [73]

Горестно было узнать о гибели всеобщего любимца командира 1-го эскадрона лейтенанта П. И. Карпушина. Это был смелый конник, лихой рубака и отличный стрелок. Его виртуозная джигитовка всегда вызывала у всех нас восхищение и добрую зависть. Да и человеком он был веселым, жизнерадостным, общительным. И вот его нет...

* * *

Втянувшись в лес, полк двумя походными колоннами двинулся по лесным просекам все дальше на юг. А я несколько задержался: старший врач полка Вильчевский наскоро перевязал мне раненую ногу. И — снова в седло.

Тем временем взошло солнце. Оно не было еще золотистым, а каким-то ярко-красным, будто налитым алой кровью. Вскоре его лучи начали просвечивать лес насквозь, и на широкой просеке, покрытой выгоревшей травой, стали видны крупные ягоды поздней земляники. И мне показалось, что нет, это не ягоды, это все капли крови моих боевых друзей.

Тряхнул головой, отгоняя навязчивое видение. Пришпорил коня, догнал колонну, занял место в ее середине. Стал думать, как же нам побыстрее выбраться из этого леса. А потом... Кто там, впереди? Свои или опять враг?

Наконец передовые отряды обеих колонн вышли к южной опушке леса. И... наскочили на сторожевые заслоны противника. Правда, они не ждали нас с этой стороны, с тыла, они, напротив, охраняли свои войска от наших действий с юга.

Но как бы там ни было, нужно принимать бой. И мы ринулись на эти заслоны. Довольно легко смяли их. И снова вперед.

К исходу дня 5 августа мы вышли в район города Ершичи. И здесь в лесу встретили генерал-полковника О. И. Городовикова в сопровождении группы командиров из штаба инспекции кавалерии. Оказалось, что здесь они принимают выходящие из вражеского окружения кавалерийские части и формируют из них новую группу для последующих действий по тылам противника.

Я подъехал к генералу О. И. Городовикову, отрапортовал.

— Всех своих вывел, капитан? — спросил он у меня. — А где командир полка?

— Не всех, товарищ генерал, — ответил я. — Отряд прикрытия остался севернее шоссе. Командир и комиссар тоже пока еще не вышли. Если они живы, конечно... [74]

— Ну ладно, докладывайте, что сумели сделать?

Я рассказал, что полк вместе с приданным ему усилением, следуя заданным маршрутом и ведя бои с врагом, выполнил свою задачу. И даже задачу всей дивизии, овладев указанным ей районом. Однако, не обнаружив там ни главных сил дивизии, ни представителей из 28-й армии, к тому же опасаясь попасть в окружение ввиду резко

изменившейся обстановки, вынужден был оставить занятый район и идти на соединение со своими войсками.

— Что ж, правильно сделали, — кивнул Городовиков.

Ока Иванович расспросил о потерях, о поведении конников в бою, поинтересовался обеспеченностью полка боеприпасами и продовольствием, поблагодарил личный состав за мужество и смелость. Затем приказал дать личному составу трехчасовой отдых. А потом готовиться к новым боевым делам.

А дела эти были такими. Вначале штаб 13-й армии приказал полку прикрыть отход тылов нашей 21-й кавалерийской, 121-й и 132-й стрелковых дивизий. С этой задачей мы справились. Затем некоторое время стояли в обороне у населенного пункта Хотимча, запирая здесь узел шоссейных дорог. Однако командующий 13-й армией вскоре приказал нам передать оборону подошедшим сюда стрелковым частям и поставил полку новую задачу: оборонять Хотимск.

* * *

Оборона... За первые августовские дни мы уже получили некоторую фронтовую практику организации и проведения наступательных боев, атак в конном и пешем строю, осуществления гибкой и подвижной обороны в период прикрытия других частей при их вынужденном отходе. А вот теперь нам предстояло занять жесткую оборону пусть и маленького, но все же города. Подобного опыта мы еще не имели. Да и вообще надо отметить, что до Великой Отечественной войны считалось, что оборона не функция кавалерии, а потому к ней нас серьезно и не готовили. И вот теперь все это нужно было постигать в огне.

КП нашего полка расположился в здании горкома партии. Я тут же связался с руководящими партийными и советскими работниками города и района. Провели совместное совещание, на котором договорились о единых действиях. Было решено занять круговую оборону города, в основе которой иметь две позиции. Первая проходила по западной окраине города. Впереди нее и на флангах, на удалении 1,5–2 километра, — рубежи боевого охранения. Вторая позиция [75] готовилась на скатах высот за восточной окраиной, Соответственно такому начертанию обороны был принят и боевой порядок полка: два эшелона и резерв.

Максимальное внимание уделили инженерному оборудованию позиций: рытью окопов полного профиля, стрелковых ячеек для стрельбы стоя, которые были соединены между собой ходами сообщения. Создали противопехотные и противотанковые минные поля, а перед передним краем обороны по всей ее линии поставили проволоочные заграждения. Мост через реку Беседь подготовили к подрыву в критический момент.

Все вроде бы предусмотрели. Однако вскоре выявились и просчеты: не догадались соединить ходами сообщения взводные опорные пункты, создать ротные опорные пункты. А время-то не ждет. И тут на помощь пришли местные жители: под руководством наших инструкторов горожане в кратчайший срок возвели и опорные пункты, и ходы сообщения.

К 12 августа оборона была в основном готова. Протяженность ее по фронту составляла без малого 5 километров. Правда, плотность обороны была невысокой. А вот усилить ее, забаррикадивав к тому же и улицы города, мы не решились. Побоялись упреков своего командования по поводу небрежного, дескать, отношения к архитектуре города. А жаль.

Да, нам было жаль портить вид этого старинного русского города. Мы еще не привыкли к жестокости и беспощадности войны. И хотя из речи И. В. Сталина от 3 июля 1941 года мы знали, что во имя победы необходимо жертвовать всем, что сможет ее обеспечить, отказаться от привычек мирного времени еще не успели.

Как при организации обороны, так и в последующих боях по защите города нам существенную помощь оказывал местный партизанский отряд под командованием секретаря Хотимского районного комитета ВКП(б) Андрея Купреевича Леоненко. Как сейчас вижу его: высокий, стройный, с суровым, волевым взглядом. В бою вел себя стойко и мужественно, как и подобает коммунисту. Решения принимал глубоко продуманные, грамотные в военном отношении. Его все очень любили, понимали с полуслова.

А теперь о наших соседях по обороне. Справа действовали 52-я кавалерийская дивизия полковника Н. П. Якунина и 50-я танковая дивизия полковника Б. С. Бахарева. Правда, эти соединения находились в районе Малаховки и Разрытого, что в 20 километрах северо-восточнее Хотимска. [76] И все же это соседство, хотя и не близкое, подбадривало нас. Глядишь, в критическую минуту и поддержат нас хотя бы частью своих сил.

До 13 августа полк вел в основном активную разведку да вступал в короткие стычки с разведподразделениями из 24-го моторизованного корпуса противника. Но и в этих стычках мы уничтожили до 100 фашистских солдат и офицеров, два бронетранспортера и одну танкетку.

Тем временем обстановка перед городом складывалась совсем не так, как нам хотелось бы. 13 августа 52-я кавдивизия была переброшена в новый район, и оборону Разрытого, Хотимска, Боханы общей протяженностью по фронту до 30 километров возложили на наш 112-й кавалерийский полк и 50-ю танковую дивизию. Но в такой полосе наш полк вместе с танковой дивизией, измотанной в предыдущих жестоких боях и сведенной в один небольшой отряд (десять танков и столько же бронемашин), не могли создать необходимой плотности обороны. Поэтому она и была организована узлами, на важнейших направлениях. А главные силы выведены в резерв с таким расчетом, чтобы в ходе боя можно было бы усилить эти направления.

* * *

В течение 14 и с утра 15 августа полк вместе с танкистами 50-й дивизии вел бои с вражеской мотопехотой и танками, пытавшимися боем разведать нашу оборону. Днем 15 августа противник уже значительными силами повел наступление с целью обойти Хотимск и отрезать пути отхода обороняющимся здесь частям на юг и юго-восток. Одна группа врага наступала с востока, из района Разрытого на деревню Варваровку, тесня оборонявшиеся здесь некоторые подразделения 50-й танковой дивизии. Вторая группа с севера ударила по населенному пункту Кузьмичи, стремясь выйти на Жастков. Третья повела наступление с запада на город Хотимск.

Бой на подступах к Хотимску сразу же принял ожесточенный характер. К исходу дня ценой больших потерь (в особенности на минных полях) противнику все же удалось овладеть населенными пунктами Боханы и Юзефовичи, а также северной и западной окраинами Хотимска. А с наступлением темноты в городе уже разгорелись уличные бои.

К полуночи после жестоких рукопашных схваток наш полк вынужден был оставить город

и отойти к населенному пункту Беседовичи, что в 4 километрах южнее Хотимска, и здесь снова занять оборону. [77]

С утра 16 августа два батальона мотопехоты, мотоциклетная рота и до 30 танков и броневых автомобилей противника после яростных ударов авиации и артиллерии атаковали нас и здесь. Ожесточенный бой, то и дело переходящий в рукопашные схватки, длился более трех часов. Мы опять вынуждены были отойти. На этот раз к населенному пункту Жастков, где закрепились на высотах. Предварительно были заминированы все дороги, по которым мог наступать враг. И это было сделано очень своевременно, ибо через несколько часов вражеские передовые части начали приближаться к нашим рубежам обороны. Натолкнувшись на минные поля, они понесли значительные потери. Особенно мотоциклетные подразделения. Тогда, подтянув резервы, противник продолжил атаку уже в пешем строю.

Подпустив врага на близкое расстояние, мы преднамеренно обозначили отход тех подразделений, что занимали оборону в центре участка. Противник не разгадал нашего маневра и вскоре попал в этакий огневой мешок. Удар с флангов оказался настолько эффективным, что фашисты, вызвав для прикрытия авиацию, начали выходить из боя и поспешно отступать на северо-восток.

В этом бою особенно отличился 2-й эскадрон под командованием лейтенанта А. П. Зотова. Он вначале очень удачно имитировал поспешное отступление, а затем смелой контратакой нанес врагу большой урон, отбросив его в исходное положение.

К исходу дня 16 августа по приказу командующего 13-й армией полк передал свой участок обороны подошедшим стрелковым частям и сосредоточился в лесу вблизи населенного пункта Струженка, что в Брянской области. Здесь мы немного пополнились за счет выходящих из окружения кавалеристов, отдохнули, даже провели двухдневные тактико-строевые занятия для слаживания подразделений.

После этого наш полк был временно передан в оперативное подчинение командира 52-й кавалерийской дивизии. Снова начались короткие, но жаркие бои, рейды по тылам противника в основном в треугольнике между городами Клетня, Унеча, Почеп.

В ночь на 24 августа мы все еще в составе 52-й кавалерийской дивизии получили задачу ударом в южном направлении прорвать оборону противника в районе железной дороги Унеча — Почеп (между станциями Рассуха и Жудилов) и выйти в расположение своих войск. Это нам удалось. После этого, совершив 130-километровый марш по маршруту Подзори, Баклан, Трубчевск, Старая Гута, мы к исходу [78] 26 августа сосредоточились уже в районе населенного пункта Б. Березовка Сумской области. Здесь нас вывели из подчинения командира 52-й кавалерийской дивизии и направили в резерв армии под город Трубчевск, где мы наконец-то соединились с вышедшими из окружения остальными частями своей дивизии.

* * *

Конец августа тоже был для нас нелегким: враг рвался вперед, теснил 13-ю армию. Ее части и соединения оказывали ему сопротивление, наносили контрудары, стремясь на любом рубеже задержать противника, выиграть время для создания более прочной обороны. Однако фашисты имели многократное превосходство в силах. 26 августа 3-я танковая дивизия врага овладела Новгород-Северским, а 24-й моторизованный корпус — городом Шостка.

21-я кавалерийская дивизия действовала в составе 13-й армии. Но в эти дни она имела боеспособным, по существу, лишь один наш 112-й кавполк. В остальных же частях личного состава было лишь 8–10 процентов штатной численности. И тем не менее мы проводили активную разведку боем на самых разных направлениях.

30 августа во второй половине дня в дивизию прибыл член Военного совета 13-й армии генерал П. С. Фурт. Он передал приказ: 112-му и 67-му кавполкам без промедления выйти на восточный берег реки Десны и прикрыть переправы на участке Трубчевск, Сагутьево.

Стремительным маршем полки достигли реки и заняли указанные позиции. Почти сразу же начались стычки кавалеристов с разведывательными подразделениями противника — группами мотоциклистов и автоматчиков из 29-й мотодивизии фашистов. Два дня мы держали здесь оборону, упорно отбивая все попытки противника переправиться на восточный берег Десны. А 1 сентября нас сменили части 155-й стрелковой дивизии. Мы же снова начали вести разведку в направлении на Трубчевск, Погар. Совершили несколько дерзких рейдов по тылам противника (тоже с целью разведки), собрали ценные сведения о составе его группировок и планах на ближайшее будущее.

Командовал дивизией теперь уже снова полковник Я. К. Кулиев, 1 сентября вышедший со своей группой из окружения (с ним же был и военком дивизии батальонный комиссар А. И. Ульянов). А до этого его обязанности временно исполнял начальник тыла дивизии полковник А. Л. Зубов. [79]

С 6 сентября наряду с ведением разведки дивизия частью сил прикрывала левый фланг 13-й армии. 8 сентября нас здесь сменили подошедшие стрелковые части, после чего мы сосредоточились в лесах юго-восточнее Шатрищ, что в Черниговской области. Здесь Я. К. Кулиев с присущей ему энергией начал проводить работу по переформированию и доукомплектованию полков дивизии. Но из-за больших потерь восстановить в прежнем виде все части было пока невозможно. Однако и распылять кадры опытных кавалеристов по подразделениям, в том числе и по почти заново восстанавливаемым за счет пополнения, было признано нецелесообразным. Поэтому командование решило всех наиболее закаленных в боях конников собрать в составе 112-го кавполка, укомплектовав его даже сверх штата: в нем были сформированы три эскадрона в конном строю; один эскадрон из-за нехватки лошадей перемещался на автомобилях и еще один эскадрон — на повозках. Словом, этим было как бы положено начало созданию подразделений мотопехоты в кавалерийских частях. Впрочем, тогда мы мало думали, как квалифицировать то или иное свое действие, было важно бить врага всеми имеющимися средствами и как можно эффективнее.

В остальных частях дивизии были сохранены штабы, а в подразделениях — небольшие ячейки для их обеспечения, а также для охраны своих штабов.

Большим событием явилось для нас и первое массовое поступление новых видов вооружения — почти 10 процентов нашего личного состава получили автоматы ППШ, что безусловно, повысило нашу боеспособность.

К сожалению, артиллерией мы не были пополнены, и ее недостаток пришлось восполнять гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Итак, наш 112-й кавполк представлял теперь главную боевую силу дивизии. Численность его, повторяю, превосходила обычную для кавалерийского полка, приближаясь где-то к

бригаде. Но от этого возросла и ответственность.

Были произведены необходимые изменения и в руководстве частями: командиром 17-го кавполка стал майор Р. М. Палаткин, 67-го кавполка — подполковник С. Д. Подольский. Наш полк принял полковник А. Л. Зубов, комиссаром был назначен старший политрук П. Г. Сесин. Я же продолжал выполнять свои прежние обязанности — начальника штаба полка.

Командирами эскадронов в нашем кавполку были боевые, опытные, уже прошедшие через горнило августовских [80] боев конники. 1-й эскадрон возглавил лейтенант А. П. Зотов. 2-й — политрук М. И. Веретенников, 3-й — лейтенант Ф. П. Дробышев, 4-й — лейтенант Н. И. Бабушкин и 5-й — лейтенант М. Д. Кулишев. С такими можно было идти, как говорится, в огонь и в воду.

* * *

К 9 сентября переформирования в дивизии были в основном завершены. В нашем полку проведен строевой смотр и даже двух-трехчасовые тактико-строевые занятия. Кавалеристы освоили новенькие ППШ. Конечно, нам хотелось еще хотя бы пару дней позаниматься слаживанием эскадронов, но время не ждало: обстановка на фронте еще более осложнилась. В частности, между левым крылом Брянского фронта и правым крылом Юго-Западного образовался разрыв в 60–70 километров, куда тут же устремилась танковая группа Гудериана. Она форсировала Десну, овладела городами Шостка, Глухов и готовила теперь удар на Севск и Дмитровск-Орловский. Для закрытия этого прорыва и создавалась в срочном порядке оперативная группа наших войск, в которую вошла и 21-я кавалерийская дивизия.

Часов в двенадцать 9 сентября командующий этой группой войск, он же заместитель командующего Брянским фронтом генерал-майор А. Н. Ермаков, прибыв в нашу дивизию, поставил ей задачу: к исходу дня выбить врага из города Ямполь, что в Сумской области, и удерживать его до особого распоряжения {3}.

К 17 часам от разведки поступили данные о подходе с запада к Ямполью моторизованной колонны противника, насчитывающей до 350 танков и бронемашин. Затем она прошла через Ямполь и, оставив в нем подразделение для охраны города и обеспечения своих коммуникаций, почти не задерживаясь, двинулась на Глухов.

Мы тут же выступили. К 20 часам наш 112-й кавполк был у Ямполья. Имея точные данные о противнике, полк с ходу развернулся и повел наступление. 1-й эскадрон лейтенанта Зотова в пешем строю атаковал с востока вдоль шоссе, а остальные эскадроны, воспользовавшись сгущавшимися сумерками, ринулись в стремительную атаку в конном строю. Мы застали гитлеровцев врасплох, поэтому схватка была короткой. Враг в панике оставил Ямполь.

Всех нас вдохновила эта победа: ведь полк в первый раз отбил у фашистов советский город! [81]

Не теряя времени, начали организовывать оборону. Прошумевшие накануне ливневые дожди так расквасили все окрест, что по грунтовым дорогам, идущим к городу, машины пройти не могли. Трудны они были и для средств на гусеничном ходу. А это нам на руку. Ведь сил у нас маловато. А в условиях распутицы можно организовать оборону узлами, перекрыв лишь ведущие к городу дороги, да на танкоопасных направлениях выставить

минные поля.

Так и сделали. В течение ночи установили минные поля, продумали и организовали систему огня, личный состав надежно зарылся в землю и замаскировался. Выставили боевое охранение. При этом продолжали непрерывно вести разведку.

Противник не заставил себя долго ждать. Уже на следующее утро он двинулся на Ямполь из Глухова и Шостки. По-видимому, решил одновременными ударами с запада и юга уничтожить наш 112-й кавполк и снова обезопасить свои коммуникации.

Кавалеристы мужественно вступили в схватку с мотопехотой и танками противника. Двое суток длился неравный и тяжелый бой. Немало танков, бронемашин и мотоциклов врага подорвалось на наших минных полях. Не один десяток их уничтожили и кавалеристы. Но гитлеровцы не унимались. Получив подкрепление, они во второй половине дня 11 сентября ударили теперь уже по северо-западной окраине города. И снова не прошли, лишь потеряли еще 3 танка, 6 бронемашин, 9 мотоциклов и 4 грузовых автомобиля.

Больше того, противника тут же контратаковал 3-й эскадрон лейтенанта Козленко. И отбросил его от города.

Вот так мы уже тогда, в тяжелейшие сентябрьские дни 1941 года, учились бить прекрасно вооруженного и сильного врага.

* * *

В ночь на 14 сентября по приказу командующего оперативной группой войск генерала А. Н. Ермакова наш полк передал оборону Ямполья подошедшей из тыла 298-й стрелковой дивизии и получил новую задачу: выйти к Глухову и развернуть там активные боевые действия на довольно широком участке фронта, оттягивая на себя по возможности больше вражеских частей, рвущихся с юга на московское направление.

Совершив под покровом ночи форсированный 50-километровый марш по маршруту Орловка, Месендзовка, Гудковка, мы к 5 часам утра 14 сентября были уже у северной [82] окраины Глухова. Разведка доложила: город занят значительными силами противника. На всех окраинах и улицах фашистами выставлены дежурные танки, ближние подступы к городу охраняются сторожевыми заставами, в самом Глухове — патрули.

Полк спешился, эскадроны заняли исходное положение для атаки. В полутора — двух километрах от города мы развернули их в один эшелон, оставив один эскадрон в резерве. Коноводы укрыли лошадей в глубоких оврагах. Командный пункт полка разместился на северных скатах безымянной высоты, о которой отлично просматривалась вся прилегающая к городу местность.

В 7 часов утра эскадроны начали атаку. Внезапности не получилось, бой сразу принял затяжной характер. Силы были явно не равны: с окраин Глухова враг открыл плотный минометный и артиллерийский огонь. В воздухе закружились «рамы», за ними прилетели «юнкерсы», обрушившие на нас десятки бомб.

И все же наши эскадроны приблизились к городу на 400–600 метров. Но тут, попав под сильнейший пулеметный в пушечный огонь вражеских танков, вынуждены были залечь. Попытки поднять их под ливнем свинца успеха не имели. Пришлось дать команду на переход к обороне и одновременно произвести перегруппировку. Три эскадрона начали

окапываться на достигнутых рубежах, один занял вторую линию, в полутора километрах от первой, а еще один был выведен в резерв и сосредоточен в оврагах, в трех километрах севернее первой позиции. Здесь он оборудовал как бы третью оборонительную линию.

Едва успели закончить эту перегруппировку, как на нас со стороны города двинулось сразу три колонны противника. В каждой по 15–20 танков и по 50–60 автомобилей с пехотой. Первые две колонны начали охватывать фланги полка, а третья ударила по располагавшемуся неподалеку штабу нашей дивизии. В дело снова включились вражеская авиация и артиллерия.

Накал боя еще более усилился, Наши отважные саперы прямо под огнем ставили внаброс минные поля, спешенные конники отсекали от танков пехоту, уничтожая ее огнем и гранатами, а подчас и в рукопашных схватках. В танки тоже летели гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Несколько броневых машин остановилось и задымилось.

Да, наши кавалеристы исключительно мужественно обороняли свои рубежи. Несмотря на численное превосходство врага, ни одно наше подразделение не дрогнуло, не отошло [83] без приказа. Исключительно храбро вел себя в этом бою комиссар полка старший политрук П. Г. Сесин. Он всегда оказывался там, где складывалась наиболее тяжелая обстановка.

Бой продолжался до наступления сумерек. Свою задачу мы выполнили — значительные силы врага были связаны нами, отвлечены хотя бы на день с главного направления. А с наступлением темноты полк организованно и быстро отошел на новые рубежи.

* * *

Уже глухой ночью вышли к деревне Хохловка, что в 25 километрах севернее Глухова. Устроили здесь привал. Подоспели полевые кухни, что было как нельзя кстати — за весь минувший трудный день ни у кого из нас и крошки во рту не было.

Вскоре подъехали комдив, комиссар дивизии и начальник штаба. Я предложил полковнику Я. К. Кулиеву разделить с нами запоздалую трапезу. И он, и комиссар с начальником штаба дивизии приняли это предложение с удовольствием.

— Только где же полковник Зубов? — поинтересовался Кулиев.

— Во время боя ушел в один из эскадронов, — ответил я. — Там было наиболее трудно. Ну и... Видимо, отошел вместе с ним. На рассвете, надеюсь, встретимся.

Тем временем ординарец позвал нас к импровизированному столу: котелки стояли прямо на разостланной на земле плащ-палатке. Здесь же хлеб, ложки...

Во время еды завязалась беседа.

— Да, трудный денек выдался, — начал первым Я. К. Кулиев. И тут же похвалил: — А действовал ваш полк неплохо, бой вы организовали вполне удовлетворительно. Главную сейчас задачу — выиграть время — выполняете. За это молодцы! Я ведь только в боях за Ямполь да Глухов и узнал ваш полк как следует, а то все врозь воевали...

— Так уж складывалось, товарищ полковник, — сказал я. — Не мы в том повинны.

— А я и не виню. Действительно, как-то так случилось... Но вот теперь... Повторяю: молодцы! Полк считаю вполне боееспособным. Жаль вот только, воевать приходится не совсем по-кавалерийски. — Комдив вздохнул. — Эх, выйти бы нам на оперативный простор, тогда бы мы показали гитлеровцам, что такое советская кавалерия! — Развел руками. — Но что поделаешь, главное для нас сейчас задержать врага. [84]

После ужина командир дивизии по своей карте уточнил мне район последующего сосредоточения полка и приказал обязательно отыскать эскадрон, где остался полковник А. Л. Зубов. Ну а дальше... Дальше — продолжать широкие маневренные боевые действия.

К утру 15 сентября части нашей дивизии (а это, как уже говорилось, в основном один наш полк) вышли в назначенные районы. Как мы и предполагали, в одном из этих районов оказался и эскадрон, с которым отходил командир нашего полка полковник А. Л. Зубов. Он был тяжело болен, хотя и старался не поддаваться недугу. Но болезнь есть болезнь...

Утром командир дивизии Я. К. Кулиев и начальник особого отдела майор А. С. Кибальников попросили меня собрать всех командиров подразделений полка. Кулиев объявил им всем благодарность за успешные боевые действия и выразил уверенность, что они будут так же воевать и в дальнейшем. Затем комдив огласил приказ: тяжелообольного А. Л. Зубова отправить на излечение, полк принять Х. Л. Харазии, то есть мне. Начальником штаба полка был назначен интендант 3 ранга С. И. Зеньков.

Несколько слов о Зенькове. Это был молодой и очень энергичный человек, служивший до того помощником командира полка по материально-техническому снабжению. Он прошел с нами через все августовские бои и проявил себя смелым, волевым, работоспособным командиром. Таким же остался он и в должности начальника штаба полка: хорошо обеспечивал управление, если было нужно, то принимал на себя и командование подразделениями. Правда, долго начальником штаба ему пробить не пришлось. В числе других перспективных командиров в мае 1942 года его послали учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Но не будем забегать вперед, а вернемся снова в сентябрь сорок первого. 15 числа мне уже как командиру полка была поставлена задача: активно действуя в треугольнике Орловка, Глухов, Суходол, связывать здесь боем части противника до подхода наших стрелковых полков и дивизий.

В этих боях мы, максимально используя свои преимущества — маневр и скорость, наносили по фашистам короткие, но весьма ощутимые удары. Действовали самостоятельно, на разных направлениях. Старались охватить как можно более широкий фронт, создавая для противника представление о многочисленности нашей конницы — до нескольких дивизий. И он, почувствовалось, вскоре поверил в это. [85]

И вот представьте себе такую картину: из тьмы глубокой сентябрьской ночи или из предрассветного тумана совершенно внезапно, с тыла, появляются перед врагом советские кавалеристы. Они поливают его свинцом, рубят шашками, забрасывают гранатами. И тут же бесследно исчезают, оставляя после себя горящие склады с топливом и боеприпасами...

Новый же удар наносится совершенно в другом месте, за несколько десятков километров от предшествующего. И, как правило, иным способом. Устраиваются засады, минируются дороги. И снова — паника в стане гитлеровцев, новые потери в живой силе и технике.

Немецкое командование, естественно, предпринимало самые энергичные меры, чтобы найти нас и уничтожить. И однажды это ему едва не удалось. Короче говоря, 21 сентября в районе Хохловки на нас навалились большие силы танков и мотопехоты противника. Жаркие бои начались с самого утра. А вскоре к нам прибыл командир дивизии.

— Как дела, капитан? — спросил он. — Доложите-ка мне обстановку.

Я коротко обрисовал ему ситуацию.

— Да-а, жмет фашист, — в раздумье промолвил Я. К. Кулиев. И тут же распорядился: — Ладно, действуй, а я пройду по позициям. Надо подбодрить кавалеристов.

— Товарищ полковник, ведь опасно, фашисты совсем близко, — с тревогой предупредил я.

— Не беспокойся, забираться далеко я не буду.

А противник продолжал наращивать силы. Дороги Хохловка — Червовое, Глухов — Червовое и Глухов — Хохловка были им уже блокированы. Гитлеровцы приближались с трех сторон, пытаясь взять наш полк в кольцо. Но это им пока не удавалось: кавалеристы сражались стойко.

Во второй половине дня активность противника еще более возросла. У меня даже появилась тревожная мысль: а ну как он все-таки сомкнет свои фланговые подразделения вокруг боевых порядков полка? Тогда — окружение. А это... Тем более что здесь и командир дивизии. Вот уж не кстати. Нельзя ему рисковать своей жизнью! А он... Ну зачем я отпустил его с КП?

Надо сказать, что место для командного пункта полка нам удалось выбрать довольно удачное: КП располагался в ложине, поросшей густым лесом, а вокруг раскинулись обширные поля, на которых стояли копны неубранного хлеба. Они прекрасно маскировали все наши передвижения. Плохо было только то, что от зажигательных пуль копны вспыхивали, а горя — дымили, ограничивая видимость. [86]

На КП вернулся наконец Кулиев. Я облегченно вздохнул.

— Молодцы кавалеристы, хорошо держатся! — довольно сказал комдив. И тут же добавил:

— Однако положение очень трудное. Фашисты вцепились в ваши фланги, а это плохо...

— Ну что ж, постараемся оторвать их и от флангов, — заверил я.

Заверить-то заверил, а вот на деле... Гитлеровцам вскоре удалось сомкнуть свои фланги в тылу позиций полка. Теперь стрельба слышалась со всех сторон. Но что самое неприятное — с особой силой она вспыхнула далеко в стороне, там, где находился штаб нашей дивизии. Этого еще не хватало!

— Мне необходимо срочно вернуться в штаб, — заторопился Кулиев. — Что-то там, видимо, неладно.

— Товарищ полковник, — взмолился я, — прошу вас, подождите до сумерек! Сейчас

прорываться довольно рискованно. Ну, а ночью... В темноте мы обязательно оторвемся от противника, даю вам слово!

Я еще не видел Я. К. Кулиева таким встревоженным. Хотя и понимал его. Да, комдив переживал за судьбу своего штаба. Ведь там оставались люди, знамя дивизии, документы. А он в это трудное время вынужден находиться здесь...

Причину довольно интенсивной стрельбы у штаба дивизии удалось выяснить довольно скоро. Оказалось, что это 4-й эскадрон под командованием лейтенанта Н. И. Бабушкина, направленный мной накануне на выполнение спецзадания, сейчас возвращался в полк. Идя проселочной дорогой, он неожиданно вышел на тылы наступающего на нас с севера противника. Бабушкин быстро разобрался в обстановке и приказал своим конникам с ходу атаковать фашистов. Что и было сделано. Удар оказался для гитлеровцев неожиданным. Это-то и решило исход дела: под напором наших кавалеристов враг начал отходить в сторону Глухова. А эскадрон благополучно соединился с главными силами полка.

Когда появившийся на КП лейтенант Н. И. Бабушкин доложил о выполнении задания и об ударе в тыл противнику, комдив крепко пожал ему руку и поблагодарил за проявленную находчивость и инициативу. И тут же приказал мне готовиться к прорыву из окружения.

И мы вырвались из кольца! Вырвались, нанеся врагу ощутимый урон. Перед нашими прежними позициями осталось 5 подорванных фашистских танков, 7 бронемашин, 22 мотоцикла, 9 грузовиков, легковая машина и десятки трупов вражеских солдат и офицеров. Наши же потери составили всего лишь 20 человек убитыми и ранеными. [87]

23 сентября из состава войск бывшей группы генерал А. Н. Ермакова, а также из частей 21, 52 и 55-й кавалерийских дивизий была создана новая подвижная кавгруппа. Командиром ее назначили полковника Я. К. Кулиева, а функции штаба группы возложили на штаб нашей 21-й кавдивизии.

Участие в этой группе означало переход к делам более крупного масштаба. Это мы почувствовали сразу. Так, завершив выполнение очередного задания, мой 112-й полк получил приказ срочно выйти в район Никитовки, что в 10 километрах юго-восточнее Ямполья. Вышли. Нам тут же поставили задачу: после артиллерийской подготовки и удара какого-то нового оружия (какого, конечно же не пояснили) овладеть Ямполем.

Здесь следует сказать, что этот город был уже основательно укреплен противником. Все здания, особенно каменные, были приспособлены им к круговой обороне, а в промежутках между ними он вкопал в землю танки. Передний край вражеской обороны проходил по линии железной дороги Глухов — хутор Михайловский и через железнодорожную станцию Ямполь, удаленную от города на 2 километра. Оборона была неплохо оборудована в инженерном отношении, а расположение по железнодорожной насыпи давало ей, если так можно выразиться, высотное преимущество. Для нас же обзор сводился к минимуму, мешала все та же железнодорожная насыпь.

Правее нас должна была наступать 52-я кавдивизия, а левее, на населенный пункт Имшан, полк от 283-й стрелковой дивизии.

День 26 сентября выдался пасмурным и туманным. Правда, к полудню туман несколько рассеялся и видимость улучшилась. И тут ударила наша артиллерия. Артподготовка была малой по времени, всего пять минут. Но зато в конце по Ямполью ударило то новое оружие, о котором нам многозначительно намекало командование.

Как мы потом узнали, это был реактивный миномет, в последующем получивший ласковое прозвище «катюша». А тогда никто из нас и не слышал о существовании этого грозного оружия. Впечатление же от его применения было огромным. Мы, помнится, наблюдали за ходом артиллерийской подготовки, когда где-то сзади нас ударил необычной силы гром. Все мгновенно повернулись в ту сторону. Что это? Яркая как молния вспышка огня — и длинные языки пламени, перегоняя друг друга, понеслись в сторону Ямполья. В городе грохнули мощнейшие взрывы, вспыхнули пожары. [88]

Всего был произведен один залп, но он запомнился нам надолго.

После артподготовки наш 112-й кавполк, а правее и 52-я кавдивизия перешли в наступление. Ведя ожесточенный бой, мы вначале достигли вражеских позиций по линии железной дороги, а к исходу дня овладели ими. А 1-й эскадрон полка даже ворвался на железнодорожную станцию Ямполь и очистил ее от противника.

Однако враг, взбешенный потерей выгодных позиций по линии железной дороги, вскоре усилил из глубины своей обороны артиллерийский огонь, вызвал на помощь авиацию, после чего предпринял мощную контратаку. Наш полк был вынужден прекратить движение вперед и перейти к обороне на железнодорожной насыпи. Этот рубеж он удерживал до 1 октября.

За данный период наши кавалеристы уничтожили 12 фашистских танков, 15 бронемашин и несколько сот вражеских солдат и офицеров. Только за 29 сентября у деревни Рождественская, на участке 4-го эскадрона, которым командовал лейтенант Н. И. Бабушкин, было истреблено более 40 гитлеровцев, сожжен танк и 2 бронемашины противника.

В этих боях отличился и 1-й эскадрон под командованием лейтенанта А. П. Зотова. Но особенно саперный взвод младшего лейтенанта А. С. Денисова. Это его воины, действуя из засады на дороге к Ямполью, уничтожили четыре бронемашины и до двух рот мотопехоты противника, захватив при этом штабной автобус, в котором находились пять гитлеровских офицеров и шесть солдат. Больше того, в руки наших саперов попали карты с обстановкой предстоящих боевых действий вражеского 24-го моторкорпуса. Ценные документы и пленные были немедленно отправлены в штаб кавгруппы.

Не могу не рассказать и о героическом взводе старшего сержанта А. М. Кобелькова. Это небольшое подразделение прикрывало левый фланг нашего полка у поселка Червоное. Вначале во взводе было 22 бойца. А потом...

Но расскажу обо всем по порядку. 24 сентября в полдень Кобельков связался со мной по телефону. Доложил:

— Товарищ капитан! На нас идут шесть танков с мотопехотой. Прошу огонька! Гранат-то у нас почти не осталось...

— Держись, Кобельков! — ответил я ему. — Сделаю все, что смогу. Сколько сейчас у тебя людей?

— Вместе со мной восемь кавалеристов, — отозвался старший сержант. И тут же заверил: — Но пока живы, враг [89] не пройдет. Нам бы только еще огоньку по танкам. Или гранат...

Я тут же приказал направить во взвод А. М. Кобелькова единственную оставшуюся в полку противотанковую 45-миллиметровую пушку, которую держал до этого в резерве. Но теперь не до резерва...

Минут через двадцать снова зуммерит телефон. Хватаю трубку.

— Кобельков?..

А в ответ слышу:

— Товарищ капитан, докладывает помощник командира взвода сержант Федоров, Атака отбита. Старший сержант Кобельков со связкой гранат пошел навстречу головному танку и подбил его.

— Молодец Кобельков! Передай ему мою благодарность!

— Передать не могу, товарищ капитан, погиб он. Из другого танка его пулеметом срезали.

— Ну а что же артиллеристы? Не успели разве вам помочь?

— Орудие, которое вы к нам направили, первым же выстрелом подожгло тот танк, из которого убили Кобелькова. Остальные не выдержали, развернулись и скрылись в роще...

— Как люди? Потери есть?

— Двое убитых. Теперь нас осталось шестеро. Но будем стоять насмерть!

И они выстояли! Отбили еще несколько вражеских атак. И отошли только по моему приказу.

* * *

30 сентября 1941 года враг начал операцию «Тайфун». На нашем участке фронта фашистские войска перешли в наступление с рубежа Путивль, Ямполь, Шатрищи, нанося удар вдоль Киевского шоссе на Орел. На левый фланг 18-й армии с юго-запада наступали 24-й и 47-й немецкие моторизованные корпуса. С запада на правый фланг наступал 35-й армейский корпус гитлеровцев. Охватывая левый фланг 13-й армии, 47-й моторизованный корпус врага устремился на Суземку и Локоть. А его 24-й моторизованный корпус двинулся на Орел.

Как видим, гитлеровцы бросили в наступление огромные силы. На нашем участке вскоре сложилась довольно тяжелая обстановка. Больше того, кавгруппа полковника Я. К. Кулиева, в которую входили и мы, попала в окружение. Правда, по приказу Кулиева наш полк, оставив позиции под Ямполем, во взаимодействии с 52-й кавалерийской дивизией [90] вскоре пробился с боями через вражеское кольцо и вышел из окружения. В конце дня 1 октября, пройдя за сутки более 40 километров, мы оказались в районе населенного пункта Лемишевское, в 45 километрах от Глухова. Там попытались перейти к обороне, но закрепиться не сумели и 2 октября, отойдя в район Хинельского леса, заняли жесткую оборону на его юго-восточной опушке. Сюда же к нам подошли еще несколько вырвавшихся из окружения частей нашей кавгруппы. С ними был и полковник Я. К. Кулиев.

Тем временем части 24-го моторизованного корпуса уже обошли нас по шоссе Глухов — Орел, и мы снова оказались в тылу врага. В этой обстановке командование поставило конной группе Кулиева задачу: прорваться на восток, в район Нижне-Песочное, Кинишевка, Красная Дубрава, Пеньково (Курской области), организовать там оборону по восточному берегу реки Свапа и обеспечить выход из окружения и переправу через эту реку остальных частей кавгруппы, а также войск 3-й и 13-й армий Брянского фронта.

Кулиев решил осуществить прорыв через шоссе Глухов — Севск в ночь на 3 октября, имея в авангарде 112-й кавполк, а в главных силах 52-ю кавдивизию (55-я кавалерийская дивизия, тоже входившая в кавгруппу, пока еще не подошла).

На рассвете 3 октября наш полк вышел к восточной опушке Хинельского леса. Отсюда до шоссе было километра полтора. Вправо от намеченного нами участка прорыва, километрах в двух, находился населенный пункт, занятый немцами. Разведка установила, что на его северной окраине сосредоточены танки и выставлено сторожевое охранение.

Шоссе постоянно освещалось ракетами: противник был настороже. Однако нам не оставалось ничего другого, как действовать немедленно. С наступлением дня гитлеровцы, безусловно, возобновят движение по шоссе, и тогда преодолевать его нам будет еще труднее...

Закончено построение в боевой порядок: в первом эшелоне — испытанные во многих боях 1-й и 3-й эскадроны отважных лейтенантов Зотова и Козленко, во втором — 4-й и 5-й эскадроны лейтенантов Бабушкина и Кулишева. 2-й эскадрон политрука Веретенникова — со штабом группы. Все спокойны и сосредоточены.

Тихо отдаю команду:

— Поэскадронно — вперед!

Развернутым строем мы стремительно атаковали противника на шоссе, смяв и отбросив его ракетчиков и сторожевое охранение. Начали переход шоссе. [91]

Но и гитлеровцы не растерялись: взлетели новые ракеты, по тревоге были подняты танковые и мотопехотные подразделения в том, правом от нас, населенном пункте (чего мы и опасались). На нас стремительно рванулись танки и бронетранспортеры с пехотой. 52-я кавалерийская дивизия, обеспечивавшая наш переход через шоссе, не смогла сдержать натиск врага. И как только мы пересекли шоссе, немцы закрыли пробитую нами брешь и отсекли полк от главных сил группы.

При прорыве мы потеряли любимца полка — старшего врача капитана Вильчевского. Он всегда был рядом с конниками, в самых горячих боях, отважный воин и превосходный хирург. В походных условиях Вильчевский умудрялся делать сложные операции, спасал жизнь раненым, иногда, казалось, совсем обреченным. И вот теперь его не стало...

* * *

Итак, мы вырвались из вражеского окружения. А вот нашим главным силам пришлось еще на сутки задержаться в Хинельском лесу и уже в ночь на 4 октября снова прорывать огненное кольцо. Нам было приказано обеспечить этот прорыв.

Для этой цели я выделил 1-й и 3-й эскадроны. Они атаковали противника с внешней стороны кольца окружения, прорвали его и где-то в час ночи встретили на шоссе колонны наших войск. Затем по уже знакомым дорогам провели их к своим.

Кстати, при прорыве нашим эскадронам большую помощь оказали танкисты полковника Б. С. Бахарева. У них было очень мало боевых машин. Но танкисты так удачно расставили их на флангах участка прорыва, что немцы не смогли их опрокинуть до самого конца вывода из окружения главных сил кавгруппы.

Затем, пройдя около 90 километров, мы вышли к реке Свапа. Часть сил нашего полка, переправившись на ее восточный берег, перешла здесь к обороне в районе Нижне-Песочное, заняв участок протяженностью около 6 километров, между пунктами Гряды и Ревельское. Место это было довольно своеобразным. Западный берег господствовал над восточным, возвышаясь над ним примерно на 400 метров, а затем круто спускался к реке. Ее ширина была не так уж и велика, всего метров пятьдесят, глубина около двух метров. Течение спокойное, медленное.

Дорог к реке было мало. С учетом этого мы и организовали оборону нашего участка. Передний край вынесли на [92] высоты западного берега, а вторую позицию оборудовали по восточному. Оборону строили в основном узлами, перекрыв все дороги, выводящие к переправам.

Отважным саперам лейтенанта Денисова работы здесь хватало. Ведь помимо установки минных заграждений надо было оборудовать еще и пункты переправ, навести мосты, подготовить паромы. Но они так четко и умело делали свое дело, что к назначенному сроку все было готово.

С 5 по 9 октября мы лишь вступали в стычки с разведывательными подразделениями противника, совершенствовали оборону, готовили переправу, встречали выходящие из окружения воинские части и переправляли их через реку. Но понимали: главные события впереди.

И действительно, 9 октября обстановка на нашем участке резко осложнилась. Противнику удалось обойти наши фланги, после чего он устремился на юг и юго-восток. В связи с этим полк получил задачу срочно сняться, совершить марш, к исходу 9 октября занять оборону на рубеже Кинишевка, Красная Дубрава, Наньково, Якимовск и задержать здесь прорвавшегося врага.

Мы выступили не мешкая. Шел холодный осенний дождь, дороги представляли собой сплошное месиво. Это сильно мешало нашему движению. К тому же в ходе марша пришлось вступить в бой поочередно с двумя разведывательными группами противника, в каждой из которых было по два танка и до взвода пехоты. Но несмотря на это, к исходу дня мы все же достигли заданного района, заняли здесь оборону и стали ждать противника, которого нам удалось обогнать.

Почти одновременно с нами сюда же вышла и 52-я кавалерийская дивизия. Она заняла оборону слева, что нас весьма подбодрило. А вот соседа справа все еще не было, и это меня серьезно беспокоило. Ведь иметь открытый фланг всегда неприятно.

Едва мы успели укрепиться, как противник начал проводить разведку боем. Он не оставлял нас в покое в течение всего дня 10 октября, однако к вечеру стало более или менее тихо. Мы поняли, что враг уяснил для себя обстановку. Но что он предпримет в

дальнейшем?

Вскоре выяснилось: фашисты решили не рваться через нашу оборону, а сосредоточили все свое внимание на переправах через реку Свапа. Поэтому 11 октября наш полк получил от командующего кавалерийской группой очередную задачу: передать свой участок обороны 52-й кавдивизии и выступить в направлении Кинишевка, Толкачевка, Платово, [93] Гряды, то есть снова к реке Свапа. Здесь в районе Гряды, Ревельское сбить противника уже с занятых плацдармов и перейти к обороне на рубеже Голубовка, Гряды, Комаровка и Мухино. Стоять здесь намертво, обеспечивая выход из окружения частей 3-й и 13-й армий.

Громя по пути мелкие разведывательные группы врага, мы к 22 часам подошли к реке Свапа. Гитлеровцы еще не успели переправить на восточный берег реки свои сколько-нибудь значительные силы, а выставили у переправ лишь небольшие сторожевые заставы. Внезапной атакой мы сбили эти заставы. Тут же восстановили переправы и начали пропускать через них части 3-й и 13-й армий.

* * *

Хлопот на переправах было немало. Ко всему еще добавилась и необходимость бороться с авиацией противника, которая то и дело обрушивала на них десятки бомб. А средствами противовоздушной обороны мы в то время еще не располагали. Пришлось изыскивать иные методы защиты переправ. И мы их все-таки нашли: рядом с действующими начали создавать ложные переправы. А потом с удовольствием наблюдали, как фашисты клевали на эту приманку. Так, 16 октября более десятка пикировщиков врага долго и тщательно бомбили ложную переправу у населенного пункта Ревельское, сбросив на нее около сотни бомб.

А в общей сложности на своем участке мы оборудовали три действующие переправы и шесть ложных. И все их приходилось оборонять не только от воздушного, но и наземного противника. Правда, в этом нам существенную помощь оказывали части, которые выходили из окружения и тут же занимали вместе с нами оборону.

С 11 по 21 октября на нашем участке переправилось на восточный берег Свапы более 25 тысяч бойцов и командиров из состава 3-й и 13-й армий. В их числе были и раненый командир 132-й стрелковой дивизии генерал-майор С. С. Бирюзов, член Военного совета 13-й армии бригадный комиссар М. А. Козлов, начальник бронетанкового отдела 13-й армии генерал-майор М. А. Королев.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов позднее так писал в своих воспоминаниях: «...мы достигли вскоре реки Свапа у села Нижне-Песочное. Там сосредоточились наши войска, переправлявшиеся на восточный берег. Артиллерия противника все время обстреливала переправу... Но едва мы остановились, к моей повозке подошел незнакомый, по-кавалерийски щеголеватый командир: [94]

— Послан к вам, товарищ генерал, полковником Кулиевым. Имею приказание переправить вас на другой берег. Лодка у меня наготове. Сейчас же переправимся и доставим вас в Льгов.

Я от души стал благодарить незнакомца кавалериста. Он только кивнул головой и немедленно приступил к делу. Меня бережно приподняли с повозки, положили на носилки и перенесли в лодку. На реке то там, то здесь поднимались всплески от разрывов

мин и снарядов. Бойцы налегли на весла, и лодка быстро понеслась к заветному восточному берегу.

Итак, 18 октября мы переправились через Свапу и соединились с оборонявшимися на этом новом рубеже войсками Брянского фронта. Здесь была и 132-я стрелковая дивизия. Она в третий раз успешно вышла из вражеского окружения» {4}.

К этому могу лишь добавить: наша 21-я кавалерийская дивизия, как и 132-я стрелковая, в тех боях тоже трижды побывала в окружении. И лишь ее главное преимущество — подвижность — позволяло ей первой выходить из всех этих переплетов.

23 октября наша дивизия, передав на своем участке оборону переправ вышедшим из окружения стрелковым частям, совершила марш в местечко Цветаево, что под Курском, где получила наконец кратковременный отдых. В эти же дни кавалерийская группа полковника Я. К. Кулиева, как выполнившая свою задачу, была расформирована.

* * *

Отдыхать нам долго не пришлось. В начале ноября фашисты уже завязали бои за Тулу. Возникла серьезная угроза прорыва врага к Москве с юго-запада. В этот момент было крайне необходимо бросить в бой все наши наличные силы, чтобы оттягивать на себя гитлеровские части и соединения, наступающие на Тулу. Ввели в дело и 21-ю кавалерийскую дивизию.

С 25 октября по 5 ноября мы совершали непрерывные марши, то и дело вступая в бои. Маршрут протяженностью более чем 300 километров проходил через Курск, Щигры, Маховое, Колпны, Сетенево, Русский Брод, Хомутово, Корсаково.

6 ноября дивизия вышла к райцентру Корсаково, где вошла в оперативное подчинение командующего 3-й армией. [95]

Вечером совместно с местными жителями и партизанами мы провели торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Сразу же после его окончания получили сведения: западнее Корсаково, в деревне Войково, расположились на ночлег гитлеровцы. Полковник Я. К. Кулиев приказал нашему 112-му кавполку уничтожить врага. Мы тут же выступили. К 4 часам утра партизаны вывели нас на окраину Войково. Они же провели разведку. Фашисты отдыхали в деревне беспечно, считая себя в полной безопасности. И за это жестоко поплатились: наша атака удалась, с рассветом деревня была полностью освобождена. Так что 7 ноября у всех нас было вдвойне праздничное настроение.

8 ноября полк выбил врага и из деревни Ишково, что в 15 километрах от города Чернь. Отсюда мы провели целый ряд ночных налетов на железнодорожные станции Горбачеве и Чернь, а также на населенные пункты Орлик и Старухино, заставляя противника быть в постоянном напряжении, распылять свои силы.

Но особенно памятным событием тех дней оказался бой за город Чернь. Он был расположен на магистрали Орел — Тула, служившей основной коммуникацией для танкистов Гудериана. На Чернь совершить налет Я. К. Кулиев поручил нашему полку.

Из сообщений партизан мы знали, что фашисты, останавливаясь на ночлег в Черни, также ведут себя весьма беспечно, полагаясь в основном на охранение, выставляемое ими на

шоссе к западу и востоку от города. В темное время суток это шоссе обычно освещается ракетами. Поэтому мы решили в первую очередь ликвидировать ракетчиков, а потом уже обрушиться на город.

Снять ракетчиков было приказано 2-му эскадрону политрука М. И. Веретенникова и 3-му эскадрону лейтенанта Ф. П. Дробышева. А 1-й и 4-й эскадроны лейтенантов А. П. Зотова и Н. И. Бабушкина должны были атаковать врага в городе.

Начали ровно в час ночи. Бесшумно уничтожили ракетчиков и полевые караулы. А чтобы враг не почувствовал неладное, соблюдая принятый у немцев порядок, продолжали уже сами освещать ракетами шоссе. Одновременно перекрыли все дороги, ведущие в Чернь и из него. Теперь можно было начинать бой за город.

Ворвались в него в конном строю, не спешиваясь. Запылали фашистские машины и мотоциклы, под копыта лошадей падали сраженные клинками оккупанты. Кавалеристы [96] действовали строго по плану, прочесывая улицу за улицей. Гитлеровцы в панике выскакивали из домов и, не оказывая сопротивления, спасались бегством. Но ушли немногие.

С рассветом мы оставили город и снова отошли к деревне Ишково. Но противник решил во что бы то ни стало найти и уничтожить нас. Не вышло! Мы, используя свою маневренность, успешно уходили, а затем снова организовывали стремительные ночные налеты на его гарнизоны. Нам даже удалось разобрать в нескольких местах железнодорожное полотно между станциями Мценск и Горбачево, что парализовало движение вражеских эшелонов.

Конечно, в дерзких ночных налетах мы тоже несли потери. В эскадронах, и без того укомплектованных не полностью, вскоре осталось совсем мало бойцов. Поэтому в конце ноября 21-ю кавдивизию вывели из боев. Часть личного состава мы сразу же передали на пополнение в 55-ю кавалерийскую дивизию, а оставшихся по приказу командующего Брянским фронтом вывели в резерв фронта и отправили в Липецк. Всех, кроме 112-го кавполка, который ушел в Тамбов.

Отдыхали и пополнялись мы недолго, уже 5 декабря 21-й кавдивизии было приказано начать организацию обороны Липецка.

Кстати, в это время мы действовали еще без своего боевого командира полковника Я. К. Кулиева. Он, возглавляя при 13-й армии группу войск в составе 307-й стрелковой, 55-й кавалерийской дивизий и 150-й танковой бригады, готовился, а затем и участвовал в Елецкой наступательной операции. После ее завершения в конце декабря эта группа была расформирована, и Кулиев вновь возвратился в 21-ю кавдивизию. Но прокомандовал ею очень недолго. Дело в том, что войска Юго-Западного фронта после Елецкой операции получили возможность развивать наступление на Орел. И полковник Я. К. Кулиев возглавил сводный кавалерийский корпус, действовавший на этом направлении. А командование 21-й кавдивизии со 2 января 1942 года было возложено на меня.

В конце января полковник Кулиев был отозван в Москву за новым назначением. Заехал на пару дней и к нам в Липецк. Проститься. И — в путь.

* * *

Волнующим событием тех дней было и вручение большой группе наших кавалеристов

государственных наград. Зал липецкого городского театра заполнили представители [97] трудящихся и воины. Награды вручал корпусной комиссар А. Ф. Колобяков. Из состава 21-й кавдивизии были награждены 52 человека. Орденом Красного Знамени — полковник Я. К. Кулиев, старший политрук П. Г. Сесин и еще ряд кавалеристов; орденом Красной Звезды — лейтенант Н. И. Бабушкин, майор Д. С. Польский, полковой комиссар М. Н. Белов, младший лейтенант А. С. Денисов, интендант 3 ранга С. И. Зеньков и другие. Многие получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Мне также была вручена высокая награда Родины — орден Красного Знамени.

После торжественной церемонии корпусной комиссар А. Ф. Колобяков тепло и сердечно поздравил награжденных, пожелал им доброго здоровья, большого личного счастья и скорейшей победы над врагом.

Затем состоялся большой концерт художественной самодеятельности. Выступающие тоже горячо поздравляли награжденных, посвящали им свои номера. Теплота и задушевность их слов, песен и стихов, огневые пляски доставили нам немало радости.

От нашего полка также было несколько талантливых исполнителей. Особенно запомнилось мне выступление лейтенанта С. Берозашвили, моего адъютанта. Этот молодой, красивый грузин был лихим боевым командиром. Отличился он и на концерте. На его долю выпал большой успех. Ему пришлось трижды на «бис» исполнить популярную в те годы грузинскую песню «Сулико». Он буквально очаровал всех своей привлекательной внешностью, бравым кавалерийским видом и подкупающей манерой исполнения.

Я тоже слушал лейтенанта с удовольствием. Представлялась спокойная жизнь, тишина, весна, зелень парков, вся та прекрасная мирная жизнь, от которой нас оторвал подлый враг. И хотя на окнах сейчас висели маскировочные шторы, а в музыкальный аккомпанемент то и дело врываются глухие разрывы бомб и снарядов — линия фронта была весьма недалеко, — это мало смущало и нас, зрителей, и исполнителей. Настроение у всех было отличное.

Тем временем в дивизию вновь заехал Я. К. Кулиев. Он получил в Москве новое назначение и должен был убыть к себе на родину, в Туркмению, для формирования там нового кавалерийского соединения. Мы тепло поздравили его и с высокой наградой, и с новым назначением. Растроганный, Якуб Кулиевич сказал на прощание:

— Мои боевые друзья, лихие кавалеристы! Большое вам спасибо за честную солдатскую службу, за ваши славные дела! [98] Служите и дальше так же верно нашей любимой Родине, уничтожайте проклятых захватчиков. До свиданья, до встречи в Берлине!

Я. К. Кулиев уже тогда верил, что мы будем в Берлине. Простившись с кавалеристами и Боевым Знаменем дивизии, полковник уехал. А через несколько дней мы узнали о присвоении ему воинского звания «генерал-майор».

* * *

В дивизию продолжало поступать пополнение. К марту 1942 года она была уже укомплектована до штата военного времени и включена в состав 8-го кавалерийского корпуса.

Произошли изменения и в ее командном составе: на должность командира дивизии к нам пришел полковник Н. П. Якунин, ранее командовавший 52-й кавдивизией, а военным комиссаром стал полковой комиссар М. Н. Белов, бывший до этого начальником политотдела 21-й кавдивизии. Меня назначили заместителем командира дивизии (к тому времени я стал майором), а начальником штаба утвердили майора Д. С. Польского. Таким образом, во главе соединения стали опытные, уже проверенные в тяжелых боях люди.

В это время мне как заместителю командира дивизии пришлось вплотную заниматься боевой подготовкой, основу которой в то время составляло освоение новых видов оружия. Автоматы, пулеметы, противотанковые ружья и орудия поступали к нам в массовом количестве. И сейчас уже не было необходимости обучать воинов, как делать связки противопехотных гранат для подрыва ими танков, как обращаться с бутылками с зажигательной смесью, которые в прошлом доставляли нам немало неприятностей, разбиваясь и вспыхивая раньше времени. Теперь мы имели вполне достаточно противотанковых гранат.

Начали также поступать, правда, пока еще в малом количестве, и современные средства противовоздушной обороны: зенитные пушки и спаренные крупнокалиберные зенитные пулеметы. И все это надо было освоить в самые сжатые сроки: ведь не за горами и новые бои.

Серьезное внимание мы продолжали уделять и конной подготовке: ведению самостоятельных действий в отрыве от своих войск, осуществлению быстрого маневра на поле боя, а также ведению боя в конном строю.

В напряженной учебе минул март, апрель. Наступил май. А нас все еще держали в резерве. И тут... В мае 1942 года из нашей дивизии были направлены на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе начальник штаба 112-го кавполка [99] капитан С. И. Зеньков, его помощник старший лейтенант А. П. Зотов, командир эскадрона старший лейтенант Ф. П. Дробышев, начальник штаба 67-го кавполка старший лейтенант П. С. Колушев. А потом дошла очередь и до меня: откомандировали на учебу в Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова. Выходит, прощай, родная дивизия!

Но верилось: еще повоюю. Война, это чувствовалось по всему, пришла на нашу землю долгая. [100]

Глава четвертая. В сталинградских степях

Высшая военная академия имени К. Е. Ворошилова, осуществлявшая подготовку общевойсковых командиров высшего и старшего звена — командующих армиями, командиров дивизий и корпусов, начальников штабов объединений и соединений, — была в то время эвакуирована в Уфу, в глубокий тыл. Но и здесь имелись прекрасные условия для подготовки командных кадров: хорошая учебная база и высококвалифицированный преподавательский состав, имевший к тому же и боевой опыт. Ибо часть преподавателей прибывала сюда из действующей армии, а другие в свою очередь прошли стажировку на фронте. Словом, испытали войну на себе, извлекли из нее уроки для академической практики.

Методика обучения также была на высоком уровне. Все это вместе взятое и позволяло нам успешно преодолеть весьма значительную нагрузку. Объем дисциплин был большим, а срок обучения в академии сократился к тому времени до шести месяцев, поэтому нам

приходилось трудиться по 12–14 часов в сутки.

5 ноября 1942 года, накануне XXV годовщины Великого Октября, состоялся выпускной вечер. Нас торжественно приветствовали на нем руководители партийных и советских органов Башкирской АССР, пожелали успехов и скорой победы, вручили памятные подарки.

Прямо с вечера мы, выпускники, а также весь остальной состав академии специальными поездами были отправлены в столицу нашей Родины — Москву. Короче говоря, академия вернулась на свою основную базу. Ну а мы поступили в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны и стали ждать решения нашей дальнейшей судьбы.

18 ноября я получил назначение на должность командира 4-й гвардейской механизированной бригады 2-го гвардейского механизированного корпуса 2-й гвардейской армии. Сбылась моя мечта — буду служить в гвардии! [101]

Через два дня был уже на месте. 4-я гвардейская мехбригада располагалась в лесах южнее города Моршанск. Первым делом, естественно, представился корпусному начальству.

А командовал в то время корпусом генерал-майор К. В. Свиридов. Выходец из крестьян Саратовской губернии, призванный в царскую армию, он воевал еще с кайзеровскими войсками под Ригой. Имел чин младшего унтер-офицера. В годы гражданской войны в рядах Красной Армии сражался против Деникина и Колчака. После окончания военной школы имени ВЦИК командовал полком, дивизией. В этой должности и вступил в Великую Отечественную войну. А вот теперь ему доверили корпус. Гвардейский, механизированный!

Под стать комкору были и его заместители: полковник И. Ф. Кириченко, военком полковой комиссар А. Е. Сигунов, начальник штаба корпуса полковник М. М. Креславский, другие командиры.

Представившись своему непосредственному начальству, начал принимать дела, знакомиться со своей бригадой. Она состояла из штаба, политотдела, танкового полка, трех мотострелковых батальонов, батальона автоматчиков и подразделений обеспечения. Численность бригады достигала 4800 человек. В ней имелось 54 танка Т-34, 17 танков Т-70, 12 броневых автомобилей БА-64, 300 грузовых автомобилей, много другого вооружения. Да, это была могучая сила, в десятки раз превосходящая мощь кавалерийской дивизии, в составе которой я впервые вступил в схватку с врагом в тяжелейшем сорок первом.

Да и личный состав в бригаде был, что называется, один к одному. В основном красноармейцы и командиры, вернувшиеся в строй после ранений, а также моряки Тихоокеанского флота и курсанты военных училищ. Все они были обучены, неплохо владели оружием, были физически и морально закаленными, преданными Родине. Оставалось лишь освоить новую боевую технику да сколотить подразделения. Чем мы и занялись.

У меня оказались прекрасные помощники. Активно работал штаб бригады во главе с его начальником капитаном Я. И. Тимошенко. Командиром 23-го танкового полка был майор Я. М. Керлин, дважды награжденный орденом Красного Знамени, отличный методист и организатор боевой подготовки. На него тоже можно было положиться. Волей и требовательностью отличались и командиры мотострелковых [102] батальонов, других

подразделений бригады, многие из которых уже имели боевой опыт.

Большую помощь мне оказывали политработники. Особенно заместитель командира по политической части А. Г. Королев и начальник политического отдела А. Д. Тихонов. Оба они были настоящими коммунистами, смелыми людьми, имели огромный авторитет среди бойцов и командиров. Словом, мне очень повезло, что я попал в такой коллектив.

* * *

К началу декабря 1942 года все подразделения и части, входящие в состав 2-го гвардейского механизированного корпуса, были уже сформированы, сколочены и закончили боевую подготовку. Теперь каждый из нас жил напряженным ожиданием: куда, на какой фронт нас направят?

Стратегическая обстановка была в то время довольно сложной. В результате начавшегося 19 ноября 1942 года контрнаступления наших войск под Сталинградом группировка гитлеровских войск генерал-полковника Паулюса, насчитывающая 330 тысяч человек, оказалась в окружении. Для ее деблокирования верховное главнокомандование вермахта создало под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна группу армий «Дон». Она имела задачу своими главными силами нанести контрудар из района Котельниково по войскам 51-й армии, прорвать здесь внешний фронт окружения, затем наступать вдоль железнодорожной линии Котельниково — Сталинград и во что бы то ни стало пробиться к 6-й армии. Операция именовалась «Зимняя гроза», и начать ее планировалось 12 декабря.

Советское Верховное Главнокомандование в эти дни серьезно готовилось к расчленению и окончательному разгрому окруженных войск Паулюса (операция «Кольцо») и уничтожению врага на Среднем Дону. Одновременно укрепляло внешний фронт окружения западнее Сталинграда. В числе других сил для ликвидации сталинградской группировки войск противника предназначалась и вновь созданная, но пока еще находящаяся в резерве Ставки 2-я гвардейская армия под командованием генерала Р. Я. Малиновского, в которую входил и наш корпус.

5 декабря эшелоны с нашей бригадой двинулись на юг. Пункт назначения — Иловлинская, что в 80 километрах севернее Сталинграда.

Перевозка проходила исключительно четко: эшелоны шли друг за другом, почти без остановок, на больших скоростях. [103]

Несмотря на близость фронта, мы ни разу не подверглись воздушным налетам врага: наша авиация прикрывала надежно.

Время в пути не проходило даром: личный состав продолжал изучать технику и вооружение, уставы и наставления. Политработники умело поддерживали у воинов высокий наступательный дух.

9 декабря выгрузились на станции Иловлинская и сосредоточились у хутора Шишкино (60 километров севернее Сталинграда). Через несколько дней закончили выгрузку и остальные части корпуса. И хотя мы находились довольно близко от противника (между внутренним и внешним кольцами окружения), выгрузка и сосредоточение наших войск прошли для его разведки незаметно. Это говорило о том, что мы уже научились скрытно от врага маневрировать довольно крупными силами. А ведь это во многом обеспечивало

успех предстоящей операции.

По первоначальному решению Ставки 2-я гвардейская армия должна была войти в состав Донского фронта. Однако из-за начавшегося 12 декабря контрудара немцев на котельниковском направлении и в связи с создавшимся тяжелым положением на фронте 51-й армии она 14 декабря издала новую директиву, в которой, в частности, говорилось: «Все хозяйство Яковлева {5}, в первую очередь мехчасти, форсированным маршем двинуть на юг и расположить в тылу частей, действующих против котельниковской группировки противника». Поэтому наша армия была передана теперь уже в состав Сталинградского фронта.

* * *

15 декабря, получив соответствующий приказ, наша бригада начала марш в направлении на Калач, Нижне-Царицынский. В пути приходилось вести маневренные бои с просачивавшимися небольшими подразделениями противника и его разведывательными группами.

Общая же обстановка была такова. Перешедшие 12 декабря в районе Котельниково в наступление гитлеровские войска армейской группы «Гот» (57-й танковый корпус и батальон впервые брошенных в бой тяжелых танков «тигр») настойчиво рвались вперед. Перед ними оказались три довольно слабые стрелковые дивизии, одна танковая бригада да две кавалерийские дивизии из 4-го кавкорпуса. Не знал я тогда, что, имея значительное превосходство в силах, враг [104] прорвал здесь нашу оборону и устремился в северо-восточном направлении. 14 декабря фашисты вышли к реке Аксай и овладели населенным пунктом Верхне-Кумский. Бои шли тяжелые, этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки.

17 декабря немцы еще решительнее продолжили наступление. Но опоздали. Утром 18 декабря по северному берегу реки Мышкова уже развернулись для боя стрелковые дивизии подоспевшей 2-й гвардейской армии, а ее 2-й гвардейский механизированный корпус сосредоточился в районе совхоза «Крепь». Эту силу врагу не так-то легко было сломить.

Мышкова была почти незаметной степной речушкой. Неширокая и неглубокая, она даже в половодье не являлась неодолимой преградой. А сейчас, замерзшая и заметенная снегом, вовсе имела вид невзрачного ручейка. Правда, хорошо было то, что ее северный берег заметно возвышался над южным, а это было хотя и небольшое, но все же противотанковое препятствие. За рекой же и дальше на восток, до самого Сталинграда, простиралась гладкая и ровная, как стол, степь. Вот здесь уже ничто не могло бы задержать противника в случае его прорыва. Поэтому наше командование придавало столь большое значение этому рубежу. Да и все бойцы понимали его важность. «Здесь будем стоять насмерть!» — заявляли они.

Итак, войска нашей армии занимали оборону. И одновременно вели бои с наступавшим противником. Враг изо всех сил стремился прорвать оборону на реке Мышкова. 19 декабря ему кое-где удалось выйти на противоположный берег этой речушки и даже захватить здесь несколько населенных пунктов. В частности, он занял Нижне-Кумский. Но в ту же ночь 24-я гвардейская стрелковая дивизия нашей армии выбила его из Нижне-Кумского и закрепились в этом населенном пункте. Точнее, Нижне-Кумский дивизия освободила не весь, а лишь его часть. 20 декабря она продолжала бой и за него, и одновременно за Васильевку.

Тем временем представитель Ставки ВГК генерал-полковник А. М. Василевский предложил Верховному Главнокомандующему утвердить такой план действий для 2-й гвардейской армии. Он считал необходимым «в ночь на 21-е и 21-го развернуть гвардейские стрелковые корпуса Яковлева по рекемышкова на фронте Нижне-Кумский — Капкинский и 2-й гвардейский мехкорпус сосредоточить в районе Перегрузный, Аксай, Шелестов и с утра 22.XII перейти к активным действиям... 2-й гвардейский мехкорпус из района Аксай, [105] действиями по флангу и тылу противника через Дарганов, к вечеру 22.XII должен будет, захватив сильным передовым отрядом Котельниково, главными силами выйти в район Пимен-Черни, Гремячая и тем самым прочно сесть на тылы группировки противника, действующей к северу от Котельниково. 23.XII — ликвидация противника к северо-востоку от Котельниково, с сильным заслоном от 2-го гвардейского мехкорпуса в сторону Дубовское и с выходом гвардейских стрелковых корпусов к вечеру на линию Верхне-Яблочный — Пимен-Черни — Дарганов. 24.XII — выход гвардейских стрелковых корпусов на линию Майорский — Котельниково — Поперечный с выброской 2-го гвардейского мехкорпуса и корпуса Вольского на реку Сал, седлая железную дорогу»{6}. Сталин утвердил этот план. Однако ожесточенные бои на рекемышкова вынудили перенести срок начала нашего наступления.

В ночь на 23 декабря в нашу бригаду прибыли командир 2-го гвардейского механизированного корпуса генерал К. В. Свиридов и командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор П. Г. Чанчибадзе. 13-й гвардейский стрелковый корпус занимал оборону впереди позиций 2-го гвардейского мехкорпуса и вел в это время тяжелые бои с врагом. Генерал Свиридов поставил нашей бригаде задачу: этой же ночью частью сил выйти к деревне Васильевка и во взаимодействии со стрелковыми полками 13-го гвардейского Корпуса отразить атаки противника, а затем мощным огневым ударом обеспечить переход в контрнаступление частей 13-го корпуса.

Что ж, это нам под силу.

* * *

Поставленную задачу мы решили выполнить силами 23-го танкового полка майора Я. М. Керлина и мотострелкового батальона старшего лейтенанта И. С. Задорожного, усилив их 3-й батареей 54-го отдельного гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона.

Действовать следовало немедленно, чтобы успеть к рассвету обеспечить переход частей 13-го гвардейского стрелкового корпуса в контрнаступление. Поэтому мы с майором Керлиным тут же выехали в штаб оборонявшейся впереди нас стрелковой дивизии и договорились с ее командиром о взаимодействии и связи. Высланные оттуда проводники [106] встретили части нашей бригады, совершавшие марш им навстречу, и помогли разместиться на указанных рубежах.

Вскоре мы уже вступили в соприкосновение с наступающим противником. Бой сразу же принял исключительно ожесточенный характер. На нас шли десятки фашистских танков, за ними пехота. С этой стальной лавиной вступили в единоборство все наши орудия, в том числе и танковые. А их у нас было около семидесяти стволов. Да еще около сотни пулеметов, которые косили вражескую пехоту. Вражеская атака была отбита.

С утра 23 декабря мы снова всей силой огня обрушились на противника, засевшего в Васильевке. За сравнительно короткое время нами было выпущено более 2500 мин и снарядов. В журнале боевых действий 4-й гвардейской механизированной бригады об

этом эпизоде записано так:

«Море огня озарило населенный пункт. Заметавшиеся гитлеровцы, бросая технику, сломя голову бежали на противоположную окраину села, но снаряды и пули настигали их и там. Сотни врагов нашли себе здесь могилу. Десятки орудий и пулеметов врага замолкли навсегда»{7}.

Особо отличилась в этом бою 2-я танковая рота старшего лейтенанта Г. И. Величко, который за умелые действия был награжден орденом Красного Знамени. А политрука этой же роты И. В. Попова отметили орденом Красной Звезды.

Но это будет потом. А пока же вслед за нашим огненным валом части 3-й и 41-й гвардейских стрелковых дивизий атаковали противника в Васильевке и Капкинском и вскоре овладели этими пунктами. А уже за ними двинулись на врага и воины нашего 2-го гвардейского механизированного корпуса.

Забегая несколько вперед, скажу, что день 23 декабря стал последним днем наступления фашистской деблокирующей группировки. Враг выдохся. До Сталинграда ему оставалось пройти всего 35–40 километров, но они фашистам оказались не под силу. Советские воины своими героическими действиями остановили врага. Расчеты немецко-фашистского командования все же вызволить из окружения войска Паулюса потерпели полный провал.

В течение тех дней, пока части нашей бригады оборонялись на рубежах рек Аксай и Мышкова, 2-я гвардейская армия успела уже полностью развернуть свои войска и подготовиться к решительному наступлению. Оно началось 24 декабря. С севера и северо-востока, от рубежа реки Мышкова [107] в направлении на Котельниково, двинулись соединения нашей 2-й гвардейской и 51-й армий. Части же 2-го гвардейского мехкорпуса, перегруппировавшись к своему правому флангу, форсировали реку Мышкова на участке Громославка, Ивановка и нанесли по противнику удар к югу, в направлении высоты 104,5, балка Рассыпная.

Моя же мехбригада совместно со 2-й ротой 55-го саперного батальона должна была форсировать Мышкову у Ивановки, а затем из района Громославки атаковать противника в направлении высоты 104,5{8}.

* * *

К 8 часам утра 24 декабря наша бригада заняла исходное положение на южном берегу реки Мышкова в районе Громославки и, имея в авангарде 23-й танковый полк, в 12 часов начала наступление вдоль дороги Громославка — Шестаково, нанося удар во фланг противнику. Враг, выбитый с завоеванных уже было им позиций, оказывая яростное сопротивление, отходил тем временем на заранее подготовленные рубежи за рекой Аксай.

Особенно сильные схватки разгорелись в районе хутора Кругляков и населенного пункта Моисеев, где оборона противника активно поддерживалась его артиллерией. Здесь нам тоже пришлось подтянуть всю свою артиллерию, развернуть ее на огневых позициях и нанести мощный удар по врагу. И лишь затем направить в атаку танковый полк и два мотострелковых батальона. Бой был жаркий, он гремел, не смолкая, около двух часов. И все-таки мы прорвали оборону гитлеровцев!

Из этого боя мне помнится такой эпизод. После прорыва вражеской обороны я направился на КП 23-го танкового полка. Майор Керлин, управляя в это время по радио своими

подразделениями, приказал им перейти к активному преследованию фашистов, а добывать их мелкие подразделения оставить на долю подошедшей уже мотопехоты. Но вот он вызвал к себе разведчиков сержантов Ф. М. Волкова и Г. М. Долганова и приказал им разыскать танк командира роты старшего лейтенанта С. Т. Лебедева, который почему-то не отвечал на его запросы.

Лихие сержанты тут же бросились выполнять приказ майора. Но не прошло и нескольких минут, как видим: идет нам навстречу целая группа немцев. Среди них офицер, несколько унтер-офицеров, остальные солдаты. Мы с Керлиным [108] невольно хватаемся за оружие. Но тут впереди этой группы появился сержант Г. М. Долганов.

— Это что такое? — строго спрашивает его майор. — Я вас зачем посылал?

Сержант явно смутился. Начал оправдываться:

— Товарищ майор, извините, пришлось задержаться. Сейчас разыщем ротного, один момент...

— А где это вы вот их выловили? — вмешиваюсь я, с улыбкой кивая на пленных.

— Да в траншее, товарищ подполковник (мне тогда уже было присвоено это звание), — отвечает Долганов. — Бежим, а они навстречу. Первым Волков сбил с ног вот его, — сержант кивнул в сторону гитлеровского офицера. — Ну а потом и остальные руки подняли. Я вот их привел, а Волков сейчас танк Лебедева, командира роты, ищет...

— Ну ладно, — смягчается Керлин. — Доставьте пленных в штаб корпуса и возвращайтесь...

А сержант Ф. М. Волков в это самое время уже обнаружил танк старшего лейтенанта С. Т. Лебедева. Он горел. Сержант смог вытащить из пылающей машины тяжелораненых членов экипажа, оказать первую медицинскую помощь, а затем направить к ним санитаров.

Командир корпуса, когда ему доложили об этом, объявил смелым разведчикам благодарность и наградил их часами. Вот так наши воины совершали героические подвиги, подчас даже не видя в этом ничего особенного.

К исходу 24 декабря наша бригада вышла на рубеж балки Неклинская. И тут получила новую задачу. Теперь ей предстояло повернуть на юг и выйти к реке Аксай. Форсировав ее, захватить переправы у хуторов Ромашкин и Антонов, освободить эти населенные пункты от противника, а затем продолжать наступление уже в направлении села Шестаково.

А это оказалось делом непростым. Разведка донесла, что оборона противника организована здесь весьма продуманно. Все населенные пункты превращены в мощные узлы сопротивления, танки и артиллерия тщательно окопаны, прекрасно налажено огневое взаимодействие.

На следующее утро на нас действительно обрушилась буквально лавина огня. Бесперывно и довольно точно били орудия и минометы. К тому же налетела фашистская авиация, посыпались бомбы. Нам пришлось быстро рассредоточиться и укрыться в балках.

После такой встречи мы стали еще серьезнее готовиться к предстоящему удару по врагу: впереди мотострелковых [109] подразделений развернули танки, выделили достаточный резерв, продумали и порядок перехода в атаку. Начали с короткого, но достаточно мощного огневого налета. А затем стремительно пошли в атаку танки. И все-таки бой продолжался целых два дня — 25 и 26 декабря, продолжался почти без передышки, подчас переходя даже в рукопашные схватки. И враг не выдержал, оставил населенные пункты Ромашкин, Антонов и Шестаково. Мы взяли в них богатые трофеи: много артиллерии, несколько складов с боеприпасами и продовольствием. Но особую ценность представляли документы штаба разгромленной здесь танковой дивизии фашистов, из которых нам многое стало известно о группировке Манштейна и ее ближайших планах.

В эти дни отличились многие воины бригады. Расскажу о некоторых из них. И в первую очередь о механике-водителе танка Т-34 сержанте А. Толкачеве. Ворвавшись на своей тридцатьчетверке в деревню Шестаково, он тут же раздавил гусеницами противотанковую пушку, а затем огнем из пулемета уничтожил до взвода фашистов. Но врагу все-таки удалось подбить советский танк. Экипаж, за исключением сержанта Толкачева, погиб. И тогда механик-водитель, выскочив из горящей тридцатьчетверки, в рукопашной схватке уничтожил немецкого офицера и двух солдат. Затем, отбив у врага автомашину с прицепленной к ней пушкой, Толкачев сумел завести мотор и вывезти с поля боя тяжелораненых командира роты, заместителя командира роты по политической части, командира взвода и еще троих раненых танкистов из различных экипажей.

А мотострелок сержант Герасимов в ходе уличного боя в Шестаково сумел захватить вражеское противотанковое орудие. Развернув его, гвардеец в одиночку открыл огонь. Уничтожил два дзота и автомашину.

Красноармеец Щепкин в этом же бою уничтожил двух фашистов, расчет противотанкового ружья. А затем подбил из этого же ружья немецкий грузовик.

И подобных примеров мужества и героизма наших гвардейцев можно было бы привести немало.

* * *

А вот лично для меня 26 декабря закончилось трагично. Во время воздушного налета я был тяжело ранен и потерял сознание. Короче говоря, выбыл, к сожалению, из строя.

Очнулся уже на операционном столе. Оставался, видимо, еще в состоянии глубокого шока, ибо воспринимал все происходящее [110] смутно, обрывками. А мне в это время делали операцию под местным наркозом.

Операция оказалась неудачной. Осколок авиационной бомбы, угодив мне в спину, увлек за собой и обрывки шерстяного обмундирования, мелкие косточки раздробленных ребер. Все это застряло в правом легком. Но во время первой операции из-за моего крайне тяжелого состояния не стали извлекать ни осколок бомбы, ни другие инородные тела. Просто зашили разорванное легкое и все.

Чувствовал я себя, естественно, плохо. Приехавший навестить меня заместитель командующего 2-й гвардейской армией Герой Советского Союза генерал Яков Григорьевич Крейзер распорядился немедленно эвакуировать меня в тыловой госпиталь. Делать это надо было срочно, а значит, только самолетом. Но санитарные самолеты Ли-2

из-за опасной воздушной обстановки в зоне боевых действий не летали. Следовательно, рассчитывать приходилось только на У-2.

Не буду описывать все неудобства, которые пришлось испытать при перевозке (ведь транспортировать меня можно было только лежа), скажу лишь, что я все-таки оказался в тыловом госпитале. Здесь доктор медицинских наук, профессор подполковник Оглоблин, бывший заведующий кафедрой хирургии Минского медицинского института, дважды оперировал меня. Но рана на спине тем не менее не заживала. Пришлось делать операцию в третий раз. Наконец-то она прошла успешно. И после семи месяцев лечения, с немалыми мучениями, но я смог все-таки вернуться в строй. Об этом и пойдет речь дальше. [111]

Глава пятая. В крылатой пехоте

Пока я лежал в госпитале, под Сталинградом уже была ликвидирована 330-тысячная группировка врага. Советские войска также нанесли гитлеровцам сокрушительные удары на Среднем Дону, Северном Кавказе, под Великими Луками, Ленинградом, Ржевом, Вязмой. 5 августа 1943 года наши войска, отразив мощное наступление противника и перейдя затем в контрнаступление, освободили города Орел и Белгород. Стратегическая инициатива оказалась теперь полностью в руках советского Верховного Главнокомандования.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина была особо отмечена эта новая выдающаяся победа. Впервые в столице нашей Родины — Москве прогремели залпы артиллерийского салюта в честь доблестных войск, освободивших Орел и Белгород.

В июле 1943 года я наконец-то был выписан из госпиталя и приехал из Саратова в Москву. Поступил в распоряжение Главного управления кадров Народного комиссариата обороны. Побывал на приеме у целого ряда ответственных работников этого управления. Но мою настойчивую просьбу о назначении в действующую армию всякий раз категорически отклоняли, ссылаясь на то, что после столь тяжелого ранения мне необходимо еще окрепнуть. И вдруг предложили, к моему великому удивлению, должность... командира воздушно-десантной бригады. При этом пояснили: бригаде предстоит освоить четырехмесячную программу спецподготовки, поэтому руководство полагает, что за это время мое здоровье окончательно придет в норму.

Все же мои попытки доказать, что я не специалист в этом роде войск и не имею никакой соответствующей подготовки, ни к чему не привели. Мне было сказано, что, имея за плечами опыт первого, самого трудного года войны, да еще и академию Фрунзе, я обязан справиться с новой должностью. А специальную подготовку и технику десантирования, [112] дескать, можно будет освоить и в процессе подготовки всей бригады.

Вскоре меня представили командующему воздушно-десантными войсками Красной Армии генералу А. Г. Капитухину и члену Военного совета генералу П. Г. Громову. Они рассказали мне, что десантные войска являются резервом Ставки Верховного Главнокомандования, к их подготовке предъявляются особенно высокие требования. В заключение подбодрили, пожелали успехов в работе. И я выехал к новому месту службы.

* * *

На следующий день я был уже в небольшом районном городке Московской области, где

проходило формирование теперь уже моей 10-й гвардейской воздушно-десантной бригады. На южной окраине этого райцентра нашел ее штаб.

Кроме суточного наряда, в штабе никого не оказалось, поскольку день был воскресным. Дежурный по штабу встретил меня настороженно. И лишь после тщательной проверки моего удостоверения личности, предписания, подписи на нем командующего войсками, словом убедившись наконец, что я и есть тот самый Харазия, о котором говорится в документах, доложил:

— Товарищ подполковник! Третий парашютно-десантный батальон на тренировочных занятиях. Остальные подразделения на отдыхе. Командир бригады полковник Мачихин тоже отдыхает. Дежурный по штабу бригады помощник начальника оперативного отдела старший лейтенант Смирнов.

Мне понравилась бдительность дежурного. Значит, в части порядок.

Бегло ознакомившись с размещением штабных отделов, я вышел на улицу. И тут мое внимание привлекло весьма интересное зрелище: над восточной окраиной городка парила в небе огромная «колбаса» (так десантники называли аэростат), от которой то и дело отделялись черные точки. Через несколько секунд над каждой из них белым цветком распускался парашют...

В это время находившийся рядом со мной дежурный представил мне подошедшего лейтенанта О. М. Шумского — начальника вещевого снабжения бригады. Это был очень аккуратный и подтянутый офицер, в котором сразу чувствовался четкий исполнитель и хороший распорядитель. Коротко доложив о своей работе, Шумский сообщил, что собственным жилым фондом бригада, к сожалению, не располагает, [113] поэтому мне придется пожить на частной квартире. Добавил; такую квартиру он уже подыскал, так что...

Но на квартиру я решил пока не ехать, а попросил доставить меня к месту прыжков. Подали легковую машину. Со мной поехал О. М. Шумский. Он оказался к тому же и очень любопытным человеком. Едва мы отъехали от штаба, как лейтенант начал засыпать меня вопросами. И первым задал тот, который, видимо, интересовал не только его:

— Товарищ подполковник, а куда денется прежний командир бригады?

— Так ведь полковник Мачихин, как мне известно, занимает должность заместителя командира бригады и исполнял обязанности командира лишь в период его отсутствия, временно, — ответил я. — А теперь, естественно, вновь вернется к исполнению своих непосредственных дел.

— А как же так получается, что командир бригады — подполковник, а его заместитель — полковник? — последовал другой вопрос.

— Пусть это никого не беспокоит, здесь уж мы сами как-нибудь разберемся, — несколько резковато отпарировал я.

— А вы раньше служили в десантных войсках? — несколько не смутившись, продолжал «допрос» мой сопровождающий.

— Кое-какой опыт имеется... — ответил я туманно.

Шумский вроде бы успокоился, во всяком случае замолчал.

На площадке приземления, к моему удивлению, был уже построен весь батальон. Командир батальона зычно скомандовал «Смир-рно!» и доложил:

— Товарищ командир бригады! Третий парашютно-десантный батальон выполняет тренировочные прыжки с аэростата. За время прыжков происшествий не было. Командир батальона майор Жилин.

Я приказал продолжать занятия, добавив, что знакомиться буду с командирами и подразделениями на учебных местах.

— А откуда вам, майор Жилин, известно, что я — командир бригады? — спросил я у несколько задержавшегося комбата.

— Поступило сообщение по радио от дежурного по штабу старшего лейтенанта Смирнова, — ответил он.

Мысленно я оценил постановку службы в бригаде и оперативность связи. Если здесь так быстро и четко на все реагируют, то это очень хорошо. [114]

...Вместе с начальником парашютно-десантной службы бригады капитаном Я. Р. Островским пошли к учебным местам, где проходила специальная подготовка десантников. Начали знакомство с площадок, на которых изучается материальная часть парашютов, правила их укладки, надевания, отработка приемов посадки, отделения от гондолы аэростата, действий при прыжке и приземлении. Затем понаблюдав и прыжки десантников и работу воинов, обслуживающих аэростат. Островский все подробно мне пояснял, а я старался не пропустить ни одного слова. С огромным вниманием изучал весь процесс подготовки к прыжкам и сами прыжки, отнюдь не подавая виду, что вижу все это впервые в жизни.

Понаблюдав за прыжками с аэростата нескольких смен десантников и вроде бы усвоив, как это делается, обратился к Островскому.

— Нет ли у вас уложенного парашюта? Хочу сделать прыжок сам.

— Уложенные парашюты есть, — ответил капитан. — Но существует, товарищ подполковник, правило, согласно которому каждый парашютист в присутствии начальника ПДС подразделения лично укладывает свой парашют и расписывается в правильности его укладки. Только после этого ему разрешается прыжок.

— А есть парашют, уложенный при вас? С вашей подписью?

— Так точно, есть!

— Я вам доверяю, товарищ капитан. Вот с этим парашютом я прыгну, давайте его сюда.

Принесли парашют. Вместе с Островским и его помощником майором Гринбергом сели в гондолу. Аэростат подняли метров на 800. Открыли дверцу гондолы. Первым прыгнул майор Гринберг. Я внимательно следил за всеми его действиями, мысленно повторяя их. Действительно, вроде бы все ясно, просто...

Звучит команда. На этот раз уже для меня:

— Приготовиться!

Я решительно подошел к дверце гондолы, остановился, положив правую руку на вытяжное кольцо парашюта.

— Пошел!

Увы! Никуда я не пошел. Ноги будто приросли к полу гондолы. Первая попытка не удалась. Сработал инстинкт самосохранения. Вот уж не думал, что не хватит духу прыгнуть! Разозлился на самого себя, самолюбие взбунтовалось. [115]

— Подтолкните! — крикнул капитану Островскому.

Тот понимающе кивнул, И тут же я, получив толчок, кубарем полетел вниз.

Запомнил из первых мгновений лишь жуткое ощущение, будто все мои внутренности стремятся вырваться через горло наружу, а в груди — отвратительная холодная пустота. В последующих прыжках я такого уже не испытывал, а тогда, видимо, я был все еще слишком слаб после госпиталя. Недаром же врачи советовали окрепнуть...

Но и в первом прыжке жуткое ощущение было недолгим. Через несколько секунд сильный динамический удар подбросил меня вверх: это раскрылся парашют. Свободное падение прекратилось, самочувствие резко улучшилось. Сажу будто в кресле и медленно, плавно опускаюсь.

Вспомнил, как в детстве, бывало, завидовал парящим в небе орлам. Да и было чему завидовать! Вокруг ведь такая красота! До самого горизонта зелень лугов и лесов, меж них виднеются домики поселков и голубые блюдечки озер. Всего меня переполняют радость и бодрость. Я чувствую прилив свежих сил, желание прыгать еще и еще. Рад, что здоров, что снова в строю, готов к бою!

Приземлился довольно удачно — на вспаханную и заборонованную землю. Будто на перину. Вот так и состоялось мое крещение в крылатой пехоте.

Уже через час вся бригада знала (полагаю, не без участия моего заместителя по политической части подполковника М. К. Дереди), что прибыл новый командир, «опытный десантник», совершивший в первый же час своего прибытия прыжок с аэростата.

Что ж, такие авансы надо было достойно оправдывать. Пришлось приложить немало сил, чтобы быстро освоить десантную подготовку и получить практику в прыжках. И ведь освоил! Через год с небольшим, в ноябре 1944 года, приказом командующего ВДВ мне было присвоено звание инструктора парашютной подготовки Красной Армии.

* * *

Начал знакомиться с бригадой. Численность ее по штату составляла 5800 человек. В бригаду входили управление и штаб, политический отдел, четыре парашютно-десантных батальона численностью по 820 человек. Каждый батальон состоял из трех стрелково-

парашютных, пулеметной и минометной рот, а также роты противотанковых ружей. Был в бригаде и танковый батальон (две танковые роты и рота броневых автомобилей), артиллерийский дивизион [116] (три батареи 76-миллиметровых орудий и батарея 120-миллиметровых минометов), зенитно-артиллерийский дивизион (артбатарея и две пулеметные роты) и истребительно-противотанковый дивизион (четыре батареи 45-миллиметровых орудий и рота противотанковых ружей). И, конечно же, различные специальные подразделения и службы.

На вооружении в бригаде было облегченное стрелковое оружие и пулеметы новейших образцов, усовершенствованные орудия и минометы. Облегченные танки, броневые автомобили и тягачи были также приспособлены к десантированию.

В целом это была довольно мобильная часть, по своей организации и вооружению приспособленная к широкому маневру, самостоятельному и продолжительному ведению боевых действий в тылу противника, в отрыве от своих войск. Техник и вооружением бригада была укомплектована неплохо.

К 15 сентября мы в основном укомплектовались личным составом, а также техникой и вооружением. Недоставало, правда, транспорта и артиллерийских тягачей, ограниченным было и поступление всех видов топлива и масел. Поэтому поначалу старались не применять технику на хозяйственных работах, даже выход десантников к местам тренировок осуществляли, как правило, пешим порядком.

Немалые сложности были со строительными материалами, бытовым топливом, столовой посудой и кухонным инвентарем. Приходилось изыскивать все это, используя даже местные ресурсы.

Рядовым и сержантским составом бригада комплектовалась за счет тщательно отбираемой молодежи в возрасте 18–20 лет. Это были физически развитые, преданные делу партии и Родине юноши. Такой отбор был далеко не случайным. Ведь десантники должны находиться в постоянной готовности к сложным боевым действиям в тылу противника, в отрыве от своих войск, к действиям инициативным, смелым, дерзким и решительным.

Строго в индивидуальном порядке подбирались к нам и офицеры — лучшие из лучших, физически здоровые, с высокими моральными и боевыми качествами.

Заместителем командира бригады вскоре стал (после убийства полковника А. И. Мачихина на другую должность) подполковник К. Я. Звягин. Это был кадровый политработник, с высшим военно-политическим образованием. Имел богатый опыт войны, отмечен двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной [117] Звезды и многими медалями. Оптимист по натуре, умелый руководитель, отважный и бесстрашный в бою, он, переведенный на командную должность, и здесь действовал безукоризненно.

Начальником штаба стал майор Д. С. Ливицкий, офицер с высшим военным образованием и опытом войны, тоже награжденный несколькими орденами и медалями.

1-м парашютно-десантным батальоном командовал капитан У. Х. Хабеков, коммунист, отличный офицер, уже повоевавший, отмеченный высокими правительственными наградами. Он был очень аккуратен, подтянут и строг. Решительный и требовательный командир, Хабеков умело организовывал бой и прекрасно управлял во время него своим подразделением.

Командиром 2-го парашютно-десантного батальона был майор И. Ф. Шукин, тоже член партии, едва ли не с первых дней войны участвовавший в боях. Очень спокойный и выдержанный, он был одинаково требователен и к себе, и к подчиненным.

3-м парашютно-десантным батальоном, как уже упоминалось, первоначально командовал майор А. И. Жилин, прекрасный, очень опытный офицер. К сожалению, во время одного из прыжков он получил травму и должен был госпитализироваться. Его заменил капитан И. А. Говоров, тоже отличный офицер, имевший богатый боевой опыт, храбрый и мужественный человек.

И наконец, 4-й парашютно-десантный батальон сначала возглавлял капитан Ю. В. Стрельников. Но вскоре его сменил капитан Г. А. Калоев. Он, как я потом узнал, сражался в свое время на легендарной Малой земле под Новороссийском, был исключительно смелым и решительным командиром.

Под стать названным товарищам оказались и остальные офицеры 10-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Служить с ними было приятно, но в то же время и исключительно сложно: приходилось и самому, что называется, быть все время на высоте.

* * *

А задачи перед бригадой стояли чрезвычайно серьезные. Программа подготовки десантников была довольно обширной, к тому же существенно отличалась от подготовки стрелковых частей. Ведь помимо строевого слеживания и физической закалки, изучения штатной техники и вооружения, безукоризненного овладения всеми видами боевой [118] подготовки она предусматривала еще и выработку у каждого воина навыков в действиях с парашютом. Десантник должен был уметь прыгать с полной выкладкой, притом в любых условиях погоды, времени суток. Отлично выполнять как одиночные, так и групповые прыжки, знать и умело управлять не только своим парашютом, но и грузовым, используемым для десантирования на землю боевой техники и тяжелого вооружения.

Немало времени и сил уходило и на тактическую подготовку. И еще. Поскольку десанникам предстояло действовать в тылу врага, то им необходимо было не только знать устройство всех видов немецкого оружия и техники, но и уметь ими пользоваться. Словом, мы старались учесть все особенности предстоящих действий во вражеском тылу.

Должен сказать, что общевойсковая подготовка почти не доставляла нам хлопот, ибо подавляющее большинство бойцов и командиров не были новичками в армии. Успешно проходила и специальная наземная подготовка десантников. Но вот когда дело доходило до парашютно-десантных вопросов... Все осложнялось тем, что многие офицеры (и бойцы тоже), как и я, имели о них довольно смутное представление. Поэтому вся тяжесть этого раздела боевой подготовки легла, естественно, на начальников парашютно-десантной службы. А их по штату были лишь считанные единицы — по одному в батальоне, дивизионе и бригаде. Учить же надо было почти весь личный состав. Вот и пришлось нам сначала организовывать обучение офицеров, а уже потом они, под непосредственным контролем начальников парашютно-десантной службы, обучали бойцов своих подразделений. И дела вскоре пошли на лад.

Я не раз вылетал на учебные десантирования, чтобы лично понаблюдать за поведением своих подчиненных. Абсолютное большинство из них во время полета сидят в спокойном раздумье. Некоторые весельчаки даже шутят, напевают свои любимые песни. Но вот

следует команда «Приготовиться». Все встают, каждый берет рукой за карабин парашюта и продвигается вдоль троса к выходному люку. И тут... Сколько раз замечал: у многих слегка бледнеет лицо. Даже у весельчаков. Как же, ведь сейчас — прыжок в бездну!

Очередная команда — «Пошел». Один за другим, причем большинство с закрытыми глазами — от ветра, что ли? — десантники начинают отделяться от самолета. И... Представляю, как воздушная струя подхватывает и бросает их вниз и несколько назад. И сразу же начинается свободное [119] падение. Оно длится недолго, ибо в данном случае парашют раскрывается принудительно.

С раскрытием парашюта настроение десантника меняется: он ощущает прилив необыкновенной бодрости, уверенности в себе. Приземляясь, полон решимости вступить в схватку с врагом. И победить! Ибо секундами назад он победил самого себя. А это тоже трудно.

* * *

Итак, наша боевая учеба шла успешно. На стрельбищах не стихал грохот выстрелов, небо над площадкой приземления весь светлый период суток пятнали купола раскрытых парашютов. Занимались мы без выходных дней. На успешный ход боевой подготовки очень положительно влияло то обстоятельство, что бригада напрямую подчинялась командованию воздушно-десантных войск (без промежуточного дивизионного и корпусного звена). Поэтому руководство нами осуществлялось весьма оперативно.

Но если с боевой учебой дела у нас обстояли нормально, то вот в материально-техническом обеспечении все еще имелись существенные недостатки. Дело в том, что срок нашей боевой подготовки истекал 1 января. И уже надвигались холода. Естественно, встала серьезная проблема: где разместить личный состав на зиму. Ведь летом десантники жили в палатках да в старых землянках, доставшихся нам по наследству от каких-то стоявших здесь ранее воинских частей. Но все эти прибежища совершенно не годились для проживания в них в суровых зимних условиях. Еще раз самым внимательным образом изучив состояние дел, мы решили обратиться за помощью непосредственно к командующему воздушно-десантными войсками. Просьба была одна: разрешить нам строительство зимнего лагеря в помощь стройматериалами, поскольку окрестный лес находился в запретной зоне водоохраны.

В стройматериалах нам отказали. И порекомендовали с наступлением холодов разместить личный состав в близлежащих населенных пунктах. С этим мы конечно же согласиться не могли. Расселение личного состава по частным домам не только расшатало бы дисциплину, но и резко снизило бы управление частью.

С нашими доводами согласились, но... Короче говоря, дали «добро» на строительство своими силами и средствами.

Посоветовавшись с инженером бригады Ю. А. Баталиным и командиром саперно-подрывной роты старшим лейтенантом [120] Н. Я. Кофаном, я пришел к решению начать строительство полуземляных помещений. Меньше потребуется дефицитного стройматериала.

И дело закипело. Были сформированы специализированные бригады: каменщиков, плотников, столяров, электриков. На время строительства их освободили от боевой

подготовки. Остальной же личный состав продолжал занятия по плану и лишь в неучебное время привлекался к черновым работам — разравниванию площадок, корчеванию пней, подготовке котлованов.

Материалов, конечно же, не хватало. Но тут на помощь пришла сама стихия: сильнейшей бурей повалило в лесу много деревьев, и нам разрешили провести санитарную уборку в нем.

Ну а строительный инструмент, гвозди, кирпич для печей нам помогал добывать весь район. Местные власти, жители дали нам все, что могли.

К 15 октября основные работы были завершены. Личный состав получил наконец теплое жилье. И надо сказать, что это самым благотворным образом сказалось на всем. Улучшилось состояние воинской дисциплины, четко стали проходить гарнизонная и караульная службы. С новым размахом развернулась и боевая учеба — наши специалисты-строители наверстывали упущенное.

В те дни мы шутили, что начинаем, мол, забывать даже цвет неба, ибо от зари до зари его заслоняли купола парашютов.

В самый напряженный период нашей подготовки, примерно в середине декабря, началось формирование штаба 15-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Начальником его стал полковник Г. Н. Лехман. В состав же дивизии предполагалось включить 9-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду полковника А. С. Бондаренко, нашу 10-ю гвардейскую и 12-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду полковника С. И. Кукса.

В командование дивизией вступил генерал-майор В. А. Лещинин, бывший до этого командиром 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Того самого соединения, которое в свое время держало оборону завода «Красный Октябрь» в Сталинграде. Все названные перемены нас конечно же радовали. Мы расценивали их как приближение срока отправки на фронт.

Ну а пока мы с большим подъемом провели ротные и батальонные учения с десантированием и боевой стрельбой, за которые личный состав бригады заслужил высокую [121] оценку командования. На этом наш курс обучения и был полностью закончен.

Правда, по завершении формирования штаба дивизии с нами провели несколько командно-штабных учений на местности со средствами связи. И мы стали ждать приказа уже на боевое десантирование.

* * *

Однако нашим надеждам не суждено было сбыться. В конце января 1944 года вместо так долго ожидаемого нами приказа на десантирование в тыл противника поступило распоряжение... о переформировании 15-й гвардейской воздушно-десантной дивизии в 100-ю гвардейскую стрелковую дивизию и включении ее в состав 37-го гвардейского стрелкового корпуса. Вот это повоевали в крылатой пехоте!

Сроки на переформирование были выделены очень ограниченные. Наши 9, 10 и 12-я гвардейские воздушно-десантные бригады становились соответственно 298, 301 и 304-м гвардейскими стрелковыми полками. Больше того, в каждом стрелковом полку оставалось

лишь по три батальона (вместо четырех, как было в бригаде), перестраивались и артиллерийские, танковые подразделения.

Командный состав во вновь формируемых частях и подразделениях остался в основном прежним, из наших воздушно-десантных бригад. Но многие из офицеров оказались пониженными в должности. Правда, никто не воспринял это как личную обиду.

Дивизия тут же начала получать новейшую боевую технику — артиллерию, самоходно-артиллерийские установки, тягачи, автомобили, автоматическое стрелковое оружие. Снова встала задача слаживания всех частей и подразделений, изучения новой техники.

Как нам стало известно, в эти же дни из целого ряда других гвардейских воздушно-десантных бригад начал формироваться 37-й гвардейский стрелковый корпус. Его командиром был назначен генерал-лейтенант П. В. Миронов. Это был заслуженный боевой генерал, участник еще гражданской войны и с первых же дней — Великой Отечественной. Грудь П. В. Миронова украшали орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды, Кутузова II степени, многие медали, а также английский орден «Крест за боевые заслуги».

В 37-й гвардейский стрелковый корпус кроме нашей 100-й вошли еще и 98-я гвардейская стрелковая дивизия полковника К. Н. Виндушева, 99-я гвардейская стрелковая [122] дивизия полковника И. И. Блажевича, 1-я гвардейская артиллерийская бригада, 70-й танковый полк и другие части.

И сразу же развернулась боевая подготовка. Мы учились прорывать подготовленную оборону противника, вести бой в крупных населенных пунктах, форсировать водные преграды. Особое внимание уделялось организации взаимодействия пехоты с артиллерией, танками и авиацией.

Первое полковое учение (с моим 301-м гвардейским стрелковым полком) провел сам командир корпуса генерал-лейтенант П. В. Миронов. Мы совершили для начала ночной марш и заняли в заданном районе исходное положение для наступления. Почти одновременно сюда же прибыли артиллерийский полк, саперная рота и другие подразделения нашего усиления. Наутро, после организации учебного боя, во время которого были отработаны вопросы взаимодействия, полк совершил прорыв подготовленной обороны «противника». А к вечеру, отразив его контратаку, сам перешел к обороне.

Затем состоялся разбор учения. На него были приглашены все офицеры от командиров рот и выше. Выступил командир корпуса. П. В. Миронов со знанием дела, довольно тщательно проанализировал весь ход учения. Отметил выносливость личного состава полка, его физическую закалку, умение действовать в самых сложных условиях. В заключение за успешные действия комкор объявил всему личному составу полка благодарность.

В марте состоялись уже дивизионные учения. Ими снова руководил командир корпуса. Все полки были подняты по тревоге, совершили 25-километровый ночной марш и сосредоточились в одном из населенных пунктов. Отсюда нам предстояло прорывать глубоко эшелонированную оборону «противника», затем преследовать его при отходе, отражая возможные контратаки.

Оборона «противника» была обозначена как реальными войсками, так и мишенной

обстановкой. Огонь с обеих сторон имитировался холостыми артвыстрелами и взрывами толовых шашек. Все тщательно продумано, обстановка создана под стать настоящей боевой.

Учения начались со смены ранее действовавших на данном рубеже частей. А затем еще день посвящен выработке решения на наступление, постановке задач и организации взаимодействия во всех звеньях управления.

Особенно много внимания уделялось организации взаимодействия различных родов войск. Пехота, артиллерия, танки, авиация и инженерные части увязывали свои действия [123] по времени, месту и цели. Непрерывно совершенствовалась оборона.

В последующие двое суток мы прорывали многополосную, сильно укрепленную оборону «противника», отражали его сильнейшие контратаки. Учения прошли в напряженной обстановке и весьма поучительно. На их разборе дивизия получила положительную оценку командования.

* * *

Но самый сложный экзамен воинам нашего соединения пришлось держать во второй половине апреля: с завершением ледохода на Москве-реке были проведены дивизионные учения с форсированием этой водной преграды.

В отличие от прошлых учений войска теперь не поднимались по тревоге. Подготовка к ним проводилась заблаговременно; состоялись специальные занятия, готовились переправочные средства, организовывалась инженерная разведка нужного нам участка реки.

Командир корпуса на эти учения привез с собой посреднический аппарат — при нашем комдиве находился командир 99-й гвардейской стрелковой дивизии полковник И. И. Блажевич, а в полках — командиры полков этой же дивизии.

Получив приказ занять исходное положение по восточному берегу Москвы-реки, мы два первых дня посвятили выработке решения на форсирование водной преграды и последующий прорыв подготовленной обороны «противника». При этом подготовили и новый документ — плановую таблицу форсирования реки, с приложением к ней схемы организации комендантской службы и службы регулирования на пунктах переправ.

Наутро третьего дня после мощной артиллерийской и авиационной подготовки началось форсирование Москвы-реки. В целях маскировки переправы мы поставили дымовую завесу. Но изменившийся ветер сыграл с нами злую шутку: весь дым пошел на наши войска, ослепляя их. Однако это не остановило воинов: темпы форсирования нарастали, бой за захваченный плацдарм развивался успешно, и уже через 40 минут саперы приступили к наведению моста. Через три часа по нему пошли боевая техника и транспорт с боеприпасами и горючим.

Комдив все время наращивал силы, плацдарм был расширен, а затем и прорвана оборона «противника». Создались благоприятные условия для дальнейшего развития наступления. К чему полки и приступили. Еще целые сутки [124] мы теснили «противника», отбивали его контратаки. А потом нам был дан отбой.

Итак, все учения закончились. Они прошли успешно. Казалось бы, мы уже готовы к боям.

Но нас все еще держали в тылу...

Конец томительному ожиданию пришел 5 июня 1944 года. В этот день нам объявили: готовиться к погрузке в эшелоны. Значит, на фронт. Но на какой? Об этом — ни слова.

И вот уже снова проплывают мимо станции и полустанки. Останавливаемся только для смены паровозов да раздачи горячей пищи. Казалось, что и вагонные колеса стучат в такт нашим сердцам: «Ско-ре-е, ско-ре-е, ско-ре-е...»

Промелькнула и осталась позади Вологда. И только теперь стало ясно — едем на север. Значит, на Карельский фронт. [125]

Глава шестая. Гранит Карелии

Наш корпус выгрузился на железнодорожных станциях Паша и Оять. 100-я гвардейская стрелковая дивизия заняла район в лесах северо-западнее Никоновщины. Здесь же было развернуто и управление корпуса.

Каким образом мы попали на Карельский фронт, мне стало известно гораздо позднее, уже после войны, когда вышли в свет мемуары бывшего командующего этим фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова. Вот что он писал в своей книге: «Войскам была поставлена задача разбить свирско-петрозаводскую группировку противника и форсировать свирский водный рубеж. 9 июня мы с Т. Ф. Штыковым (членом Военного совета фронта. — Авт.) были вызваны в Кремль. И. В. Сталин сказал нам, что ленинградцы должны прорвать линию финской обороны, но им необходимо помочь. С этой целью от Карельского фронта требовалось срочно разбить свирско-сортавальскую вражескую группу войск...

Тут я стал настойчиво просить еще стрелковый корпус для развития прорыва. Однако А. М. Василевский и Г. К. Жуков категорически возражали. Обсуждение прекратилось. Вскоре А. М. Василевский и Г. К. Жуков ушли, а меня и Т. Ф. Штыкова И. В. Сталин пригласил посмотреть салют в честь Ленинградского фронта. Когда после салюта мы прощались, Верховный Главнокомандующий сказал мне на ухо: «Я дополнительно выделю вам тот стрелковый корпус, который вы просили»{9}.

Этим-то «дополнительным» и оказался наш 37-й гвардейский стрелковый корпус, и мы уже через шесть суток были на Карельском фронте. [126]

Прибыли сюда за несколько дней до начала боевых действий. Поэтому имели некоторое время для ознакомления с обстановкой и подготовки к операции.

Три года финны укрепляли свои рубежи, занятые ими еще в 1941 году. Линия Карельского фронта протяженностью более тысячи километров — от холодных вод Баренцева моря до берегов Ладоги — проходила по тундре, затем по скалистой местности, покрытой лесными массивами с многочисленными холодными и быстрыми реками, глубокими озерами и топкими болотами. Населения в этих местах почти не было, дорожная сеть развита очень слабо. И это чрезвычайно осложняло какой-либо маневр войск, не говоря уже о перемещении тяжелой боевой техники.

Все это конечно же способствовало еще большему усилению обороны противника. Здесь враг имел свирскую оборонительную полосу с предмостными укреплениями у гидроузла

Свирь-3 (с плотинной высотой 18 метров и запасом воды 125 млн. куб. метров) и у Подпорожья, петрозаводско-видлицкий оборонительный рубеж и рубеж по линии Поросозеро, Суоярви, Салми. Главную же роль играла свирская полоса 30-километровой глубины с олонекским укрепленным районом, которую и предстояло, как вскоре стало известно, прорывать нам, то есть 37-му гвардейскому стрелковому корпусу.

Тактическая же зона обороны финнов состояла из двух рубежей. Первый проходил по реке Свирь, второй — по линии Самбатукса, Мегрега. Кроме того, здесь было множество промежуточных оборонительных полос, для которых противник умело использовал тактически выгодные условия местности — водные преграды, высоты, болота, межболотные дефиле и т. д. Инженерные сооружения на оборонительных линиях, промежуточных рубежах и в опорных пунктах были в основном однотипными: как правило, состояли из траншей полного профиля в две-три линии с развитой системой ходов сообщения, проволочных заграждений в три, а местами и в четыре кола, дополняемых деревянными, а на танкоопасных участках — гранитными надолбами. Местность пересекали противотанковые рвы, перед передним краем обороны и во всей ее глубине было множество минных полей. И кругом — доты, дзоты, бронеколпаки, лесные завалы.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков в своих воспоминаниях отмечает еще и следующее: «...наши военинженеры подсчитали после боя, что на один километр фронта плотность обороны составляла здесь более 30 пулеметных [127] и минометных точек, 70 стрелковых ячеек, 10 дзотов и 7 бронеколпаков. Были видны сплошные траншеи для пехоты со сферическими железобетонными убежищами. На основных направлениях было построено до 10 железобетонных боевых сооружений. Противотанковые препятствия поражали умелым рассредоточением и применением к местности, высоким качеством сооружений. Сравнивая эту оборонительную полосу с линией Маннергейма, я пришел к выводу, что они были равны по мощи, но свирская полоса оказалась лучше приспособленной к сопротивлению современным средствам разрушения, так как здесь была выше плотность железобетонных боевых сооружений» {10}.

Основные узлы оборонялись гарнизонами до двух батальонов пехоты в каждом. Причем их поддерживали две-три артиллерийские и такое же количество минометных батарей, а с флангов, как правило, еще и прикрывали группы автоматчиков. В населенных пунктах большинство строений было заминировано и подготовлено к взрыву. Труднопроходимая лесистая и болотистая местность, повторяю, многократно усиливала всю эту систему обороны.

Естественно, во всех подробностях мы этого тогда не знали, но отлично понимали всю серьезность предстоящей операции, поэтому не жалели ни сил, ни времени для подготовки к ней.

* * *

Итак, мы без промедления приступили к подготовке операции. Личный состав днем и ночью учился действовать в условиях труднопроходимой лесисто-болотистой местности, преодолевая при этом многочисленные водные преграды. Вот уж когда добрым словом вспомнили наше предусмотрительное командование, по приказанию которого мы совсем недавно проводили учения с форсированием Москвы-реки! Так что в этом деле у нас уже имелись некоторые навыки.

Особое внимание мы уделяли действиям групп захвата и штурмовых отрядов, а также

взаимодействию стрелковых частей и подразделений с приданными и поддерживающими их силами и средствами других родов войск.

Занятия, как правило, проходили на местности, близкой к той, на которой нам в дальнейшем предстояло действовать. И это весьма положительно сказывалось на подготовленности всех частей корпуса к предстоящему форсированию Свири и прорыву сильной обороны противника. [128]

Но перед этим командование решило провести тактическое учение с боевой стрельбой 304-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии. На подготовку к нему ушло два дня — 14 и 15 июня. Тема учения была: «Атака усиленным стрелковым полком укрепленного района и бой в глубине обороны».

Руководил учением сам командир дивизии генерал-майор В. А. Лещинин. 304-й полк усиливался артиллерийским полком (составлявшим полковую артиллерийскую группу), истребительно-противотанковой батареей, танковым батальоном, ротой самоходно-артиллерийских установок СУ-152 и саперной ротой.

Оборона «противника» была построена по типу финских укрепленных районов, с обозначением дотов и дзотов, соединенных траншеями, опутанных колючей проволокой и заминированных. Подступы к опорным пунктам были заболочены, фланги тоже упирались в непроходимые болота.

Мне на этом учении выпало быть старшим посредником при командире 304-го гвардейского стрелкового полка подполковника С. И. Куксе, а моим командирам батальонов соответственно — при комбатах этого полка.

В день начала учения войска заняли исходное положение для атаки и тщательно замаскировались. На поле предстоящего «боя» не было видно никаких признаков жизни. Лишь на наблюдательном пункте командира полковой артиллерийской группы подполковника Д. В. Вержховского изредка будто бы из-под земли вырастали окуляры стереотрубы и тут же исчезали.

В назначенный час появились автомобили — прибыли командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков, член Военного совета генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков, командующий 7-й армией генерал-лейтенант А. Н. Крутиков, командир 37-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант П. В. Миронов и с ними большая группа других генералов и офицеров. Командующий фронтом принял доклад руководителя учения, изучил оборону «противника», а также осмотрел исходные позиции для наступления полка.

— Как вы оцениваете оборону «противника»? — спросил К. А. Мерецков командира 304-го гвардейского стрелкового полка. — И как намерены ее прорывать?

Подполковник С. И. Кукс подробно доложил о характере обороны, высказал свое решение на бой. Командующий слушал внимательно и Одобрительно кивал головой.

— А как решили провести артподготовку? — задал он очередной вопрос. [129]

— График артподготовки составлен, товарищ командующий. И орудия и танки дадут огонь прямой наводкой, чтобы разрушить и подавить огневые точки «противника». А с началом атаки будем сопровождать пехоту огненным валом. Боеприпасов для этого

выделено достаточно, — ответил С. И. Кукс.

К. А. Мерецков буквально в деталях разобрал план «боя», порядок ведения огня, состав штурмовых групп и их задачи. Затем был вызван командир одного из штурмовых отрядов. Генерал К. А. Мерецков устроил ему настоящий экзамен. И ответы последнего, видимо, удовлетворили командующего.

Затем К. А. Мерецков прошел по траншеям, побеседовал с бойцами и командирами. И учение началось.

Вначале, как и было запланировано, мы провели мощную артиллерийскую подготовку. Более получаса били орудия, все вокруг содрогалось от разрывов снарядов, в воздух взлетали груды земли, обломки деревьев и дзотов. Над обороной «противника» встало непроницаемое облако из дыма и огня, все там горело и рушилось.

И вот вперед рванулись танки и САУ непосредственной поддержки пехоты. За ними поднялись густые цепи стрелков. Артиллерия тут же перенесла огонь в глубину обороны «противника», а, затем начала сопровождать нашу атаку двойным огневым валом.

По проходам, сделанным саперами еще в период артиллерийской подготовки, танки, САУ и пехота преодолели минные поля и проволочные заграждения, приблизились к первой линии траншей «противника». Любо было смотреть, как наши гвардейцы на штыках лихо выбрасывали из траншей чучела, обозначающие вражеских солдат, а штурмовые Группы блокировали доты и дзоты, поочередно гася их огонь. Затем дважды были отражены контратаки «противника», обозначавшегося мишенями, которые на длинных тросах буксировали за собой танки.

Короче говоря, учение прошло с большим напряжением, в обстановке, максимально приближенной к боевой. Личный состав показал высокое мастерство и слаженность. Командующий фронтом К. А. Мерецков выразил удовлетворение проведенным учением, дал высокую оценку его результатам, а всем участникам объявил благодарность.

* * *

И вот наступил долгожданный день. Мы вступаем наконец в бой. Корпусу приказано 21 июня в 12 часов 12 минут [130] форсировать реку Свирь на участке 6 километров и захватить плацдарм на ее противоположном берегу. В дальнейшем развивать наступление на город Олонец, освободить его и выйти на рубеж Усланка, Бол. Наволок, Мегроозеро, Мал. Сельга, Нурмолица{11}.

Для обеспечения прорыва корпус усиливался артиллерийской дивизией, двумя артполками, гвардейской минометной бригадой, двумя самоходно-артиллерийскими полками и пятью минометными полками, в том числе полком с установками М-8 и полком М-13. Такое усиление в совокупности со штатной артиллерией позволяло нам создать плотность в среднем до 164 стволов на километр прорыва, а на главном направлении — даже 275 стволов.

Основными переправочными средствами у нас были лодки, изготовленные своими же силами. Но количество их позволяло осуществить единовременную переброску на противоположный берег целого стрелкового полка. Правда, без средств усиления, то есть тяжелого оружия.

Итак, исходя из задачи, поставленной командиром 37-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенантом П. В. Мироновым, предстояло форсировать реку Свирь на участке Мирошкиничи, Канома, прорвать здесь оборону противника, которую держали части 5-й пехотной дивизии финнов, в последующем нанося главный удар в направлении на Кондуши, Олонец. Эту задачу выполняли 98-я и 100-я гвардейские стрелковые дивизии при поддержке танкового полка, механизированного батальона, двух артиллерийских полков и инженерно-штурмового батальона. Им также придавались 7-я артиллерийская дивизия прорыва и смешанная авиационная дивизия.

Вспомогательный удар предполагалось нанести силами 99-й гвардейской стрелковой дивизии, танкового полка амфибий, минометным и артиллерийским полком в общем направлении на Ср. Мандроги. Они должны были ударами по флангам и тылу измотать противника на северном берегу реки и овладеть гидроузлом Свирь-3.

Была создана и подвижная группа войск в составе танковой бригады, самоходно-артиллерийского полка, механизированного, инженерно-штурмового и двух стрелковых батальонов. Ей ставилась задача развить осуществленный дивизиями прорыв в направлении на Ковдуши, Олонец, уничтожить ближайшие резервы противника и освободить Олонец. [131]

Надо сказать, что река Свирь являлась довольно серьезным препятствием: в этот период еще продолжалось весеннее половодье, из-за чего ширина реки достигала 500 и более метров, а глубина местами — свыше 10 метров. Это вынуждало нас составлять точные расчеты форсирования, а также выделять резерв переправочных средств.

Боевой порядок корпуса строился в два эшелона. Для форсирования же Свири построение первого из них предусматривало создание группы захвата противоположного берега и обеспечения форсирования реки первым эшелоном. Ее силы — два батальона от 98-й гвардейской стрелковой дивизии и два батальона с усиленной ротой от 99-й. В первый эшелон форсирования от 98-й дивизии назначались два батальона и от 99-й гвардейской стрелковой три батальона. Главные же силы составляли пять стрелковых батальонов от 98-й и четыре батальона (без одной роты) от 99-й гвардейской стрелковой дивизии.

Дивизиям были поставлены следующие задачи: 99-й гвардейской стрелковой с приданными частями усиления форсировать Свирь на правом фланге корпуса, на участке Мирошкиничи, совхоз «Полевой», и захватить плацдарм на противоположном берегу реки. После чего, взламывая оборону противника, овладеть поселком и гидроузлом Свирь-3, развивать наступление на Ср. Мандроги и к исходу дня овладеть поселком № 5 и левее его — бараками.

98-я гвардейская стрелковая дивизия с частями усиления должна была форсировать реку на участке совхоз «Полевой», Канома, обеспечить захват плацдарма и, развивая наступление в северо-западном направлении, во взаимодействии с некоторыми частями нашей 100-й гвардейской стрелковой дивизии и танками подвижной группы овладеть Заручьями и Ниж. Подолом. К исходу дня выйти на рубеж отметки 28,2, Утозеро.

100-й гвардейской стрелковой дивизии надлежало форсировать Свирь вслед за 98-й дивизией, наступать во втором эшелоне корпуса в направлении на Кондуши. С выходом же частей 98-й гвардейской стрелковой дивизии на рубеж Вехозеро, Пригон-болото продолжать наступление уже в первом эшелоне корпуса. Ближайшая задача — во взаимодействии с 98-й гвардейской овладеть рубежом отметка 85,4, Порфиевская, а к исходу дня быть уже на рубеже Янгера, Карельская.

Подвижная группа корпуса имела задачу форсировать Свирь на участке северо-западная окраина Лодейного Поля, Канома, с последующим выходом на рубеж Назарьевская, [132] отметка 50,5. Отсюда атаковать и уничтожить противника в районе Кондуши и, преследуя его, освободить город Олонец, удерживая его затем до подхода других частей корпуса.

Всем войскам было приказано произвести тщательную маскировку исходных рубежей и подходов к реке, одновременно обозначив активность в местах ложных переправ.

А поздно вечером 20 июня командир корпуса отдал командирам дивизий последние распоряжения о сосредоточении к 6 часам утра разведывательных батальонов, групп инженерной разведки и штурмовых групп первого эшелона, а также переправочных средств на исходном рубеже. Приближался решающий момент.

* * *

Тихо светилась трепетная белая ночь. Холодно поблескивала широко разлившаяся Свирь.

Говорят, что каждая ночь перед боем — особенная. И это верно. Вот и сейчас в лесу, на берегах реки, сплошь забитых людьми и боевой техникой, стояла чуткая, настороженная тишина.

Только что уехал от нас командир корпуса. Не выдержал, все-таки побывал в ночь перед форсированием в дивизии. Ходил по подразделениям, беседовал с бойцами и командирами, давал советы, как вести себя на воде, при захвате плацдарма.

Офицеры штаба и политотдела дивизии сейчас уже в полках. Оказывают там командирам помощь, осуществляют контроль за выходом подразделений на исходные рубежи, мобилизуют коммунистов и комсомольцев на обеспечение авангардной роли в предстоящем форсировании реки.

К утру пал туман. За рекой, на вражеском берегу, все же угадывалась полоса притихшего бора. Казалось, там все вымерло.

Около 6 часов утра саперы начали проделывать проходы в минных полях на нашем берегу. Туман, бывший им союзником, неожиданно стал рассеиваться. И тогда по саперам с противоположного берега ударили вражеские снайперы. Появились первые жертвы. Потом опять все смолкло.

Но вот настороженную тишину разорвал могучий гул. В небе показались волны наших бомбардировщиков. А в 8 часов 10 минут к гулу самолетов прибавился еще и гром артиллерийской канонады. Так 21 июня 1944 года началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция по освобождению Южной Карелии. [133]

Артиллерийская и авиационная подготовка продолжалась 3 часа 52 минуты. Из 1600 орудий и минометов, выставленных на главном направлении прорыва, на врага сыпались сотни тонн смертоносного металла. В тактической зоне обороны противника, на противоположном берегу Свири, все буквально было перепаханно снарядами и бомбами.

Особенно сильное впечатление на всех нас произвел пуск реактивных снарядов, так называемых «андрюш». Их выделили нам для обеспечения прорыва мощной обороны

врага немалое количество. Они устанавливались на позициях по всему фронту прорыва, в несколько рядов, в шахматном порядке и прямо в деревянных каркасах. Пуск производился с помощью электрических запалов по разработанному графику: залпом снарядов одного ряда. И вот, сотрясая окрестности мощной волной от взрыва пусковых устройств, эти снаряды медленно поднимались вверх, разворачивались в небе и ложились на расчетную траекторию, все время набирая скорость и обгоняя друг друга в полете. Достигнув заданной дальности, они разворачивались теперь уже к земле. И там, где они падали, поднимались огромные всплески взрывов.

Зрелище это было потрясающим. Казалось, в вышине непрерывно грохочет яростный гром, десятки ослепительных молний расчерчивают небо и впадают в землю. От этих ударов трескается земля, а из трещин взмывается вверх огненное пламя, сокрушая все вокруг себя.

Вспоминая эту артподготовку, бывший минометчик красноармеец А. Г. Жуков писал мне уже после войны:

«Задача нашей роты состояла в том, чтобы снести проволочный забор на противоположном берегу Свири и обеспечить через него проход. С началом артподготовки мы тоже открыли минометный огонь. Стало шумно — одновременно стреляло много орудий, минометов, танков, самоходок. Наносила удары и авиация. Противоположный берег был весь в дыму, пыли и зареве, земля содрогалась от разрывов. Позади нашей позиции висел в воздухе аэростат — корректировщик огня. Вдруг из-за облаков вынырнул финский самолет и дал по нему несколько очередей. Аэростат начал падать. Мы с болью в сердце следили за ним. Корректировщик выбросился из кабины на парашюте. И почти тут же в воздух взмыл новый аэростат. «Ура-а!» — радостно закричали минометчики.

Командир нашей роты старший лейтенант И. Д. Тишков был ранен, но оставался в строю. С большим напряжением [134] мы отстреляли все эти 3 часа 52 минуты. Снесли проволочный забор, проложили через него дорогу своей пехоте и танкам. Наконец артиллерийская подготовка закончилась. Справа от нас саперы уже наводили понтонный мост».

От себя добавлю вот еще что. За 15 минут до конца артиллерийской подготовки двенадцать воинов из 300-го полка 99-й дивизии и четверо из 296-го полка 98-й дивизии начали с чучелами на плотах и лодках демонстративную переправу, вызывая на себя огонь не подавленных еще огневых точек противника. Хитрость удалась. Все ожившие огневые точки врага были тут же засечены и уничтожены. А шестнадцать гвардейцев тем временем достигли противоположного берега и завязали там бой. Всем им позднее было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

* * *

Под прикрытием артиллерийского огня вскоре начала форсирование реки группа захвата и обеспечения переправы. В 11 часов 45 минут она была уже на противоположном берегу. Входящие в группу батальоны с ходу ворвались в первую линию траншей противника и, ломая его сопротивление, начали продвигаться вперед.

Враг отчаянно огрызался. Из района Паркиничи по подразделениям группы захвата ударили было несколько оживших артиллерийских и минометных батарей. Но их тут же заставили замолчать наши артиллеристы и авиаторы.

К 14 часам главные силы первого эшелона уже захватили плацдарм, обеспечив тем самым

возможность для общего наступления.

Вместе с пехотой на противоположный берег переправлялись и саперы. В числе первых были воины из 114-го отдельного саперного батальона нашей дивизии Ю. Калашников, В. Степной, С. Плотников, Л. Чаусов, М. Ярославцев, А. Вторушин и В. Гордиенко. Командовал ими бесстрашный офицер старший лейтенант Н. Кофан.

Остальные же саперы этого батальона вместе с приданным понтонным батальоном уже через полтора часа после окончания артподготовки сумели навести понтонную переправу, по которой тут же пошла боевая техника.

Мой полк вместе с приданными ему пушечным дивизионом из 243-го арtpолка, батареей 107-го противотанкового дивизиона, ротой танков и САУ форсировали Свирь в первом эшелоне дивизии. Нашему взору предстала потрясающая картина. Все вокруг горит и дымится. Вражеская оборона от реки километров на пять в глубину изрыта бомбами [135] и снарядами. Орудия и минометы, исковерканные и обгоревшие, валяются на своих огневых позициях. Траншеи и ходы сообщения разрушены. Немногие оставшиеся в живых солдаты и офицеры противника настолько потрясены, что лишились способности к какому бы то ни было сопротивлению. Стоят с поднятыми руками и трясутся.

Траншеи буквально завалены телами вражеских солдат и офицеров. А в дотах, к нашему немалому удивлению, мы обнаружили трупы солдат противника, на которых не было никаких следов ранений. Но все — синие. Их поубивало взрывной волной от наших реактивных снарядов, которая проникала через амбразуры в доты.

Да, результат артиллерийской подготовки был потрясающим. Достаточно сказать, что войска первого эшелона, высадившись на довольно сильно укрепленный до этого врагом берег, почти беспрепятственно прошли полосу его обороны глубиной до пяти километров. Противник был подавлен и деморализован. Какое уж тут сопротивление!

Наш полк, форсировав Свирь, двинулся было в сторону населенного пункта Порфиевская. Но вскоре вынужден был остановиться. Единственная имевшаяся здесь дорога оказалась сплошь забитой боевой техникой и транспортом подвижной группы корпуса. Эта группа переправилась через Свирь гораздо раньше нас и должна была, пройдя через боевые порядки первого эшелона корпуса, уйти в тыл врага. Но сделать ей этого не удалось. Танки засели в болоте, машины тоже стали, запрудив дорогу.

Нашему полку не оставалось ничего другого, как начать искать окольные пути. А какие здесь пути! Пришлось по колено, а то и выше в болотной жиже, а затем еще и через скалы и валуны буквально тащить на себе боевую технику и боеприпасы, стремясь все же выйти на заданный рубеж. Теперь уже — к рубежу Назарьевская, Пустошь, где в это время 299-й гвардейский стрелковый полк 98-й дивизии вел тяжелые бои за опорный пункт врага в Назарьевской. Ему нужно было помочь.

И все-таки мы преодолели топи! Выйдя в район Назарьевской, я отыскал КП 299-го полка. Там, как оказалось, находился и командир корпуса генерал-лейтенант П. В. Миронов. Я представился ему, доложил о поставленной полку задаче. Комкор внимательно выслушал, похвалил:

— Молодцы, что все-таки прибыли! Но к делу. Ваша задача — во взаимодействии с 299-м гвардейским стрелковым полком овладеть этим опорным пунктом, — генерал [136] кивнул туда, где гремел бой. — Затем вести наступление на Карельскую. Все ясно?

Не буду вдаваться в подробности этого боя. Скажу лишь, что мы помогли 299-му полку выполнить его задачу, после чего повернули на северо-запад. И 23 июня были уже в окрестностях Карельской.

* * *

Сначала мы хотели атаковать Карельскую обходным маневром с запада и востока, а танковым десантом — с юга. Но сделать этого нам не удалось. Пришлось готовиться к повторной атаке.

А это было труднее, ибо мы уже не имели фактора внезапности. Враг знал о присутствии у Карельской советских войск, примерно представлял их силы и, естественно, принимал все возможные меры для отражения последующих атак.

Мы же его силы и систему обороны представляли смутно. Как ликвидировать этот пробел?

В качестве ответа приведу следующее свидетельство командира минометной батареи 301-го гвардейского стрелкового полка старшего лейтенанта П. Я. Каморного. Он вспоминает: «Батарея прямо с марша подошла к переднему краю обороны противника. Личный состав был утомлен. Я надеялся на передышку, но тут подошел капитан В. К. Панкратов. — Немедленно разворачивайтесь! — приказал он. — Видите высоту с траншеей? Там пулеметы, которые прикрывают подходы к обороне финнов. Быстро их подавить! Батарея развернулась и открыла беглый огонь. А под его прикрытием взвод наших автоматчиков ворвался в одну из траншей, в рукопашной схватке уничтожил до трех десятков солдат противника, затем отошел, приведя с собой двоих пленных. Они-то и дали показания о системе обороны Карельской».

Да, именно эта разведка боем и помогла нам установить, что опорный пункт Карельская включает в систему своей обороны целых шесть населенных пунктов. В их числе Филипповскую, Чудову Гору, Попово, Лутково, Климово и саму Карельскую. Все эти пункты располагаются на высотах, что обеспечивает врагу отличный обзор. Местность здесь на глубину до трех километров открытая.

Сама оборона состоит из трех линий траншей полного профиля с открытыми огневыми позициями. Имеется множество дзотов, окопанных бронеколпаков, соединяющихся [137] между собой развитой сетью ходов сообщения. Все это обнесено заграждениями из трех рядов колючей проволоки, а подступы к ним заминированы на довольно большую глубину. Минные поля и оборонительные сооружения прикрываются фланговым ружейно-пулеметным огнем.

Местность врагом тщательно пристреляна: на верхушках деревьев им выставлены ориентиры в виде больших крестов и кругов. Это позволяет противнику открывать огонь сразу на поражение.

Кроме того, выяснилось, что для контроля за нашими действиями финны при отступлении оставляли специальные группы снайперов-наблюдателей. Скомплектованные из опытных солдат, а чаще всего из офицеров, снабженные радиостанциями, эти группы (пары) располагались в тщательно замаскированных гнездах на верхушках деревьев и отсюда наблюдали за всеми нашими действиями, информируя о них свое командование. Кроме того, снайперы имели задачу выводить из строя в первую очередь наших офицеров.

Так вот откуда те потери, которые мы несли еще на марше, задолго до соприкосновения с противником!

Из показаний пленных мы также выяснили, что опорный пункт Карельская обороняют 1-й и 3-й батальоны 4-го пехотного полка 8-й пехотной дивизии врага, усиленные 23-м саперным батальоном. Их поддерживают дивизион 11-го артиллерийского полка, а из глубины тяжелая минометная батарея и дальнобойная артиллерия из Самбатуксы.

Как видим, взятие Карельской было весьма трудным делом. И сделать его, по нашим прикидкам, можно было двумя путями. Первый — это разрушить систему вражеской обороны методическими ударами артиллерии и авиации, а уже затем атакой танков и пехоты завершить разгром. Но на это потребовалось бы слишком много технических средств, боеприпасов, да и времени.

Второй путь — коротким огневым налетом артиллерии, предпочтительно прямой наводкой, ослепить противника и тут же ударом танков и пехоты добить его. На это уйдет намного меньше времени, но неизбежен риск.

Посоветовавшись, мы все же решили пойти по второму пути: подчас целесообразно и рискнуть.

* * *

Собрав командиров, ставлю им боевую задачу. 1-му батальону с батареей 57-мм орудий при поддержке гаубичного дивизиона 243-го артполка под общим командованием [138] капитана У. Х. Хабекова приказываю обойти опорный пункт с северо-востока, выйти во фланг и тыл противника, а затем овладеть населенными пунктами Попово, Климово, северо-восточной частью Карельской и высотой 90,2. На северных скатах этой высоты и закрепиться.

2-му стрелковому батальону майора И. Ф. Щукина со взводом СУ-76 при поддержке пушечного дивизиона 243-го артполка и танков ударом с юго-запада овладеть населенными пунктами Чудова Гора и Лутково, перехватить дорогу Карельская — Самбатукса, закрепиться там, не допуская отхода противника на Самбатуксу.

3-му батальону под командованием майора И. Д. Говорова наступать уступом слева и сзади 2-го батальона, прочно прикрывая левый фланг полка от возможных контратак противника. Быть в готовности развить успех полка от северной окраины Карельской на Самбатуксу.

Танковой группе (роте из 70-го танкового полка, роте САУ 372-го самоходно-артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта К. Я. Тюкачева и роте автоматчиков нашего полка) под общим командованием заместителя начальника штаба полка старшего лейтенанта Ю. В. Ломбаха приказываю после участия танков и САУ в артиллерийской подготовке ударом с юга (вдоль дороги Косяково — Карельская) уничтожить противника в опорном пункте и во взаимодействии с 1-м и 2-м батальонами овладеть Карельской. Кроме того, танковым подразделениям и САУ быть в готовности во взаимодействии с 3-м батальоном развить наш успех на Самбатуксу.

Для блокирования и последующего уничтожения дзотов в 1-м и 2-м батальонах сформировать штурмовые группы в составе стрелкового взвода, отделения саперов,

одного танка или САУ и орудия сопровождения.

Артиллерии, разделенной на две группы, приказываю: первой группе под командованием начальника артиллерии нашего полка капитана В. К. Панкрата в период артналета уничтожать выявленные огневые точки противника, разрушать дзоты, с началом атаки всеми средствами поддерживать и сопровождать пехоту. В эту группу включить пушечный дивизион 243-го артполка, истребительную батарею 107-го противотанкового дивизиона, полковую противотанковую батарею, противотанковые взводы 2-го и 3-го батальонов, а также (на период артиллерийского налета) танковую роту 70-го полка и роту САУ 372-го полка.

Второй группе ставлю задачу подавить огневые точки противника на обратных скатах расположенных перед нами [139] высот, уничтожить его живую силу в первой линии траншей, быть готовой к отражению возможных контратак врага с севера, от Самбатуксы. В группу войти гаубичному дивизиону 243-го артполка, полковым батареям 76-мм орудий и 120-мм минометов.

Итак, началась подготовка к очередной атаке. Быстро подтянулись на исходные позиции подразделения пехоты, построились в боевой порядок артбатареи, танки, САУ.

Тем временем наступил вечер. И в 20 часов 45 минут вся наша артиллерия накрыла огнем передний край обороны противника. Под его прикрытием танки и САУ тоже выдвинулись на свои позиции, открыли огонь прямой наводкой.

В 20 часов 58 минут поднялась в атаку пехота. Ей удалось ворваться в траншеи и в сам опорный пункт. Там завязались рукопашные схватки. Одновременно 1-й батальон, обойдя спорный пункт с востока, завязал бой за населенные пункты Попово и Климово, танковый десант — за южную окраину Филипповской, а 2-й батальон — за Чудову Гору.

Но и враг вскоре опомнился, начал оказывать довольно упорное сопротивление. Ожили отдельные его минометные батареи. Бой грозил принять затяжной характер.

* * *

И все же к 2 часам ночи 24 июня танковый десант сумел-таки очистить от противника деревни Филипповскую и Попово, а также северную часть Карельской. Но здесь, встретив сильный огонь, перешел к обороне. Одновременно 1-й батальон освободил населенный пункт Климово, высоту 90,2 и северо-восточную часть Карельской. Но тоже попав под мощный огонь врага, начал закрепляться на достигнутых рубежах. 2-й батальон выбил финнов из Яутково и с северо-западной окраины Карельской, перехватив дорогу Карельская — Самбатукса, и здесь перешел к обороне, начав отбивать яростную контратаку противника. 3-й батальон, наступая вдоль опушки леса, завязал сильный огневой бой на развилке дорог в двух с половиной километрах юго-западнее Карельской.

Вскоре последовала контратака противника и по 1-му батальону. Ее удалось отбить, но огневой бой все более усиливался.

Где-то в 5 часов утра враг силами уже до батальона ударил вдоль дороги Самбатукса — Карельская. Этот удар пришелся в основном на 2-й батальон. Однако здесь противник [140] сразу же оказался в невыгодном положении: вытянувшись из леса, он попал на открытом поле под сильный фланговый огонь нашей артиллерии, танков и пехоты. Оставив на поле боя более 180 трупов своих солдат и офицеров, враг отошел.

Вскоре мы полностью овладели Карельской, закрепились в ней. И стали подводить итоги боев. Враг, по нашим прикидкам, потерял здесь более 350 человек только убитыми. Было подбито три его легких танка, немало орудий и пулеметов. Мы захватили пленных и трофеи — пушки, боеприпасы, лошадей, походные кухни и повозки. Обо всем этом я тотчас же направил подробное донесение командиру дивизии генерал-майору В. А. Лещинину.

Примерно через час к моему КП подкатил легковой автомобиль. Из него вышел командир корпуса генерал-лейтенант П. В. Миронов, в накинута на плечи черной бурке, сдвинутой на затылок фуражке и с неизменной улыбкой на лице.

— Ну, как дела, гвардейцы? — спросил он. — Доложите-ка мне обстановку.

Как назло, в этот самый момент загрохотали близкие разрывы мин и снарядов — финны не могли простить нам потери Карельской. Пришлось спуститься в траншею. Там я и начал свой доклад. Командир корпуса слушал внимательно, не перебивая.

— Ну что ж, молодцы! Поздравляю с победой! Пойдемте посмотрим ваши достижения.

Я вызвал взвод автоматчиков (нам уже была хорошо известна коварная тактика врага — снайперская стрельба из засад), и мы отправились. Генерал Миронов внимательно осматривал вражеские дзоты, окопанные бронеколпаки, обшитые досками глубокие траншеи, убежища и ниши для отдыха личного состава, площадки и огневые позиции.

Ходами сообщения вышли к полю, где недавно отражалась последняя контратака противника. Я доложил комкору о ходе этого боя.

Затем мы поднялись на высоту 90,2, с которой открывался прекрасный вид на окрестности. Но любоваться ими нам было некогда. Командир корпуса коротко ввел меня в курс дела о положении других частей и в заключение, показав рукой на северо-запад, спросил:

— Видите вон ту возвышенность? Это укрепленный врагом узел Самбатукса. Ваша задача — к концу дня овладеть им. Полагаю, что это будет не труднее Карельской. [141]

— Товарищ генерал, — возразил я, — перед той возвышенностью протекает река Самбатукса, по ее берегам и проходит передний край обороны противника. Узел этот сложный. К тому же и реку надо будет форсировать...

— Ну что вам какая-то Самбатукса после Свири, — пошутил генерал. И добавил уже серьезно: — Еще раз проведите подробную разведку, тщательно изучите берега и только тогда действуйте... Да, чуть не забыл: танковую роту, которую вам придали из 70-го полка, — верните. У вас на пути будет много болот, танки в другом месте будут более необходимы.

Мы неторопливо спустились с высоты к моему КП. В это время сюда подъехал и наш командир дивизии. Они с комкором обменялись мнениями в отношении наших дальнейших действий. Уезжая, генерал Миронов сказал нам с Лещининым:

— Благодарю вас за взятие Карельской. Прошу объявить благодарность всему личному составу полка и другим участникам этого штурма. Отличившихся представить к наградам.

Желаю вам, товарищи, удачи в штурме самбатукского узла!

Когда он уехал, я обратился к командиру дивизии:

— Товарищ генерал! Помогите с доставкой боеприпасов. Транспорт весь безнадежно застрял, а наших рук не хватает. Без снарядов же что сделаешь?

— Хорошо, я выделю вам учебный батальон. Калоев — человек очень энергичный, вы знаете. Надеюсь, он организует доставку как надо. А ваша задача — не задерживаться. Только вперед!

Через четверть часа комдив уехал. А я приказал собрать на КП всех командиров подразделений. Нужно было готовиться к выполнению новой боевой задачи.

* * *

Выбитый из Карельской, противник, подтягивая из глубины резервы, лихорадочно организовывал все новые и новые линии обороны. Одна из них проходила севернее Карельской, вдоль опушки леса. Причем единственная дорога на Самбатуксу оказалась прочно оседланной врагом. И все-таки мы решили пробиваться именно по ней.

Но тут новая неудача: обочины этой дороги оказались густо заминированы противопехотными минами, а сама дорога — противотанковыми. На ней одна за другой подорвались две наших САУ. Остальные пришлось направлять уже по обочинам, по противопехотным минам. Причем пехоте [142] можно было двигаться только по колеям, остающимся от гусениц САУ. Конечно, это значительно замедляло темпы движения, но что было делать?

Приданная полку саперная рота из 114-го гвардейского отдельного саперного батальона, которой руководил заместитель командира батальона Старший лейтенант Н. Я. Кофан, тоже оказала нам огромную помощь. Саперы всегда были впереди, обезвреживали минные поля, разрезали заборы из колючей проволоки, прокладывая путь стрелковым подразделениям.

К общему горю, при обезвреживании противотанковой мины подорвался всеобщий любимец Н. Я. Кофан. Мы похоронили его со всеми воинскими почестями.

И все-таки полк, несмотря на все трудности, продвигался вперед. Выйдя к реке Самбатукса, мы и здесь встретили заранее подготовленную противником оборону. Собственно, на этом рубеже находилось боевое охранение самбатукского узла: линий дзотов и бронеколпаков, связанных между собой траншеями.

Наша попытка с ходу сбить это охранение не удалась. Пришлось остановиться и подготовиться к повторной атаке более тщательно.

И вот мы уже на речном берегу. Река Самбатукса (Янгера) — горная, с довольно быстрым течением. Ее ширина — до 15, а глубина — до 1 метра. Дно каменистое. Это могло значительно затруднить форсирование реки, в особенности для боевой техники.

Противоположный берег Самбатуксы господствовал над нашим, что также давало противнику явные преимущества. А вокруг лес, в самом центре обороны врага — обширное болото, так что лобовые удары по ней были совершенно исключены.

Начали вести разведку. И тут я получаю радостное известие: 29-ю танковую бригаду полковника И. Д. Бачикашвили перенацеливают на поддержку нашего полка! Вот это здорово!

Ну а пока нам нужно как можно быстрее форсировать реку Самбатуксу и сбить противника с ее противоположного берега. Распределяю силы так: на правом фланге после форсирования наступает 1-й батальон, а на левом вдоль дороги на Самбатуксу — 2-й батальон.

Из-за ограниченного количества боеприпасов капитан В. К. Панкратов всю нашу артиллерию выставил на прямую наводку. Орудия заняли огневые позиции в лесу, в 100–200 метрах от уреза воды. [143]

По команде ударили пушки. Через несколько минут пехота и САУ рванулись вперед и сразу же вышли на противоположный берег. Во вражеских траншеях завязались рукопашные схватки. И противник не выдержал нашего напора, стал отходить. Гвардейцы начали его преследование.

С боями подошли к населенному пункту Пустошь и тут уперлись в гранитные надолбы. САУ остановились, пехота тоже залегла под плотным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем.

Поступило сообщение, что к нам подтягиваются главные силы дивизии: голова колонны уже прошла Карельскую и приближается к Пустоши. Сюда же подходят и батальоны 29-й танковой бригады. Все это хорошо. Но вот неясно, что же ожидает нас впереди, в Самбатуксе. Пришлось снова проводить разведку боем — на флангах и в центре боевого порядка полка.

Из данных разведки, показаний пленных и опроса местного населения удалось установить, что населенные пункты Пустошь, Березовая Гора, Самбатукса и Пипилица объединены в единый укрепленный узел обороны с центром на высоте 73,5. В самой Самбатуксе все каменные здания и монастырь приспособлены для круговой обороны. В них установлены пушки и пулеметы, обслуживаемые постоянным гарнизоном. На всех основных направлениях оборона усилена железобетонными дотами и бронеколпаками. Обороняют этот узел отступившие из Карельской подразделения 4-го пехотного полка 8-й дивизии (до двух батальонов) и рота 11-го саперного батальона. У них три дивизиона артиллерии в пять минометных батарей.

Вот этот-то «орешек» и предстояло разгрызть нашему полку, усиленному 243-м гвардейским артиллерийским и 372-м самоходно-артиллерийским полками, а также 107-м гвардейским противотанковым дивизионом и 29-й танковой бригадой. Силы немалые. Правда, они еще на подходе. А мы — у Пустоши. Следовательно, нужно подождать, а уж потом...

* * *

Наконец подошли приданные нам на усиление полки и бригада. Вот теперь можно и готовить штурм узла обороны.

Решаю: атаку начать в 18.00 24 июня. Перед ней, естественно, провести артиллерийскую подготовку. Продолжительность — 26 минут. Боевой порядок — в один эшелон, в центре

— 3-й батальон. [144]

1-й батальон с приданными ему подразделениями (взводом САУ и противотанковой батареей) должен совершить обходный маневр через отметку 27,9, выйти во фланг и тылы противника и атаковать его в селе Самбатукса, перерезать врагу пути отхода и во взаимодействии с силами, действующими с фронта, методически уничтожать его.

3-й батальон, как уже говорилось, действует в центре. Во взаимодействии с САУ и танками он атакует противника на восточной окраине села Пустошь, совместно с 1-м батальоном овладевает этой частью, затем врывается на северо-восточную окраину Пипилицы и закрепляется там.

2-й батальон, тоже поддержанный танками, артиллерией и САУ, уничтожает врага в западной части села Пустошь. После чего атакует противника на западной и северо-западной части Пипилицы и выбивает его оттуда.

29-я танковая бригада выдвигается вперед уже в период артиллерийской подготовки. После ее окончания, ведя за собой пехоту, наносит удар по Самбатуксе, выбивает из него финнов, а затем, оказав помощь 2-му и 3-му стрелковым батальонам в овладении Пипилицей, развивает наступление на Куйтежи.

Итак, задачи поставлены, части и подразделения стали занимать исходные позиции. Но вдруг за 10 минут до начала нашей артиллерийской подготовки на нас самих обрушился буквально шквал огня. Он бушевал почти 4 часа. Чувствовалось, что боеприпасов у финнов достаточно и экономить их они не собираются.

Больших потерь от этой контрартподготовки у нас, к счастью, не было. И все же без жертв не обошлось. Погиб начальник связи нашего полка майор Н. Е. Еременко, получил ранение начальник штаба полка А. П. Пырьков. На его должность я тут же назначил старшего лейтенанта Ю. В. Ломбаха.

А вот 298-й и 304-й гвардейские стрелковые полки, следовавшие в колоннах к рубежам развертывания, от внезапного огня пострадали. У них были значительные потери.

И все-таки эта контрартподготовка врага повлияла и на нас. В частности, сдвинула намеченные нами ранее сроки перехода в атаку. Ее пришлось отложить на 7 часов утра следующего дня, ибо предстояло восстановить прерванную кое-где связь, разобраться в сложившейся обстановке, еще раз уточнить боевые задания и порядок взаимодействия частей и подразделений. Тем более что к нам на КП как раз прибыли представители ВВС 7-й воздушной армии Карельского фронта. Требовалось согласовать с ними, как лучше [145] использовать выделенный нам для поддержки наступления один полковой вылет штурмовиков. И хотя была уже глубокая ночь, сказывались усталость и напряжение прошедшего дня, поработали мы с удовольствием.

Утром 25 июня удар эскадрильи штурмовиков по переднему краю Обороны противника послужил нам сигналом к началу артиллерийской подготовки. А затем еще две штурмовые эскадрильи прочесали огнем, теперь уже в глубину, вражескую оборону. Туда же мы немедленно перенесли и огонь своей артиллерии.

И вот вперед двинулись танки. За ними пошла пехота. Однако танкам не удалось с ходу преодолеть гранитные надолбы. Пришлось искать проходы. К счастью, они были: финны не успели их закрыть, столь внезапным оказался для них наш выход сюда.

Таких проходов оказалось по два на каждом из направлений (там, где наступали 2-й и 3-й батальоны). Поэтому танки и САУ на этот раз довольно успешно преодолели полосу надолб. А пехота прошла через эти заграждения напрямую и, ворвавшись в траншеи, завязала там рукопашные схватки, начала блокировать доты и дзоты.

Финны сопротивлялись отчаянно. Но вот им в тыл вышел наш 1-й батальон. И тогда, почувствовав угрозу окружения, противник под прикрытием минометного огня начал отход. В 13.00 он оставил Самбатуксу и с большими потерями откатился на Куйтежи и Пуску-Сельга.

Тем временем 1-й батальон перерезал дорогу на Куйтежи и, перейдя здесь к обороне, начал отражать контратаки врага с севера. 3-й батальон в это время, потеснив противника на восточных окраинах Пустоши, Бережной и Пипилицы, тоже стал закрепляться на достигнутых рубежах. А 2-й батальон, очистив западные окраины этих же населенных пунктов, продвигался дальше, ведя сильный огневой бой.

Через несколько часов весь узел обороны врага, прикрывающий с востока подходы к городу Олонец, образно выражаясь, рассыпался. Мы получили возможность несколько перевести дух и привести себя в порядок.

* * *

В этих боях особенно отличились стрелковые роты, которыми командовали старшие лейтенанты С. М. Фомин и И. А. Свистунов, а также взводы под командованием лейтенантов Ф. Я. Кулакова, Г. В. Полякова и старшего сержанта М. А. Карданова. [146]

О последнем могу сказать следующее.

25 июня в бою у деревни Пипилица был ранен командир роты. Старший сержант М. А. Карданов принял командование подразделением на себя. Он сумел вывести роту во фланг противнику, перерезав пути его возможного отхода. Враг дрогнул. И тогда гвардейцы, преодолев проволочные заграждения, ворвались в деревню. В уличных боях ими было уничтожено до роты солдат противника. За этот подвиг старший сержант М. А. Карданов был удостоен звания Героя Советского Союза.

А вот еще пример героизма и находчивости. Писарь штаба нашего полка старшина К. Д. Митряев был послан с приказом во 2-й батальон, действовавший на левом фланге полка. Старшина выполнил поручение. Но на обратном пути он оказался на направлении контратаки врага. Пристроившись к расчету станкового пулемета, К. Д. Митряев тоже начал разить противника из автомата. Когда контратака была отбита, перед позицией пулеметчиков осталось лежать 29 трупов вражеских солдат. Шестерых из них сразил сам Митряев. Отважный писарь был награжден медалью «За отвагу».

В бою за Пустошь отличился и экипаж САУ из 372-го самоходно-артиллерийского полка. Командовал экипажем старшина К. В. Красильников. Его самоходка была в числе тех, что поддерживали атаку 3-го батальона нашего полка. Красильниковцы уничтожили в этом бою вражеский дзот и ручной пулемет, открывший огонь во фланг наступающему батальону. А это во многом обеспечило его успех.

Завидное мастерство продемонстрировала в этом бою минометная рота под командованием старшего лейтенанта К. Н. Прево. В короткий срок ее расчеты подавили

определенные роте вражеские огневые точки, одновременно проделав проходы во вражеских проволочных заграждениях. Старший лейтенант К. Н. Прево лично корректировал огонь своего подразделения, находясь при этом на высокой сосне неподалеку от позиций финнов.

И подобных примеров можно было бы привести еще немало. Героизм наших воинов был поистине массовым.

* * *

Не успел еще рассеяться дым над руинами Самбатуксы, как мы снова двинулись вперед. Надо было гнать врага дальше.

Подошли и другие части дивизии. Справа от нас вступил в дело 298-й полк подполковника А. С. Бондаренко, а во [147] втором эшелоне развернулся 304-й полк подполковника С. И. Кукса. Дышать, как говорится, стало легче.

А враг, минировав единственную в этих местах дорогу, цепляясь за любой мало-мальски пригодный для обороны рубеж, отходил своими главными силами на Куйтежи. Мы старались не отстать от него, хотя наше наступление осуществлялось в исключительно тяжелых условиях: в бездорожье, в дождливую и туманную погоду, кроме того, враг изощрялся в коварных приемах.

Кое-какие из них мы уже разгадали. Так, выше я уже упоминал о том, что на подходах к укрепленным районам мы то и дело замечали на деревьях знаки в виде крестов, кругов, а то и их сочетаний. И стоило кому-либо из нас оказаться под ними, как противник тут же открывал огонь на поражение. Вся территория, размеченная этими знаками, как оказалось, была заранее пристреляна. Но уничтожь эти знаки, и точность вражеского огня резко снизится.

Постоянно беспокоили нас и «кукушки» — снайперы-разведчики, о которых я также говорил. Даже их автоматные очереди подчас имели скрытый от нас смысл. Но наши воины быстро разобрались и в этой «морзянке», код которой служил как докладами о нашем продвижении, так и наводкой на нас огня вражеских батарей.

Больше того, после разгрома противника под Самбатуксой эти «кукушки» всех пород и мастей буквально озверели, пришлось срочно изыскивать эффективные способы борьбы с ними.

И они были найдены. Наиболее надежным (так, во всяком случае казалось нам) способом был такой: развертывание стрелковых рот первого эшелона в цепь с интервалом 8–10 метров между автоматчиками. И эта цепь, двигаясь вперед, проводила сплошное прочесывание огнем по верхушкам деревьев. Результаты были получены сразу же: за один только день мы сбили с деревьев более полусотни «кукушек».

Событие это вызвало большой резонанс. Причем и у врага, и... у нас. Финны сразу же охладели к этой своей тактике, а вскоре и вовсе отказались от нее. Нам же этот успех стоил большого перерасхода боеприпасов — за день мы извели три боекомплекта патронов. Дело дошло до командующего фронтом. Однако К. А. Мерецков, разобравшись в его сути, не только не укорил нас, но даже принял меры к бесперебойному снабжению рот прочесывания боеприпасами.

А полки дивизии все ближе подступали к Куйтежам. Из данных разведки мы уже знали, что это тоже довольно мощный, [148] заранее подготовленный узел обороны. В его систему входили населенные пункты Чаргалица, Исаевка, Ярчилица, Набор, МТС, Оськино и сами Куйтежи. Все они, кроме Чаргалицы, находились на противоположном берегу реки Мегрега. Оборона — полевого типа, с развитой системой траншей и ходов сообщения.

Река тоже представляла собой серьезную преграду — течение быстрое, глубина более метра, ширина от 35 до 60 метров. Подходы к реке тщательно заминированы.

Правда, постоянного гарнизона этот узел вражеской обороны не имел, его заняли отошедшие под нашим натиском части.

Командир дивизии генерал В. А. Лещинин приказал нашему полку совершить обходный маневр, форсировать Мегрегу в 5 километрах юго-западнее Куйтежей и атаковать противника вдоль берега реки в восточном направлении. В дальнейшем, взаимодействуя с 298-м и 303-м гвардейскими стрелковыми полками, выбить врага из населенных пунктов Оськино, Набор, Куйтежи, перерезать дорогу Олонец — Петрозаводск и принять все меры к ее удержанию. Причем 298-й полк должен был наступать вдоль основной дороги и овладеть Чаргалицей с фронта, а 303-й полк 99-й стрелковой дивизии — форсировать Мегрегу восточнее Куйтежей, идти нам навстречу, освобождая по пути все населенные пункты.

Полки усиливались танками и артиллерией, а также подразделениями саперов, что создавало все условия для действий на самостоятельных направлениях.

В назначенный час мы атаковали врага. Противник, как уже говорилось, занявший оборону наспех, был ошеломлен внезапным и сильным ударом. После короткого боя, в основном рукопашного, он, бросая тяжелое оружие, стал спасаться бегством. Дорога Олонец — Петрозаводск была перерезана, задачу дня мы выполнили.

* * *

Очередной рубеж вражеской обороны проходил у села Пуску-Сельга. Его поспешно заняли отступившие из Куйтежей части. Но не это главное. Авиаразведкой было установлено, что с севера туда же срочно выдвигаются резервы противника. Вполне понятно, что медлить нам было нельзя. И командир дивизии принял решение выбить врага из Пуску-Сельги еще до подхода туда его резервов. Задача эта была возложена на наш полк, наступавший по-прежнему в первом эшелоне дивизии, на ее правом фланге, а также на 298-й гвардейский стрелковый полк, идущий левее. [149]

Попытка нашего авангарда (3-го батальона) взять Пуску-Сельгу с ходу успеха не имела. «Орешек» оказался довольно крепким, да и расположен этот населенный пункт был для врага очень выгодно: на высотах, господствующих над окружающей местностью, прикрыт озерами с запада и юго-востока. С юга к нему подступали непроходимые болота, а с востока — небольшие речушки с заболоченными берегами. В общем, вода, кругом вода.

Правда, дзотов здесь было немного — всего два действующих и три недостроенных. Еще виднелось с десятков бронеколлапов, которые подвезли, но установить не успели.

Оборону Пуску-Сельги держали остатки 45-го вражеского пехотного полка 8-й пехотной дивизии. Но это пока. А что-то будет после...

И действительно, к вечеру стало известно, что в 25 километрах севернее от Пуску-Сельги движется вражеская колонна. Ее длина — до полутора километров. Вывод напрашивался сам собой: медлить нельзя, нужно взять населенный пункт до подхода этой колонны. И брать его только собственными силами, ибо наш сосед слева — 298-й гвардейский стрелковый полк завязал сильные бои в межозерье Пуску-ярви и Ирзи-ярви и задержался там.

Принимаю решение: 1-му батальону с подразделениями усиления совершить глубокий обходный маневр, выйти в тыл противнику и нанести удар по Пуску-Сельге навстречу 3-му батальону, наступающему с фронта. Одной усиленной ротой прикрыться с севера от подходящих резервов противника.

3-му батальону с подразделениями усиления сразу же после огневой подготовки атаковать противника с фронта а во взаимодействии с 1-м батальоном освободить Пурку-Сельгу.

2-му батальону, находящемуся во втором эшелоне полка, наступать вслед за 3-м батальоном с рубежа северной окраины Пуску-Сельги, вступить в бой и связать им подходящие резервы противника.

И вот все, кажется, готово. 1-й батальон завершил свой обходный маневр, занял исходные позиции и доложил о готовности к атаке.

Даю команду произвести десятиминутный огневой налет. А под его прикрытием стрелковые цепи подошли почти вплотную к вражеским траншеям. И — стремительный рывок вперед. Сразу же вспыхивают яростные рукопашные схватки. [150]

Но это 3-й батальон. Он действует с фронта, в лоб, отвлекая внимание финнов. А вот сейчас по ним с тыла ударит 1-й батальон...

И он действительно ударил. Неожиданно, дерзко. Противник оказался между двух огней. Поначалу он дрогнул. Но затем, придя в себя, попытался ударом по правому флангу 1-го батальона прорваться и уйти к северу.

Это удалось сделать лишь небольшой группе финнов, численностью до двух рот. Бросив оружие, технику и раненых, они начали налегке отходить по дороге на Нини-Сельгу. Но и там их ждала наша засада — усиленный взвод 1-го батальона. Он стал в упор расстреливать рвущихся из окружения врагов, часть которых все же успела избежать карающего огня и скрыться в лесах и болотах. А мы тем временем взялись за уничтожение опоздавших к Пуску-Сельге резервов противника.

* * *

В боях на пути от Самбатуксы до Пуску-Сельги нам пришлось изыскивать способы борьбы с еще одной особенностью тактики врага. Дело в том, что высокие темпы нашего наступления подчас не позволяли ему организованно отходить на все новые и новые рубежи обороны. Поэтому многие подразделения противника, не говоря уже об отдельных группах и одиночках, оказавшись отрезанными от своих частей, оставались в наших тылах. Пользуясь обилием лесов, болот и озер, а также отличным знанием местности, они до поры прятались в труднодоступных уголках, а затем, пропустив наши войска, начинали совершать различные диверсии, налеты на тылы, штабы и вторые эшелоны. Это-то и вынудило нас в конце концов пойти на тщательное прочесывание местности по

маршрутам первого эшелона. Причем делать это немалыми подразделениями, иногда даже усиленными танками и САУ. А подчас приходилось выделять на эти цели даже целые боевые части из второго эшелона.

Результаты, безусловно, были. Но если «кукушек» мы отучили от массовых действий довольно быстро, то с этими блуждающими по нашим тылам группами боролись до полного окончания боевых действий в Карелии.

Случалось, что подобные группы вносили сумятицу и в боевые действия наших первых эшелонов. В этой связи вспоминается случай у Пуску-Сельги. 1-й стрелковый батальон капитана У. Х. Хабекова, зайдя, как я уже писал, к этому населенному пункту с тыла, начал готовиться к атаке. Комбат поставил задачи ротам, и те приступили к их выполнению. [151] И тут произошло непредвиденное. Роты батальона, тесня противника, продвигались вперед. Капитан У. Х. Хабеков собирался уже переместить вслед за стрелковыми цепями свой штаб и КП, когда по ним неожиданно ударила довольно большая группа финнов. Капитан не растерялся, быстро организовал круговую оборону. Но силы были неравными. Финнов много, а у Хабекова вместе с писарями всего лишь около двадцати человек...

Оценив это, комбат приказал связисту красноармейцу Л. О. Колбенеvu любыми путями пробиться к 1-й роте и повернуть ее на помощь окруженному штабу. С большим трудом связист по болоту вырвался из огненного кольца и, найдя 1-ю роту, передал ее командиру приказ комбата.

Помощь пришла вовремя. Окружившие штаб финны были почти полностью перебиты.

* * *

Завершив разгром 45-го пехотного полка противника, части нашей 100-й гвардейской стрелковой дивизии в период с 28 июня по 1 июля продолжали двигаться вперед. Преодолевая бесчисленные минные поля, ведя ожесточенные бои с врагом на промежуточных рубежах обороны, полки дивизии за этот период освободили немало населенных пунктов. Среди них — Нини-Сельга, Тигвери, Тулосозеро, Сорочья Гора, Березовая Сельга, Ивки, Туорион-ярви, Варлов Лес, Веркиль, Пани-Сельга, Хуохоин Гора, Ламба-Наволоок, Кинелахта, Шалгуева, Копой, Перти-Сельга. К исходу дня 1 июля мы уже вышли к реке Видлица.

Выход дивизии был осуществлен на широком фронте, так как ее боевой порядок комдив построил в один эшелон. 301-й гвардейский стрелковый полк оказался на левом фланге, в центре — 298-й гвардейский стрелковый полк, на правом фланге — 304-й гвардейский стрелковый полк.

Река Видлица была довольно серьезной преградой: ширина до 50 метров, глубины местами достигали 5 метров. Течение очень быстрое, берега болотистые. Разведка установила, что противоположный от нас берег заранее подготовлен противником к обороне. Населенные пункты Рогокоски, Кужой и Пульчейла превращены им в укрепленные опорные пункты. Оборона — полевого типа. Все подходы к реке заминированы, и даже на дне установлены подводные фугасы.

Правда, наш берег главенствовал над противоположным. Но враг, учитывая такое обстоятельство, немало потрудился для упрочения своей обороны, чтобы свести это преимущество [152] на нет. Он намеревался держаться здесь до последнего. К этому его

вынуждало то, что в тылу у финнов, едва ли не сразу за их позициями, проходила единственная в этих местах дорога с твердым покрытием, связывающая город Олонец с железнодорожной станцией Суоярви. Ее-то противник и собирался удерживать любой ценой.

Командир дивизии решил форсировать Видлицу сразу тремя полками, имея по одному пункту переправы на участке каждого из них. После захвата плацдарма фланговые полки должны были встречными ударами выбить противника из населенных пунктов Пульчейла, Кужой и Рогокоски.

Реку предполагалось форсировать вначале на подручных средствах, а после захвата плацдарма навести через нее понтонный мост для пропуска танков, САУ, артиллерии и тылов. Начало форсирования — 6.00 2 июля. Перед началом, как обычно, произвести по обороне врага артподготовку.

Нашему полку, находящемуся на левом фланге дивизии, была поставлена задача форсировать реку, захватить плацдарм и, частью сил прикрывшись с юга, ударом на север (во взаимодействии с 298-м полком) овладеть опорными пунктами Рогокоски и Кужой.

304-й гвардейский стрелковый полк (на правом фланге) должен был после форсирования ударом на юг овладеть опорным пунктом Пульчейла.

298-й гвардейский стрелковый полк со средствами усиления вслед за ударом артиллерии должен был форсировать реку в центре полосы наступления дивизии. Затем, частью сил взаимодействуя с 304-м полком, помочь ему овладеть населенным пунктом Пульчейла, а другой частью совместно с нашим полком ворваться в Кужой.

Хочу особо подчеркнуть, что в связи с плохим обзором местности (из-за обилия близких лесных массивов) управление артиллерией было децентрализовано. Его распределили по командным пунктам каждого полка, единым был только сигнал начала артподготовки.

29-я танковая бригада и 372-й самоходно-артиллерийский полк должны были до сооружения переправы активно взаимодействовать с артиллерией, а затем, после наведения моста, переправиться на другой берег Видлицы.

Получив все эти указания, мы в ночь на 2 июля начали активно готовиться к форсированию. Завершили перегруппировку сил, подтянули артиллерию, подвезли боеприпасы. Одновременно ночная тишина то и дело взрывалась треском автоматных очередей — на разных участках проводилась разведка боем, под прикрытием темноты разминировались [153] подходы к реке, разбирались завалы. Осматривались и при необходимости ремонтировались подручные средства переправы. Словом, готовились основательно.

* * *

Неожиданно к моему КП подъехал уже знакомый автомобиль, и из него вышел командир корпуса генерал-лейтенант П. В. Миронов.

— Ну, Харазия, как дела? — улыбаясь, спросил комкор. И тут же без перехода потребовал: — Ваше решение на форсирование?

Я подробно доложил.

— А теперь пройдемте на ваш правый фланг, там, видимо, будет больше сложностей. Кто у вас там? Говоров?

— Так точно.

Мы отправились на КП 3-го батальона. Майор Говоров, увидев нас, вышел навстречу.

— Как настроение? — обратился к нему Миронов. — Подготовились к форсированию?

Говоров доложил ему о положении в батальоне. Миронов остался доволен. Вроде бы все предусмотрено.

— Ну что ж, желаю успеха! — пожал комкор руки Говорову и мне. — Занимайтесь своим делом.

Я возвратился к себе. Вскоре на КП пришли с докладом разведчики из 2-го батальона и инженерной разведки дивизии, выполнявшие задание на подходах к реке. Командир разведгруппы рассказал:

— Незаметно для противника мы подошли к реке и притаились. Вокруг тихо. Вдруг видим, как из нашего тыла крадучись выходит довольно большая группа финских солдат — до взвода. Уверенно ориентируясь, они один за другим, казалось, прямо по воде пошли к противоположному берегу. Мы даже подивились: ну будто святые по воде топают! А ведь здесь не мелко. Что за наваждение?

Даю команду на огонь. Ударили мои гвардейцы из автоматов. Почти всю группу перебили. А потом... Подобрались мы к тому месту, где финны через реку шли, смотрим, а там подводный мост!

— Мост?! — удивленно переспросил я.

— Так точно, мост! И широкий — метра полтора. А воды над ним не больше полметра. Так что и по колено не будет.

Вот это сюрприз! Да такой находке цены нет! Моему полку определенно везло. Вслед за обнаружением подводного моста случилось еще нечто такое, о чем хочется [154] рассказать особо. Начну с того, что ранним утром 2 июля на дороге из Видлицы в Рогокоски послышался шум множества моторов и лязг танковых гусениц. Затем колонна танков, проследовав по дороге, остановилась в 2 километрах южнее Рогокоски. С нашего берега хорошо видны броневые машины, скопившиеся на опушке леса. Но чьи они? Вражеские? Не может быть. У финнов столько техники вроде бы не должно быть. Наши? Но тогда каким образом они оказались на противоположном берегу Видлицы, которую мы еще только собираемся форсировать?

А время бежало стремительно, до начала артиллерийской подготовки оставалось совсем немного. Однако, пока не выяснится, чьи это танки, огонь открывать нельзя.

Я уже говорил, что в связи с плохим обзором местности управление огнем артиллерии было децентрализовано. Мяв с моего КП надлежало руководить артподготовкой на данном участке. Поэтому-то я и испытывал особое беспокойство в сложившейся ситуации. Дело в том, что район, в котором скопились неопознанные еще танки, под

огневой налет не запланирован. Но если это все же противник, который готовится атаковать нас при форсировании реки, то бить надо прежде всего именно по нему!

А вдруг это все-таки свои?..

Все волнуются. Нервничает командир полковой артиллерийской группы подполковник Д. В. Вержховский. Правда, люди понимают мое затруднительное положение, поэтому деликатно помалкивают. Ну а я... Решительно покидаю свой КП и выхожу на открытый скат высоты. Через бинокль начинаю наблюдать за танками на том берегу. Так чьи же они, наши или вражеские?

И вдруг — о чудо! — из леса на открытое место выходит офицер в советской форме и тоже подносит к глазам бинокль, рассматривая наш берег. Я даю установленный сигнал, он отвечает. Наши! С души будто камень свалился. Наши на том берегу! Это же здорово!

Через несколько минут по этой группе ударили финны. Завязался бой. Вступили в него и мы. Громыхнула наша артиллерия, и началось форсирование реки двумя полками — моим и 304-м. 298-й полк за несколько часов до начала форсирования был направлен командованием на другой участок, так что его задача была теперь поделена между двумя оставшимися полками дивизии.

Наш полк форсировал Видлицу так: 3-й батальон — на подручных средствах, а 1-й и 2-й батальоны — по обнаруженному разведчиками вражескому подводному мосту. [155]

Действия развивались стремительно. Захватив и расширив плацдарм, полк вместе со все теми же танкистами овладел населенным пунктом Рогокоски, а затем повернул и ударил на север, вдоль реки, навстречу 304-му полку. Взаимодействуя с ним, мы довольно легко выбили врага и из Кужоя.

Спустя час после захвата плацдарма, невзирая на все еще сильный минометный и артиллерийский огонь противника, саперы из 114-го гвардейского отдельного батальона приступили к наведению моста через реку. И вскоре по нему двинулись уже приданные полкам танки и САУ, артиллерия.

Так что же это были за танки, так кстати оказавшиеся перед нами на том берегу? Выяснилось: они из отряда, сформированного из подразделений 302-го гвардейского стрелкового полка 98-й гвардейской стрелковой дивизии. Этим отрядом командовал заместитель командира этого полка подполковник А. А. Евдан. Форсировав реку в 5 километрах южнее, они и оказались в таком выгодном для нас положении. Что ж, огромное спасибо им за помощь!

...Итак, река Видлица осталась позади. Мы устремились дальше. Развивая наступление, 2 и 3 июля очистили от врага довольно значительную территорию. К исходу дня 5 июля в наших руках уже были населенные пункты Кохту-Сельга, Березовый Наволок, Ребойлу, Чарой, Канилу. Мы вышли даже на реку Тулема-йоки.

Правда, преодолеть ее с ходу не удалось. Не хватило сил — тяжелые дорожные условия не позволяли своевременно подтягивать средства усиления и тылы. Требовались также пополнение боеприпасами и хотя бы небольшая передышка.

Тем временем нашей разведке удалось установить, что по противоположному берегу реки проходит очередной заранее подготовленный рубеж обороны финнов, а населенные

пункты Колат-Сельга, Ювенсу, Гиль-Кожа и Вага-ярви сильно укреплены. Брать их будет не так-то легко. А тут еще река, форсирование...

Уточнив данные разведки и обстановку, командование дивизии решило форсировать Тулема-Йоки в районе населенных пунктов Ювенсу и Гиль-Кожа, построив боевой порядок в три эшелона. В первый эшелон был выделен мой 301-й полк со средствами усиления. Наша задача — после форсирования реки захватить плацдарм на противоположном берегу (в районе дороги Гиль-Кежа — Кясняселькя), уничтожить противостоящего врага и овладеть опорными пунктами [156] Колат-Сельга и Вага-ярви. Обеспечить с этого плацдарма ввод в бой войск второго эшелона дивизии.

Второй эшелон (304-й полк), форсировав водную преграду, наносит удар вдоль дороги Гиль-Кожа — Кясняселькя и овладевает пунктом Метсяпельто. И, наконец, третий эшелон (298-й полк) вначале очищает от бродячих вражеских групп тылы дивизии, а впоследствии тоже форсирует реку и развивает успех первого и второго эшелонов.

Вызвав на КП полка командира роты из 114-го отдельного саперного батальона старшего лейтенанта Г. Г. Хабибулина и командира саперного взвода старшего сержанта М. И. Ярославцева, я приказал им провести разведку берега на участке полка, места переправы.

— Вот здесь, — я показал им на карте, — надо провести более тщательную разведку и найти хотя бы одно пригодное место для переправы. О результатах доложите мне лично. Срок — три часа. Получите прикрытие — два отделения автоматчиков и два орудия. Вопросы есть?

Задача саперам была ясна, и они приступили к ее выполнению. Но не успели спуститься к реке, как их встретил яростный ружейно-пулеметный огонь финнов с противоположного берега. В группе появились раненые. Под прикрытием огня приданных им орудий саперы отошли от реки метров на 250 и начали совещаться. Решение одно: надо выявить и уничтожить огневые точки врага. Но как? Не подставлять же снова под пулеметные очереди свои головы...

И тогда по предложению сержантов Ю. Калашникова и С. Плотникова саперы решили пойти на хитрость: соорудили из плащ-накидок два чучела, набили их соломой, надели на них свои шинели и каски. И выставили на видном месте.

И ведь клюнуло! Снова заработали вражеские пулеметы. А этого только и нужно было саперам. Они засекли огневые точки и позиции снайперов и тут же ответили прицельным огнем. Враг замолчал.

Тогда саперы снова спустились к реке и начали поиск на заданном участке. Им повезло: удалось обнаружить подводный мост, такой же, как и на Видлице. Правда, он вот-вот должен был взлететь на воздух, ибо приближение саперов к реке снова было замечено и финны решили ликвидировать мост. Даже успели поджечь бикфордов шнур. Но наши гвардейцы С. Плотников, Ю. Калашников и А. Чаусов, невзирая на смертельную опасность, бросились в воду и перерезали горящий шнур. Мост был спасен, место для переправы найдено. На следующий день этот мост уже служил для переправы как нашему полку, так и другим частями дивизии. [157]

Ночь на 6 июля прошла в активной подготовке. Подразделения выдвигались на исходные позиции, готовилась артиллерия, подвозились боеприпасы.

Едва рассвело, загревели наши орудия. Коротким, но мощным ударом была подавлена огневая система врага, парализовано его управление. И тут же части первого и второго эшелонов на подручных средствах и по подводному мосту двинулись на противоположный берег. Они ворвались в опорные пункты противника и завязали там уличные бои. А к 12 часам дня был наведен и понтонный мост, по которому пошли артиллерия, танки и тылы. С их помощью сопротивление врага было сломлено окончательно, населенные пункты Колат-Сельга, Ювенса, Гиль-Кожа и Вага-ярви освобождены.

Вечером 7 июля 301-й и 304-й гвардейские стрелковые полки овладели населенными пунктами Хепомяки и Кясняселькя. Здесь враг, опираясь на систему заграждений, пытался во что бы то ни стало задержать наши части, чтобы вывести из-под удара свои главные силы, дать им возможность отойти и закрепиться на более выгодном рубеже.

В этой обстановке наш полк по приказу комдива совершил глубокий обходный маневр, охватив названные населенные пункты с северо-востока и севера. И повел отсюда наступление в южном направлении. 298-й гвардейский стрелковый полк, напротив, наносил удар с юга на север, навстречу нам. В результате были не только разгромлены гарнизоны в Хепомяки и Кясняселькя, но и освобождены Уома, Ваман, Артосенмяки, Кудино.

К глубокому прискорбию, в боях в районе населенного пункта Уома пал смертью храбрых командир 304-го гвардейского стрелкового полка подполковник С. И. Кукс. Он был сражен осколком снаряда в голову. По решению Военного совета 7-й армии тела С. И. Кука и других офицеров, героически павших в этих боях, были доставлены в город Лодейное Поле и торжественно захоронены над рекой Свирь, в том самом месте, откуда полки нашей дивизии и начали штурм многополосной обороны врага.

Личный состав 304-го полка тяжело переживал гибель своего любимого командира. Над его могилой гвардейцы поклялись еще беспощаднее истреблять ненавистного врага. И клятву свою они сдержали: 304-й гвардейский стрелковый полк одним из первых вышел на линию старой (существовавшей до 1939 года) государственной границы. [158]

А вот на этой линии наступление частей дивизии было приостановлено. И все из-за того, что враг заблаговременно подготовился, начал непрерывно контратаковать, вводя а бой довольно значительные силы. Полки же дивизии в предыдущих боях понесли ощутимые потери как в личном составе, так и в боевой технике. Да и люди вымотались основательно. Частям дивизии требовались и пополнение, и отдых.

Пока шло пополнение наших поредевших рядов и основной личный состав отдыхал, приводил себя в порядок, работала разведка. Из ее данных было видно, что перед нами — довольно мощная оборона врага, прикрытая хорошо развитой сетью препятствий, с большим количеством артиллерии. Такую лобовой атакой не прорвешь. Значит...

И вот наш полк получает задачу: совместно с приданной артиллерией и подразделениями САУ совершить 40-километровый обходный маневр по маршруту Уома, Мюллюселькя, гора Рая-Сельга и зайти с тыла к первой полосе обороны финнов. Затем ударом на северо-запад прорвать ее и, овладев горой Рая-Сельга и высотой 119,0, закрепиться на них. Одновременно частью сил, двигаясь на Райконкоски, перерезать проходящие здесь железную и шоссейную дороги, тоже закрепиться и прочно удерживать их.

На этот марш нашему полку отводилось около суток. Мы быстро пополнились

боеприпасами (в основном за счет других частей дивизии) и выступили. Маршрут выдался очень тяжелым: мало того что по своим естественным условиям сама местность была труднопроходимой, нам к тому же приходилось преодолевать множество искусственных препятствий — лесных завалов, минных полей. И все же к исходу дня наш передовой отряд — 3-й батальон, усиленный ротой САУ и артиллерийской батареей, — подошел к горе Рая-Сельга.

Вскоре сюда подтянулись и остальные подразделения полка. Всю ночь мы готовились к штурму горы: подтягивали отставшие САУ и артиллерию, занимали исходные позиции для атаки, намечали ее направления. В первом эшелоне должны были идти 2-й и 3-й батальоны, во втором — 1-й батальон.

Перед атакой батальонов произвели короткий огневой налет (снарядов было все-таки мало, их нужно беречь для последующих действий). И — вперед. С боем продвинулись до середины горы. И тут батальоны временно залегли, отбивая контратаки врага. Их было три. Сначала финны контратаковали силами до роты, а затем даже и до батальона. Но всякий раз наши гвардейцы отбрасывали противника. [159]

Бой длился весь день. И лишь вечером нам удалось очистить гору, а заодно и высоту 119,0 и закрепиться на них.

Прошла ночь. А утром 1-й батальон получил от меня задачу: выйти в район хутора Силин, взять его, а затем ударом на юго-запад достичь шоссе Лаймола — Сюску-ярви (в районе озера Уксу-ярви) и перерезать ее. Что и было им сделано.

Потом было еще несколько дней напряженнейших боев за удержание горы Рая-Сельга, за шоссе и железную дорогу. Полк свою задачу выполнил с честью. А это помогло другим частям дивизии выбить врага из населенных пунктов Хаппонен и Котоярвен и 12 июля выйти ко второму оборонительному рубежу финнов на линии старой госграницы.

14 июля дивизия по приказу командира 37-го гвардейского стрелкового корпуса была выведена в район населенного пункта Хаппонен, а свою полосу передала 215-му и 150-му батальонам укрепрайонов. Должен сказать, что это были довольно мощные подразделения, укомплектованные по полному штату, хорошо вооруженные и приспособленные к оборонительному бою. Но именно к оборонительному. Это-то, видимо, и сказалось на очередном решении нашего вышестоящего командования: через сутки, еще на марше, мы получили приказ вернуться обратно. И как можно быстрее.

Повернув назад, мы тем не менее гадали — что же произошло после нашего ухода? Ответ нашли очень скоро: буквально через три-четыре километра наши полки столкнулись... с финскими войсками, следующими в походных колоннах нам навстречу. Вот это номер! Как удалось противнику оказаться в тылу у урвцев, да еще так свободно маршировать?

Правда, финны, заметив нас, боя не приняли, а поспешно двинулись назад. Мы начали преследовать их, но до схватки дело не дошло, так как враг, опять же свободно, перешел нашу бывшую полосу обороны и... осел на своем втором рубеже.

Что за чудеса в решетке? Где же урвцы? Почему в их обороне такие прорехи?

Оказалось, что в ночь нашего ухода батальоны УРов не успели занять всю полосу обороны дивизии. А финны этим немедленно воспользовались. Они просочились через незакрытые участки — и вот результат. Хорошо еще, что мы вовремя подоспели.

До августа мы вели бои на прежних позициях. А затем пришел приказ снова сдать свою полосу и прибыть в населенный пункт Лодейное Поле. [160]

Прибыли. И тут оказалось, что здесь нас уже ждут эшелоны. Выходит, прощай Карелия?

Да, все было именно так. Нашу дивизию действительно снимали с этого фронта. Но куда пошлют? Это пока держалось в тайне.

Запомнилось, как провожал нас в Лодейном Поле командующий фронтом генерал К. А. Мерецков. Он побывал в каждой из наших частей. Встречался с воинами, сердечно благодарил их за ратный труд, за их вклад в освобождение Карелии. Многим тут же вручал ордена и медали.

Я тоже был удостоен высокой правительственной награды — ордена Суворова III степени. Одновременно генерал К. А. Мерецков объявил, что мне присвоено звание полковника.

И вот мы уже в эшелонах. Прощай, Карелия! [161]

Глава седьмая. Весна Победы

И вот мы в Калинин. Точнее, в его пригороде — Комсомольской роще, что находится в 14 километрах севернее города. Размещаемся в теплых землянках, учимся.

Произошли некоторые изменения в расстановке офицерских кадров. Так, командиром 100-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии был назначен генерал-майор И. А. Макаренко, закаленный в огне гражданской и Великой Отечественной войн генерал, трижды раненный и контуженный. Я стал его заместителем. Командование 298-м гвардейским стрелковым полком принял полковник М. Г. Мокшин, бывшим моим 301-м — полковник П. Ф. Малеев, а 304-м гвардейским стрелковым — подполковник А. Т. Кибкало.

Таким образом, основной командный состав нашей 100-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии и ее полков почти полностью обновился. Большинство выдвинутых на более высокие должности являлись воспитанниками нашего соединения.

10 января 1945 года пришел приказ о переброске 39-го гвардейского стрелкового корпуса в Венгрию. Мы погрузились в эшелоны и двинулись в заданном направлении.

По пути к фронту нас почти не тревожила авиация врага. Во-первых, господство в воздухе уже прочно перешло к советским ВВС. А во-вторых, и эшелоны были в достаточном количестве оснащены средствами ПВО. Так что в назначенные районы мы прибыли без происшествий и точно по графику.

Управление корпуса, корпусные части и наша 100-я гвардейская Свирская стрелковая дивизия по прибытии сосредоточились в небольшом городе Кечкемет. Остальные дивизии корпуса — в городах Надькерещ, Керекедьхаза и Лайошмиже.

Вскоре наш корпус был включен в состав 9-й гвардейской армии. Туда же вошли 38-й и

37-й гвардейские стрелковые [162] корпуса (кстати, в составе последнего мы воевали в Карелии). Армией командовал генерал-полковник В. В. Глаголев. Лично мне командарм был знаком еще с 1933 года. Знаком по 12-й кавалерийской дивизии, в которой он тогда командовал 76-м кавполком, а затем был начальником штаба дивизии. И вот теперь возглавляет гвардейское объединение!

Армия была укомплектована в основном бывшими десантными частями, вооружена новейшей боевой техникой, хорошо обучена и обладала большой ударной силой.

Ждем боевого приказа. И он наконец поступает. 4 марта, в ночь, оставляем Кечкемет. Густой туман окутывает все окрест, под прикрытием этой естественной маскировки мы и заканчиваем благополучно марш.

Снова рассвет. Кругом разоренные деревни, осиротевшие поля, виноградники. Мосты на дорогах все взорваны, поэтому во время марша нам то и дело приходилось искать обходы и объезды.

Дивизия сосредоточилась в новом районе. Командиры без раскачки приступили к его изучению, разведка тщательно прощупывает оборону противостоящего врага. Политработники развернули активную работу по разъяснению личному составу освободительной миссии Красной Армии, напоминая людям об их интернациональном долге по отношению к местному населению.

А обстановка в полосе действий 3-го Украинского фронта к тому времени сложилась следующая. К марту 1945 года в районе города Секешфехервар, между озерами Веленце и Балатон, противник сумел сосредоточить довольно крупные силы (до 11 танковых и 6 пехотных дивизий). И перешел ими в наступление против войск 3-го Украинского фронта.

Это наступление имело далеко идущие цели — на узком участке прорвать нашу оборону, выйти к Дунаю южнее Будапешта и последующим ударом одновременно на север и юг, вдоль реки, окружить и уничтожить советские войска, действовавшие западнее Будапешта. Затем враг рассчитывал, очистив правый берег Дуная, занять по рубежу этой реки оборону, высвободить отсюда значительные резервы и перебросить их на север против войск маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Мало того, фашисты мыслили внезапным ударом и выходом на тылы 3-го Украинского фронта сорвать нашу наступательную операцию в Венгрии и надолго сделать этот участок фронта пассивным.

Но противник просчитался и на сей раз. Несмотря на сконцентрированные им крупные силы и внезапность удара, [163] успех у него получился весьма ограниченным: он продвинулся вперед на 35–40 километров, но так и не достиг цели. Получилось даже наоборот: войска 3-го Украинского фронта, измотав врага в оборонительных боях и нанеся ему большой урон, сами перешли в наступление. Главный удар наносился в юго-западном направлении с последующим обходом с запада Секешфехервара и ударом во фланг и тыл упомянутой вражеской группировке. Надо было отрезать ее прорвавшуюся часть (ту, что продвинулась вперед на 35–40 километров) и, выйдя к северо-западному берегу озера Балатон, окружить ее и уничтожить. Остальные силы фронта должны были наступать через образовавшийся прорыв и овладеть городом Вена.

В этой обстановке нашему корпусу было приказано занять оборону в следующем порядке: 100-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии — на западном берегу реки Дунай с задачей прикрыть дороги, ведущие из Секешфехервара на Будапешт; 107-й гвардейской Первомайской стрелковой дивизии — на рубеже Шаркошар, Чепель, Эрд; 114-я

гвардейская стрелковая дивизия должна была сосредоточиться на восточном берегу Дуная и подготовить в районе населенных пунктов Рацкеве и Дунавече рубеж обороны протяженностью до 40 километров.

Мы выполнили задачу по организации обороны. Но вот воспользоваться ею не успели. Поступил новый приказ на перегруппировку. Соединения корпуса (без нашей дивизии) должны были не только развернуться на новом рубеже, но и с утра 21 марта даже перейти в наступление. К исходу дня выйти на линию населенных пунктов Борзавар, Зирез и Диолафиротот, где и закрепиться.

Наша же дивизия в это время передавалась в резерв командующего армией и выводилась в район населенных пунктов Мадьяралмаш и Шеркерестеш.

* * *

В резерве командарма мы пробыли с 20 марта по 1 апреля. Но и здесь нам дел хватало с избытком. Полки дивизии вели почти непрерывные бои, очищая наши тылы от оставшихся там полуразбитых частей противника. Этим мы занимались в районах населенных пунктов Моха, Мор, Варпалота, Ошню, Веспрем, Девечер, Надь-Богдань, Папа, Немеш-Сэлон, Мершват, Цельдемельк, Шарвар, Ват, Сильвад, Сомбатхей, Кесег...

30 марта войска нашего корпуса в стремительном броске вышли к австрийской границе и в районе города Кесег [164] пересекли ее. 100-я гвардейская стрелковая дивизия была тут же выведена из резерва командующего армией и вступила в боевые действия в первом эшелоне корпуса. Мы конечно же были рады этому.

В Австрии у врага была подготовлена довольно прочная оборона. Так, вдоль самой границы тянулся ее первый оборонительный рубеж. В инженерном отношении он был подготовлен всесторонне. Но тут в дело вступил такой фактор: немцы не успели подтянуть сюда свои оперативные резервы и прочно все занять.

Используя такую ситуацию, соединения 39-го гвардейского стрелкового корпуса с ходу прорвали оборону врага и начали его преследование уже на австрийской территории. Так, 107-я гвардейская стрелковая дивизия 1 апреля форсировала реку Лейту, захватила плацдарм на ее противоположном берегу и, почти без паузы перейдя с него в решительное наступление, захватила довольно крупный населенный пункт Лихтенверт, а затем и город Винер-Нейштадт, обеспечив тем самым ввод в бой уже нашей 100-й гвардейской стрелковой дивизии. 114-я гвардейская стрелковая дивизия, также перейдя в решительное наступление, за 1 и 2 апреля выбила врага из населенных пунктов Петтешинг и Зилингдорф.

Теперь наш путь лежал уже на Вену. Наступление на нее вели все три дивизии корпуса. На правом фланге действовала 114-я дивизия, в центре — 100-я, а на левом фланге — 107-я.

В первом эшелоне нашей дивизии шли 301-й и 304-й гвардейские стрелковые полки. Ломая сопротивление врага, они за пять дней продвинулись вперед более чем на 50 километров, освободив при этом немало населенных пунктов. В том числе Эбенфурт, Блюмау, Трумау, Татиндорф, Трайскирхен, Меллерсдорф, Гунтрамедорф и Гумпольд-Скирхен.

В этих боях особенно отличился 301-й гвардейский стрелковый полк полковника П. Ф.

Малеева. Правда, сам он 5 апреля был ранен в голову и выбыл из строя.

Образцы мужества и отваги показали и испытанные уже в боях 1-й и 2-й батальоны этого полка под командованием капитана У. Х. Хабекова и майора И. Ф. Щукина. Немало танковых атак отразили артиллеристы 406-го гвардейского артиллерийского полка и 107-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона.

Большой успех выпал и на долю 8-го батальона 301-го гвардейского стрелкового полка под командованием майора Г. А. Калоева. При взятии города Трайскирхен его воинами [165] был захвачен авиаремонтный завод, где находились уже приготовленные для отправки на фронт двадцать истребителей. В тот же день западнее Трайскирхена этот батальон освободил лагерь военнопленных, в котором оказалось более четырех тысяч узников фашизма самых разных национальностей, в том числе много французов.

* * *

И снова — об апрельских днях сорок пятого.

Овладев высотой 366,0, наша дивизия, имея в первом эшелоне 301-й и 304-й полки, повела решительное наступление на город Медлинг. К рассвету 6 апреля после упорных боев он был освобожден. Полки устремились дальше, к Брунну. Но овладеть с ходу этим городом не смогли. Не удалось попытки и других дивизий корпуса выбить врага из городов Лизинг, Мауэр и Хаккинг.

И все-таки мы почти упирались в пригороды Вены. Столица Австрии уже просматривалась с наших позиций.

6 апреля в 7 часов утра меня вызвал к себе комдив. Пошел к нему. В штабе дивизия оказался командир корпуса генерал М. Ф. Тихонов, другие офицеры. Комкор как раз уточнял задачу нашему командиру дивизии генералу И. А. Макаренко на совершение обходного маневра через Венский лес и атаки Вены с запада. Из его слов я понял, что дивизии следует, оставив на прежнем месте для прикрытия 301-й гвардейский стрелковый полк с частями усиления, совершить главными силами марш на Медлинг, Гааден, Зиттендорф, Брайтенфурт и Пуркерсдорф, повернуть там на восток и атакой, начатой одновременно с 301-м полком, овладеть городами Лизинг, Мауэр и Хаккинг. В последующем, развивая наступление, ворваться в Вену и овладеть ее центральными кварталами. Но здесь не задерживаться, а, форсировав канал Данау, выйти на западный берег Дуная на участке Кайзермюлен, Флоридсдорф.

301-й гвардейский стрелковый полк усиливался 406-м и 407-м гвардейскими артиллерийскими полками, танками и САУ и занимал, как я уже говорил, всю дивизионную полосу на данный момент.

И вдруг командир корпуса обратился уже непосредственно ко мне:

— Полковник Малеев выбыл из строя. А вы, товарищ Харазия, командовали 301-м полком, хорошо знаете его личный состав и возможности. Поэтому вам поручается, так сказать, по совместительству, еще раз покомандовать этим полком, а также другими частями на данном направлении. Как, не возражаете? [166]

Я конечно же не возражал. И генерал М. Ф. Тихонов продолжил:

— Ваша задача — по-прежнему вести здесь боевые действия, прочно прикрыть правый фланг группы войск корпуса, выполняющих обходный маневр, самыми активными действиями отвлечь на себя внимание противника. Далее — по сигналу, совместной атакой с главными силами дивизии овладеть городами Брунн, Перхтольдсдорф, Лизинг и наступать на Алымандорф. Все ясно?

Я ответил утвердительно, сделал для себя соответствующие пометки на карте.

* * *

Советским войскам удалось (6 апреля) прорвать обводный рубеж вражеской обороны вокруг Вены, а 7 апреля после упорных боев ворваться в город. Наш корпус за этот же срок совершил свой обходный маневр. И вступил в дело. 301-й гвардейский стрелковый полк по сигналу тоже перешел в наступление. Овладев населенными пунктами Брунн и Перхтольдсдорф, мы завязали бой уже за город Лизинг, сковав тем самым действующие здесь части противника.

Затем последовал приказ полку присоединиться к главным силам дивизии. Что и было сделано. С утра 8 апреля мы действовали уже в составе своего соединения, которое, наступая в первом эшелоне корпуса, вело бои в пригородах Вены. После жестоких схваток, не раз переходивших в рукопашные бои, полки дивизии выбили противника из этих пригородов и ворвались уже непосредственно в столицу Австрии.

В тот же день комдив генерал И. А. Макаренко уточнил полкам дальнейшие задачи. Но прежде передал, что за успешные боевые действия по обеспечению маневра главных сил дивизии и корпуса 301-му полку от имени комкора объявляется благодарность.

И снова в огонь, в жаркий бой. К исходу 9 апреля наши части вышли к каналу. Но вот форсировать его с ходу не удалось. Пришлось временно остановиться и начать подготовку к форсированию более основательно.

Канал был судоходен. По его берегам тянулись широкие набережные, застроенные многоэтажными домами с кирпичными толстыми стенами. Все они, естественно, были укреплены: в подвалах и на первых этажах установлены орудия, а на верхних пулеметы. Словом, все подступы к каналу были прикрыты системой многослойного ружейно-пулеметного, минометного и артиллерийского огня. [167]

Правда, в полосе наступления дивизии через канал были четыре моста: три из них — на участке 301-го гвардейского стрелкового полка, а четвертый — перед 304-м гвардейским полком. Но три моста противник уже взорвал, а четвертый заминировал, в готовности в любую секунду поднять его на воздух. Короче говоря, мостами мы воспользоваться не могли.

Оценив обстановку, мы начали готовиться к форсированию канала на подручных средствах и штурму укрепленного противоположного берега. Всю дивизионную артиллерию решено было переподчинить командирам полков первого эшелона и выставить ее на прямую наводку. И подтянув остальные средства усиления, сначала нанести мощный удар по обороне противника, после чего начать форсирование.

Началось подтягивание артиллерии. Здесь особенно отличился личный состав 114-го гвардейского саперного батальона. Его воины прокладывали пути через завалы, среди разрушенных зданий. Сверх человеческих возможностей трудились и герои-артиллеристы

во главе с командиром 60-й гвардейской артбригады подполковником Д. В. Вержховским, заместителем командира бригады подполковником Б. П. Укке, командирами артиллерийских полков подполковником В. М. Гришиным, майором Г. Д. Ильичем, командиром 107-го противотанкового дивизиона майором В. К. Панкратовым. Они буквально на руках выкатывали свои орудия на огневые позиции, иногда даже демонтировали их и в разобранном виде поднимали на верхние этажи зданий, там вновь собирали и готовили к стрельбе. Так поступили, в частности, артиллеристы старшего лейтенанта Антонова, которые, разобрав несколько пушек, по частям внесли их на второй этаж особняка, стоявшего на берегу канала, собрали эти пушки вновь, установили их в оконных проемах, чтобы вести стрельбу прямой наводкой по огневым точкам врага на противоположном берегу.

Стрелковые полки и батальоны также производили перегруппировку, занимали исходные позиции, готовясь к форсированию канала. И тут из 301-го гвардейского стрелкового полка пришло известие, которое лично я встретил с большой душевной болью.

А произошло вот что. В первом эшелоне 301-го полка на правом фланге действовал 1-й батальон капитана У. Х. Хабекова. На левом — 2-й батальон майора И. Ф. Щукина. Эти батальоны готовились преодолеть канал на подручных средствах. И вот в полдень 10 апреля, в самый разгар нашей подготовки к форсированию, я вызвал по рации Хабекова, [168] чтобы еще раз уточнить действия его батальона. Связь была плохой, ибо КП командира 1-го батальона располагался в подвальном помещении возле собора Св. Стефана. Больше того, кругом стояли многоэтажные здания, тоже затруднявшие прохождение радиоволн. И вот, чтобы улучшить слышимость, У. Х. Хабеков и находившийся с ним начальник артиллерии полка капитан Д. Д. Беляев решили выйти с рацией на открытый перекресток. Оттуда связались со мной. Разговор наш длился не более пяти минут, а потом вдруг резко прервался. Признаться, я не придал этому значения, подумав, что они просто заторопились выполнить мои указания. Но... Не прошло и получаса, как мне доложили, что к дивизионному КП подвезли тяжелораненого Хабекова. Я вышел и увидел его, лежащего на повозке. Убедившись в тяжелом состоянии комбата, я приказал немедленно отправить раненого в медсанбат и сделать все возможное для его спасения. Но, не успев доехать до медсанбата, У. Х. Хабеков скончался...

Не только я, но и весь 301-й полк тяжело переживали эту утрату. Хабеков был всеобщим любимцем, ветераном полка. В свое время мы с ним, что называется, плечом к плечу прошли не одну огненную сотню верст по дорогам войны. И вот теперь его не стало... Жизнь комбата оборвал осколок вражеского снаряда, разорвавшегося на перекрестке как раз во время нашего с ним радиоразговора. Потому-то так внезапно и прекратилась связь.

Осколком этого же снаряда был убит и капитан Д. Д. Беляев.

* * *

Смерть У. Х. Хабекова конечно же нарушила наши планы. Ведь 1-й батальон, как уже говорилось, должен был действовать в первом эшелоне 301-го гвардейского стрелкового полка. А теперь он остался без командира. Кто бы мог заменить героического комбата?..

В минуту этих тяжелых раздумий ко мне обратился командир 3-го батальона майор Г. А. Калоев, которому по первоначальному плану предстояло действовать во втором эшелоне полка. Попросил:

— Товарищ полковник, доверьте моему батальону задачу Хабекова. Заверяю вас, что мы

выполним ее с честью, не посрамим памяти нашего боевого друга!

Я конечно же был глубоко благодарен Калоеву за то, что он решил добровольно принять на себя ответственность за успех предстоящих действий. Но как на это посмотрит комдив? [169]

Командир дивизии, да и командир 301-го полка поддерживали инициативу комбата. И мы с Калоевым отправились в район, где предстояло теперь сосредоточиться его батальону. На месте поставил ему задачу, выделил средства усиления, организовал взаимодействие с соседними частями. Уходя, был уже спокоен: участок Хабекова — в надежных руках его друга.

Кстати, канал должна была форсировать и артиллерия. А для нее требовались мосты. Вот на долю-то 301-го гвардейского стрелкового полка и выпало форсировать канал на подручных средствах, сразу на двух участках захватить плацдармы, а потом принять все меры к восстановлению находящегося здесь деревянного пешеходного моста через канал. Добавлю: этот мост был подорван врагом так, что в воду рухнул лишь его центр, а концы по-прежнему удерживались на береговых опорах. Так что восстановить его было не так-то трудно.

Но был, как я уже упоминал, еще один мост. Совершенно целый, но заминированный. На участке 304-го гвардейского стрелкового полка. Его решили захватить в первую очередь и разминировать.

Руководство боем по захвату этого моста и плацдарма на восточном берегу канала на участке 304-го гвардейского стрелкового полка взял на себя командир дивизии генерал-майор И. А. Макаренко. Напряженная подготовка завершилась к утру 11 апреля. Вся артиллерия дивизии и полков была выставлена на прямую наводку, замаскирована в подвалах и на первых этажах домов. Эффективность ее огня ожидалась очень высокой: гаубицы калибром 122 мм и пушки от 85 и до 100 мм должны были бить прямой наводкой по целям, расстояние до которых составляло всего 150–200 метров.

Ранним утром 11 апреля генерал И. А. Макаренко вызвал к себе на НП командира саперного взвода гвардии старшину С. А. Кузакова и поставил ему задачу разминировать мост. Старшина отобрал для этого четырех испытанных в боях бойцов: Шевченко, Широкова, Захарова и Михайлевича.

В назначенный час громынула наша артиллерия. Более 150 стволов обрушили огонь на противоположный берег канала. Славные артиллеристы, возглавляемые подполковником Вержховским, выполнили свою задачу отлично — момент начала форсирования канала они прикрыли надежно.

И вот уже на правом фланге дивизии пришел в движение 301-й гвардейский стрелковый полк. Его 3-й и 2-й батальоны [170] быстро перебрались на подручных средствах на противоположный берег, ворвались в дома на набережной и завязали там жаркие бои, выбивая фашистов прежде всего из подвалов и первых этажей.

На участке же 304-го гвардейского стрелкового полка группа саперов тем временем попластунски поползла к мосту, перерезала проволочные заграждения на подступах к нему, обезвредила мины в проходах и добралась до самого моста. Кузаков и Широков отыскивали электропровод, идущий к зарядам, и перерезали его. Остальные саперы занялись разминированием ферм.

Старшина С. А. Кузаков вскоре был ранен в обе ноги, но тем не менее продолжал выполнять задание.

Кстати сказать, фашисты, ошеломленные огневым налетом нашей артиллерии, вначале молчали. Но когда они все-таки открыли ответный огонь, было поздно — мост оказался в наших руках. По нему тут же двинулись танки и САУ, а за ними — стрелковые батальоны. Они захватили на противоположном берегу плацдарм и начали его расширять.

* * *

На плацдарм, захваченный подразделениями 304-го полка, был перенесен КП командира дивизии. Вскоре туда же прибыл командир корпуса, а затем и командующий армией. Да, здесь шли жаркие бои. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Бои шли не только за каждый дом, но и за этаж, за комнату. Враг к тому же то и дело предпринимал контратаки. В итоге, несмотря на мастерство и отвагу наших воинов, захваченный плацдарм на участке наступления полка за день был расширен по фронту и в глубину не более чем на 500 метров.

Затем плацдарм был расширен по фронту на 700 и в глубину на 500 метров. Но соединить его с плацдармом 301-го полка и создать общий дивизионный пока не удавалось. Поэтому в последующие сутки каждому полку пришлось самостоятельно накапливать силы и расширять плацдармы лишь на своих направлениях.

Гвардейцы 301-го стрелкового полка одновременно начали восстанавливать еще и разрушенный мост. Дело пошло не сразу. Так, в течение дня 11 апреля 114-му саперному батальону вообще не удалось развернуть работы, ибо противник вел непрерывный обстрел. Пришлось вмешаться в их дела — вместо командира этого батальона, не обеспечившего в данной ситуации руководства работами, направить к саперам испытанного в боях, очень волевого офицера старшего [171] лейтенанта С. М. Чернова. И он сумел взять дело в свои руки. Уже 12 апреля восстановление моста было завершено.

С восстановлением моста жизнь в 301-м гвардейском стрелковом полку пошла веселее. На плацдарм переправились все его подразделения, а также тылы. Это позволило нам (а я по-прежнему, одновременно со штатной должностью, командовал им) все время наращивать силу ударов. И пусть медленно, но продвигаться вперед.

Наступило утро 13 апреля. И с первыми лучами солнца на врага снова обрушился ураганный огонь. Теперь уже вся наша дивизия во взаимодействии с подоспевшими частями 6-й танковой армии двинулась с завоеванных плацдармов вперед. К полудню, ломая сопротивление гитлеровцев, она на всей полосе наступления вышла к Дунаю. Это произошло северо-западнее железнодорожной станции Цвишен-Бруккен.

Первыми на дунайский берег ступили воины 3-го батальона 301-го гвардейского стрелкового полка, наступавшие на правом фланге дивизии. По пути они штурмом овладели центральной городской железнодорожной станцией Цвишен-Бруккен. Развернув наступление дальше, 8-я рота этого батальона под командованием лейтенанта Ф. Я. Кулакова вскоре вышла к Дунаю. Красноармеец Костин, набрав во фляжку дунайской воды, доставил ее командиру батальона. А тот направил связного с письменным донесением о выходе на Дунай и приложением этого «сувенира» уже ко мне.

А вскоре австрийская столица была полностью очищена от фашистов. За мужество и

героизм, проявленные в боях за освобождение Вены, многие наши бойцы и командиры удостоились высоких правительственных наград. Так, командиры батальонов 301-го полка майоры Г. А. Калоев и И. Ф. Щукин стали Героями Советского Союза. Орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» были вручены старшине С. А. Кузакову. Красноармейцы Шевченко и Широков удостоились ордена Ленина. А красноармейцы Захаров и Михайлевич получили орден Александра Невского. Кстати, это был тот исключительный случай, когда рядовые бойцы были награждены орденом, учрежденным для офицерского состава.

* * *

В Вене мы получили небольшую передышку. Но уже в ночь на 22 апреля наша 100-я гвардейская Свирская стрелковая дивизия получила задачу совершить в отрыве от остальных соединений корпуса марш в трудных условиях горно-лесистой [172] местности Восточных Альп и с рассветом, достигнув горного массива Обер-Тристинг, развернуть здесь боевые действия против воздушно-десантных частей гитлеровцев, с опозданием переброшенных из-под Берлина на усиление войск, оборонявших Вену.

Вплоть до 27 апреля мы вели тяжелые бои в Обер-Тристинге. И добились-таки здесь фашистских десантников. А к исходу дня 27 апреля наша дивизия уже соединилась с другими дивизиями корпуса. К нам вернулись 60-я гвардейская артиллерийская бригада и 304-й гвардейский стрелковый полк, выполнявшие до этого самостоятельные задачи.

Во время боев в Восточных Альпах я уже был на своей штатной должности — заместителя командира дивизии. Ибо в период завершения освобождения Вены в 301-й полк из госпиталя вернулся его прежний командир полковник П. Ф. Малеев.

30 апреля части и соединения нашего корпуса, сдав достигнутые рубежи 66-й и 69-й дивизиям, отошли и сосредоточились километрах в 30 западнее Вены. Мы снова получили короткую передышку, во время которой части приводили себя в порядок, пополнялись личным составом, ремонтировали технику, подвозили боеприпасы и продовольствие.

Но это продолжалось недолго. 5 мая наш корпус был передан в состав 2-го Украинского фронта, и мы, совершив марш через Вену, оказались на левом берегу Дуная, севернее города.

В полдень 7 мая получили боевую задачу: в ночь на 8 мая двумя дивизиями сменить части 46-й армии на рубеже Обершорделее, Патценаль, Клейн Радольц, а еще одну дивизию сосредоточить в районе Пира. С названного выше рубежа перейти в наступление, прорвать оборону противника и далее двигаться в северо-западном направлении.

КП корпуса расположился в районе Пира. Нашим правым соседом был 38-й гвардейский стрелковый корпус, левым — соединения 46-й армии.

Начали подготовку. Темпы и напряжение при этом были весьма высокими. Поджимало время.

Наконец напряженная работа подошла к концу. В ночь на 8 мая дивизии корпуса заняли исходные рубежи для атаки. Но утром от нашей разведки стали поступать сведения о весьма странном поведении противника. Ведь если до сих пор он усиленно совершенствовал свою оборону, то теперь вдруг были обнаружены скрытный отвод его частей и подразделений, какие-то непонятные перемещения групп и одиночек, движение

техники, И все это — в западном направлении. [173] В тылу обороны врага раздавались какие-то взрывы.

Было принято решение организовать разведку боем. При этом в полосе наступления нашей дивизии мы не обнаружили противника ни в первой, ни в последующих траншеях. Стало ясно, что враг отошел. А взрывы... Фашисты отходили, разрушая оборонительные сооружения, подрывая мосты, участки дороги, минирруя буквально все на своем пути.

Командир корпуса генерал М. Ф. Тихонов, который в это время находился на КП нашей дивизии, оценив обстановку, приказал всем соединениям корпуса немедленно начать преследование отходящего противника. В каждой дивизии для этой цели было сформировано по два мобильных отряда, каждый — в усиленный стрелковый батальон. И так как дивизионные артиллерийские бригады и истребительно-противотанковые дивизионы были у нас на автомобильной тяге, то нашлись и подвижные средства для этих отрядов.

Но не так-то легко было настичь поспешно отходившего на запад врага. Вот уже более суток как мы на марше, а в соприкосновение с его главными силами так еще и не вошли. Правда, происходили скоротечные стычки. Но это были всего лишь заслоны противника.

9 мая в 2 часа ночи по Московскому радио мы услышали радостную и такую долгожданную для каждого из нас весть: фашистская Германия безоговорочно капитулировала!

Однако для нас война еще не закончилась. С рассветом 10 мая мы возобновили преследование отходящего противника и к полудню вышли к границе с Чехословакией, где враг попытался организовать сопротивление. Но после короткого боя он был смят и вновь стал поспешно отходить.

Наша 100-я гвардейская Свирская стрелковая дивизия пересекла границу с Чехословакией на участке северный берег Сканковского Рыбника и далее на юг к Пеле и высоте 537,0 (в 3 километрах северо-западнее Бранда). 107-я гвардейская стрелковая дивизия в свою очередь — юго-западнее Славонице.

С момента как мы пересекли границу с Чехословакией, враг стал еще более расторопным, преследование его мы вели в очень высоком темпе. Например, моторизованный отряд 107-й гвардейской стрелковой дивизии так увлекся этой погоней, что сбился со своего направления, пересек справа налево всю полосу действий корпуса и утром 10 мая со стороны Ломнице ворвался в Ческе-Будеевице. Находившийся здесь враг, уже не помышляя ни о каком сопротивлении, в панике бросился из города. Офицеры хватали все, что могло двигаться: автомобили, мотоциклы, лошадей. Ну а солдаты [174] просто разбегались по окрестным лесам, из которых мы потом их вылавливали.

Моторизованный отряд ворвался в Ческе-Будеевице в 10 часов утра. А в 11.20 на его западной окраине подразделения из 352-го гвардейского стрелкового полка (входившие в этот отряд) встретились с разведкой 101-го пехотного полка 26-й пехотной дивизии американской армии.

Но тут получился казус: поскольку моторизованный отряд 107-й гвардейской стрелковой дивизии действовал отклонившись от своего направления, то командир корпуса приказал ему оставить Ческе-Будеевице, так как этот город находился в полосе наступления войск 46-й армии. Следуя этому приказу, отряд 107-й гвардейской стрелковой дивизии в 15.00

оставил Ческе-Будеевице. Но вот части 46-й армии войти в него не успели, ибо их опередили американские войска. Поэтому-то мне, как свидетелю тех событий, хочется внести ясность: в город Ческе-Будеевице первыми вошли не американцы, как считается, а советские войска — гвардейцы моторизованного отряда из 352-го гвардейского стрелкового полка 107-й гвардейской Первомайской ордена Суворова II степени стрелковой дивизии. И было это 10 мая 1945 года в 10 часов утра{12}.

Наша 100-я гвардейская Свирская стрелковая дивизия, также преследуя врага, к 23 часам 10 мая вышла в район Тршебонь. А ее передовые отряды (от 298-го и 301-го полков) уже к 21 часу были на рубеже Водняни, Нетолице, где встретились с частями американской 26-й пехотной дивизии.

Вечером 10 мая передовой отряд из 301-го гвардейского стрелкового полка, преследовавший противника (я был с этим отрядом), неожиданно задержался в лесах северо-западнее Глубоки. Требовалось пленить, а в случае сопротивления и разгромить здесь довольно большую группу гитлеровцев. Но это грозило выбить нас из графика движения, и мы могли не войти в указанное время в Водняни. Я было уже забеспокоился. Но что делать? И вдруг вижу: на шоссе появляется колонна наших автомобилей. Останавливаю ее. Оказалось, это 178-й медико-санитарный батальон 100-й гвардейской стрелковой дивизии. Весь медперсонал, а с ним и легкораненые бойцы. А если... Да, иного выхода нет, и я решился. Приказал:

— Вот что, медицина, придется и вам повоевать напоследок. [175] Раздайте оружие и легкораненым, тем, кто может стрелять, и ударьте по Водняни.

Должен сказать, что медики с честью справились с этим неожиданным для них боевым заданием. Их колонна быстро достигла окрестностей Водняни и на полном ходу ворвалась в этот населенный пункт. Опешивший от неожиданности враг действительно не оказал сопротивления и сдался.

* * *

Итак, война, грохотавшая 1418 огненных дней и ночей, завершилась нашей великой Победой. И мы были счастливы от сознания того, что в нее свой посильный вклад внесла и наша 100-я гвардейская Свирская Краснознаменная стрелковая дивизия. За подвиги, совершенные на полях сражений, 8336 ее гвардейцев были отмечены высокими правительственными наградами, а трое стали Героями Советского Союза.

Давно уже отгремели бои Великой Отечественной. Многие наши боевые друзья уже ушли на заслуженный отдых. Но немало их по-прежнему остается в строю. Хотя, конечно же, уже не в боевом — трудятся в разных концах нашей страны, в разных сферах народного хозяйства. И везде они верны фронтовой дружбе, боевым традициям.

Активную пропаганду боевых традиций соединения ведет совет ветеранов 100-й гвардейской Свирской Краснознаменной стрелковой дивизии. Ветераны нашего соединения собираются каждый год на День Победы. И вспоминают, вспоминают... О друзьях-товарищах, которые, «не долюбив, не докурив последней папиросы», отдали во имя свободы Родины самое ценное, что имели, — жизнь. Жизнь во имя жизни!

Примечания

- {1} Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 14 гв. кд, оп. 440625, д. 2, л. 13–14.
- {2} ЦАМО, ф. 14 гв. кд, оп. 440625, д. 2, л. 15.
- {3} ЦАМО, ф. 14 гв. кд, оп. 440625, д. 2, л. 17.
- {4} Бирюзов С. С. Когда гремели пушки. М., 1961, с. 65.
- {5} Яковлев — псевдоним Р. Я. Малиновского.
- {6} Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975, с. 276.
- {7} ЦАМО, ф. 4 гв. мбр, оп. 261424, д. 9, л. 3.
- {8} ЦАМО, ф. 2 гв. мк, оп. 23114, д. 3, л. 86.
- {9} Мерецков К. А. На службе народу. М., 1971, с. 373, 379.
- {10} Мерецков К. А. На службе народу, с. 390.
- {11} ЦАМО, ф. 37 гв. ск., оп. 277430, д. 6, л. 1–2.
- {12} ЦАМО, ф. 39 гв. ск, оп. 141800, д. 1.

Список иллюстраций

Хасан Лагустанович ХАРАЗИЯ:

Курсанты кавалерийской школы Б. Трубачев и Х. Харазия, г. Краснодар, 1930 г.:

Командиры эскадронов 69-го кавполка (сидят справа налево) Д. Емерсуинов, Д. Гараган, Г. Будко; стоят Х. Харазия и А. Кочкарев:

Я. К. Кулиев:

М. Н. Белов:

Группа командиров 112-го кавполка 21-й кавалерийской дивизии, 1941 г.:

П. В. Миронов:

М. Ф. Тихонов:

Ю. В. Ломбах:

К. В. Свиридов:

И. А. Макаренко:

Г. А. Калоев:

Слева направо: Н. И. Тузов, Д. М. Лукшин:

В. К. Панкратов:

И. П. Зубко:

П. Ф. Малеев:

Э. А. Киселев:

В. М. Лавров:

В. А. Гордиенко:

Н. Г. Голышев:

М. К. Дереха:

Д. Г. Гайдай:

А. С. Кибальников:

Д. В. Вержховский (в центре) с командирами артполков:

Н. Е. Менченко:

И. М. Сторожев:

П. С. Попов:

Д. Ю. Гитарин:

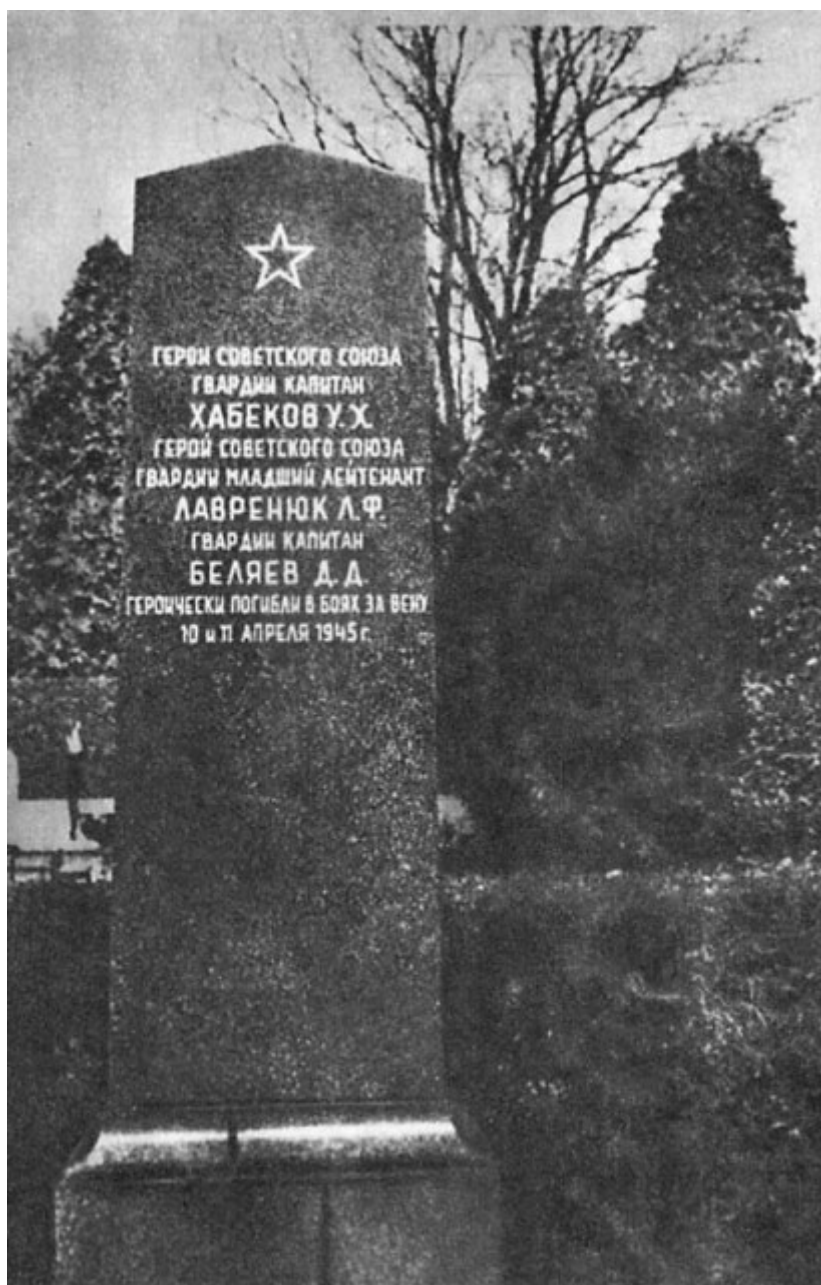
Награда Родины:

Слева направо: К. В. Красильников, Ю. В. Калашников, А. П. Чаусов:

Вечная слава павшим:

Н. Ф. Удалова:

А. С. Степанова:

И. Ф. Шукин:

Г. К. Гиматдинов:

Ф. Б. Нуруллин:

А. Я. Зубков:

Г. Г. Хабибуллин:

Т. М. Бочкарев:

К. Д. Митюрёв:

А. Д. Колганов:

Л. Ф. Давыдов;

Б. П. Мирошниченко:

А. Г. Жуков:

В. С. Кирюшенко:

Ф. М. Куликов:

С. Д. Моисеев:

А. М. Васильев:

В. К. Пахтунов:

С. М. Блинов:

В. А. Маслов:

Е. М. Фроловский:

У. Х. Хабёков:

М. А. Карданов:

В. К. Добрадин:

М. А. Воронцов:

М. И. Шаргородский:

Б. В. Барахацкий:

9 мая 1980 г. Идут ветераны 100-й воздушно-десантной дивизии:

